

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

РАЗУМ КАК ВИД УМА

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА

ИСТИННОСТЬ УРОВНЕЙ И ВИДОВ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

2020/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Мытищинский филиал

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. — д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла — доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. — д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио Микосиба — доктор наук, почётный профессор, Университет Чiba (Япония)

Михалкин Н. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала

Сафонов А. Л. — д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. — д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина — доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2020. — № 4. — 108 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytishki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V.V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University, Scientific Consultant

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the

license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series:

Philosophy. – 2020. – № 4. – 108 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Загребин М. В., Буренков С. В.* Разум как вид ума 6
Яровенко С. А. Рациональность мифа и парадигма гносеологического плюрализма 13

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* Сознание личности как проблема. Часть III 23
Аверюшкин А. Н. Особенности историографической ситуации исследований советской политики в области культуры в 20-е гг. XX вв.: проблемы и подходы 33

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Золотарев А. В.* Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы 46
Колесниченко Ю. В. Личность и ответственность в нулевой точке бытия. «Витебское время» М. М. Бахтина и К. С. Малевича 55
Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Методологические особенности русской религиозной философии 64

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Азимли А. Ш.* Этическая проблематика современной философии техники в трудах В. Г. Горохова 72
Красиков В. И. Методологические регулятивы механистического мировоззрения в общественных науках XVII-XIX вв. 78
Лебедев С. А. Истинность уровней и видов научного знания 87
Пелевин С. И. Аксиологический аспект технологизации современного общества 95

РАЗДЕЛ V. РЕЦЕНЗИИ

- Бондарева Я. В., Михайлова Е. Е.* Новый учебник по философии: приглашение к теоретическому разговору о проблемах современности 103

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

- M. Zagrebin, S. Burenkov.* Nous as a Kind of Mind. 6
S. Yarovenko. Rationality of the Myth and Paradigm of Gnoseological Pluralism. 13

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

- K. Abulkhanova, A. Slavskaja.* Consciousness of Personality (Litchnost') as a Problem. Part III . . . 23
A. Averyushkin. Features of the Historiographic Situation in the Research of Soviet Cultural Policy
 in the 1920 of the XX Century Problems and Approaches 33

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

- A. Zolotarev.* Vasily Rosanov's and Werner Heisenberg's Views on Understanding of Nature . . . 46
Y. Kolesnichenko. Person and Responsibility in the Zero-Point-Of-Being. The "Vitebsk Time"
 of M. Bakhtin and K. Malevich 55
Michio Mikoshiba, Ya. Bondareva. Methodological Features
 of Russian Religious Philosophy 64

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- A. Sh. Azimli.* Ethical Problems of Modern Philosophy of Technolgy in the Works
 of V. G. Gorokhov 72
V. Krasikov. Methodological Regulations of the Mechanical Worldview in Social Sciences
 of the XVII-XIX centuries. 78
S. Lebedev. The Truth of Scientific Knowledge Levels and Types 87
S. Pelevin. Axiological Aspect of Modern Society's Technologization 95

SECTION V. REVIEWS

- Ya. Bondarev, E. Mikhailova.* New Textbook on Philosophy. An Invitation to a Theoretical
 Conversation About the Problems of Modernity 103

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 165.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-6-12

РАЗУМ КАК ВИД УМА

Загребин М. В., Буренков С. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотреть онтологическую и гносеологическую суть разумного способа логического мышления.

Процедура и методы. Использован диалектический подход и методы системного анализа.

Результаты. Обозначены сущностные смыслы природы разума: он есть продукт эволюции диалектического единства умственной и предметно-практической деятельности человека; разум – ум, непосредственно отражающий свойства объективной реальности, отталкивающийся в своей деятельности от эмпирических единичных фактов; его задача – позволить рассудочному мышлению предоставить устойчивые по содержанию определения. Разум – ум категориальной абстрактной формы, т. е. для поиска истины он использует принцип диалектического единства всеобщего, общего и единичного.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование помогает осознать специфику разумного способа логического мышления и может быть использовано в процессе преподавания философских дисциплин.

Ключевые слова: ум, разум, рассудок, предрассудок, категория, множество, единство, единичное, общее, всеобщее.

NOUS AS A KIND OF MIND

M. Zagrebin, S. Burenkov

Moscow Region State University

24 ul. Vera Voloshina, Moscow region, Mytischki 141014, Russian Federation

Abstract.

Aim. To consider the ontological and epistemological essence of a reasonable way of logical thinking.

Methodology. In conducting the study, the authors used a dialectical approach and methods of systems analysis.

Results. The essential meanings of the nature of reason are indicated: it is a product of the evolution of the dialectical unity of the mental and objective-practical human activity; mind is a mind that directly reflects the properties of objective reality, starting in its activity from empirical single facts; its task is to allow rational thinking to provide definitions that are stable in content. Mind is the mind of a categorical abstract form, i.e. to search for truth, he uses the principle of the dialectical unity of the universal, the general and the individual.

Research implications. The conducted research helps to understand the specifics of a reasonable way of logical thinking and can be used in the process of teaching philosophical disciplines.

Keywords: mind, nous, reason, prejudice, category, multitude, unity, singular, general, universal

© CC BY Загребин М. В., Буренков С. В., 2020.

Введение

Если определять термин «ум» как понятие, выражающее способность к овладению способами мышления, его можно разделить по логическому основанию на три способа – предрассудок, рассудок и разум. Описание их различий в данной «триаде», как целостной рациональной системе, в истории философии отсутствует. Интересующее нас понятие разума рассматривается лишь в рамках «диады» – рассудок и разум. У Г. Гегеля, например, «рассудок – это первая форма логического» [4, с. 204]. Предрассудок же анализируется только как понятие, выражающее содержание мировоззрения, а не как способ логического мышления. Даже философский энциклопедический словарь определяет данный термин, «как мнение, предшествующее рассудку» [11, с. 526].

Наиболее детальная разработка представления о двух видах ума принадлежит И. Канту и Г. Гегелю. Однако, как замечал Ф. Энгельс, эти идеалисты «сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета» [12, с. 337]. А, по меткому выражению К. Маркса, «мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [7, с. 22].

Разумный способ мышления и диалектическая методология

Для того, чтобы понять суть разумного способа мышления, необходимо подойти к нему с позиции диалектико-материалистической методологии, т. е., во-первых, рассмотреть его в рамках «триады», что более соответствует традиции диалектики; во-вторых, опереться на принцип развития, ибо «...теоретическое мышление является прирожденным только в виде спо-

собности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована...» [12, с. 337] средствами обучения истории философии; при этом необходимо учесть, что «с исторической точки зрения ... мы можем познать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют» [13, с. 555–556]; в-третьих, учесть специфику философии диалектического материализма как науки, где одним из главных принципов является «путь от понимания отдельного к пониманию целого, к постижению всеобщей связи вещей» [12, с. 340]; и в-четвертых, вскрыть внутреннюю структуру его мыслительного акта, опираясь на принцип отражения внешнего практического опыта. Т. е., для того, чтобы получить представление о сущности разумного ума, следует утвердиться во мнении, что объективность его даётся только «внешним образом». Внешний опыт есть неперемненное условие опыта внутреннего, разумного.

Однако необходимо учесть, что внешний опыт разумного ума это рассудочная абстракция, приучавшая разум мыслить формально, статично, строго, точно по правилам. Нужно было привыкнуть сначала к рассудочной мысли для того, чтобы потом научиться мыслить разумно, т. е., диалектично, содержательно, «всеобщно», целостно и органично.

Рассудочный способ мышления сводится к тому, чтобы установить специфический, а именно формальный порядок отношений, который присущ понятию: родо-видовой, деления, классификации, определения и т. п. Рассудочный ум подходит к понятию как бы извне, со стороны, формально, как к некоторому эмпирически данному и подлежащему обработке содержанию. Рассудочный ум фиксирует внешнее единство перцептивного, внешние связи различных свойств, тогда как «разумное мышление есть осмысленное, понятое внутреннее единство чувственных данных» [10, с. 188], общее здесь «... в виде одинаковости по сути изолированных ... сторон» [10, с. 189].

По мнению Г. Гегеля: «Деятельность рассудка состоит вообще в том, чтобы сообщить содержанию форму...» [4, с. 202]. Здесь понятие готовое, устойчивое, неизменное, застывшее; здесь содержание тождественно форме, ибо «мышление как рассудок не идет дальше неподвижной определенности» [4, с. 202]. Более того, необходимо учитывать, что рассудочное «мышление жестоко и односторонне и что оно ... ведет к гибельным и разрушительным результатам» [4, с. 202].

Рассудочный ум делит мысль на две стороны, он есть схождение, конвергенция, сопоставление, антитеза, сопротивление двух сторон; этот двойственный состав сохраняется на всем протяжении мыслительного процесса и заканчивается равнодушной, безразличной, невозмутимой разлукой сторон (смыслов). Разум можно рассматривать с позиции рассудка, т. е., каждое определение категории в отдельности от других определений должно быть исчерпывающе понятно. Однако каждое определение по отдельности не может быть понято. Понимание отдельного определения возможно только на фоне всех других [14; 15].

Формально-рассудочное понятие требует содержательного анализа, осуществить который под силу только разуму, поскольку он, во-первых, есть непосредственное отражение предмета через перцепцию, восприятие и практику, а «практика (всегда. – М. З.) выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [6, с. 195]. Разумное мышление направлено на то, что перцептивно, аудитивно оно прикрепляется к эмпирическому, как источнику своего содержания.

Это непосредственное отражение характеризуется тем, что разумная мысль «обитает» во времени и пространстве движущегося материального мира, она рационально, теоретически «погружается» в отражаемый предмет, включает мыслительный рефлекс на происходящее, и в результате познанию открывается подлинная объективная сущность предмета.

Во-вторых, разумный ум позволяет рассудку предоставить в своё распоряжение выношенные им устойчивые, неизменные определения, поскольку «закон тождества говорит о том, что каждая мысль в процессе данного рассуждения должна сохранять одно и то же определенное содержание, сколько бы раз она не повторялась» [9, с. 65].

В-третьих, чтобы придать формальному понятию пространственную форму и временное изменение, требуются другие познавательные приёмы, принципы – категориальные. Т. е. необходимо установить такие категории, в которых могло бы уложиться всякое содержание объективной реальности. Такими категориями могут быть только формы разумного способа мышления, так как они по своему значению есть формы, отражающие и несущие в себе реальное содержание. А свои «... формы мышления никогда не может черпать и выводить из самих себя, а только из внешнего опыта» [12, с. 30]. Т. е., разумная категория есть непосредственное отражение сущности объективной реальности, и формы её есть формы всякого содержания.

Разумные категории суть действительные способы действительной, предметно-практической деятельности. Поэтому исследовать разумную мысль, категорию, «всеобщее понятие» в её основных формах – значит исследовать сущность всякого подлинного процесса.

Категория или в высшей степени абстрактное понятие отражает сходные, однородные, общие свойства всех форм бытия, а посему она и определяется как «всеобщая», всеобъемлющая, соборная. «Общее» – это то, что повторяется ... во множестве отдельных вещей, что указывает на сходство между ними ...» [8, с. 132]. Если «единичное» имеет тенденцию не повториться, «общее» – непременно повториться» [8, с. 70]. «...Сходство рассматривается как общее, а отличие – как особенное» [8, с. 132]. «Диалектическая логика рассматривает тождество (сходство, общее – М. З.) как момент всеобщего развития действительности» [9, с. 67].

Согласно Аристотелю и Г. Гегелю, например, абстрактность в высшей степени и есть метафизичность или «всеобщность», которая и составляет природу разумной мысли.

Разумная мысль отражает объективную реальность в форме «всеобщности» (категориальности) и принципов диалектического развития и конкретности (точности, определённости, предметности). Если «всеобщность», метафизичность составляет природу разумной мысли, то диалектичность, умосложение – ее основное свойство.

Категориальный закон есть закон, отражающий всю объективную реальность; категориальные принципы есть всеобщие правила для всей действительности в силу того, что «... принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [12, с. 30]. Т. е. разумный способ ума оперирует всеобщими формами мысли, которые перцептивны по источнику, определимы рассудочно и диалектичны как атрибуты.

Сущность идеи «всеобщего», категориального складывается в качественном сопоставлении терминов «единство» и «множество». «Единство» есть характеристика «множества»; оно есть способ отношений, соединений «единичных» элементов многого, различного; оно всегда «множество», где объединены по сходному признаку «единичные» элементы системы. «Всеобщность» означает наличие некоторого «множества» всех элементов, отличных друг от друга (т. е. изолированных друг от друга «единичностей»), и необходимость образовать из них на основе некоторого предиката «единство».

«Всеобщность» есть всегда «единство», совпадение, сходство, образовавшееся из «множества». Этимология термина «всеобщее» показывает, что оно есть нечто такое, что коллективно, солидарно, «общее всем» элементам, «единичностям» «множества». Разум – умосостояние, когда рассудочная дихотомия, раздвоенность понятия уступает место непосредственному «единству», т. е. диалектическому «единству».

Три способа единства

Выделяют три способа единства, т. е. соединения множества свойств отдельных «вещей». Первый – предрассудочный. Здесь «единство» потенциально, т. е. оно дискретное «множество» «единичных» перцептивных свойств, поверхностное объединение их в случайные быстро меняющиеся и эфемерные, недолговечные группировки. Здесь «единство» – «множество» «единичных» свойств, как случайный набор абсолютных свойств «единичностей»; здесь нет, по сути, «единства» по общему признаку; здесь «единство» всего «множества» свойств в отсутствии устойчивого концепта. Здесь «единство» признаков вариабельно, лабильно, характеризуется временной длительностью какого-нибудь свойства при сравнительно быстрой исчезаемости других, более приходящих свойств. Здесь свойства перцептивных вещей не фиксируются, не отображаются как устойчивые, повторяющиеся. Здесь «все течет, все изменяется» (Гераклит) абсолютно, без остановки.

Предрассудочный ум отражает «хаотические представления об окружающем мире и людей о самих себе...» [10, с. 183].

Второй способ – рассудочно-формальный. Здесь повторяющиеся, сходные, устойчивые свойства эмпирического множества отдельных вещей зафиксированы, обозначены, абстрагированы строго, точно, однозначно, догматично. «Общее – это то, что повторяется... во множестве отдельных вещей, что указывает на сходство между ними...» [8, с. 132]. Но только отображение этих свойств осуществляется для отдельного класса предметов. Здесь «общие» свойства предметов образуют то «единство», которое и есть формальное понятие; это простое, формальное единство. Здесь «общее», тождественное, уже отделено от «единичностей»; оно поставлено над ними как «род» над «видами». Здесь понятие «...содержит в себе также и многообразие, но как внутреннее простое различие, которое в смене явлений остается тождественным самому себе» [5, с. 230].

Однако это понятие как общее, сходное, тождественное, одинаковое «един-

ство» свойств есть продукт формального мышления, т. е. свойства доктринальны, догматичны, неизменны, что делает общее понятие формально аналитическим «единством», недействительной и нереальной абстрактной общностью. Здесь «дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела ...» [12, с. 350].

Таким образом, рассудочное «единство» – есть совокупность формально зафиксированных свойств, «общих», сходных для данного отдельного множества [3].

Третий способ – разумный, всеобщий или категориальный. Здесь «единство» есть множество сходных, аналогичных свойств всех предметов бытия; оно есть «всеобщее» сходное эмпирическое свойство предметов, объединяющее их во «всеобщее понятие» или категорию.

Характеризуя диалог Платона «Парменид», Г. Гегель констатирует суть такого «единства», где «... многое (люди – М. 3.) лишь постольку есть многое (народ – М. 3.), поскольку определяет себя как единое» [4, с. 207].

Категориальный ум и есть разум. Его главная задача – идея «всемирной, всесторонней, живой связи всего во всем и отражения этой связи ... в понятиях ... дабы (ими – М. 3.) обнять мир» [8, с. 31]. Поскольку категория есть непосредственное отражение всеобщих свойств предметов, она реальна, подлинна, она есть явь. «Категории ... отражают всеобщие формы бытия, всеобщие свойства и связи действительности, являющиеся ... - атрибутами материи» [8, с. 31]. То есть то, что действительно, реально, то есть всеобщее, категориальное. И в этой всеобщности отражена сущность действительности.

Материя «...выступает не просто как объективная реальность, а как «всеобщее» в этой объективной реальности...» [8, с. 50]. Более того, в гносеологическом значении категория разума способна мыслить себя саму; это значит, что она обращена сама на себя, т. е. она рефлексивна. Она есть способ мышления о мышлении;

она есть форма критического, творческого ума; она есть всеобщее правило для мышления. Разумный ум смотрит на себя через рассудок, а рассудок полагает себя через категории разума. Разум воспитан на рассудочном мышлении и приучен практической предметностью мысли. Как заметил Г. Гегель: «Рассудок есть вообще существенный момент образования. Образованный человек ... схватывает предметы в их четкой определенности ...» [4, с. 203]. Поэтому категория есть отражённое всеобъемлющее содержание предмета и цель его познания. Она есть органическая, предметно-практическая, свободная творческая сила, т. е. сама себя движет в качестве саморазвивающегося «всеобщего понятия».

Заключение

Становится очевидным, что категория самопознаёт себя внутри познавательного процесса; она умозрительна, спекулятивна. Она опирается: на собственные приёмы, принципы и открытия; на признание, анализ и оценку собственных ошибок; на субъективный, личностный интерес, но в рамках объективного положения в силу того, что «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным объективно-историческими условиями, субъективно-физическими и духовными особенностями его автора» [12, с. 32]. Разумный ум «...постигает единство (как единство тождества и различия – М. 3., С. Б.) определений в их противоположности ...» [4, с. 210].

Таким образом, диалектический разум как категориальное, «всеобщее» свойство ума отражает действительность, субстанциональное инобытие, как само себя. «Всеобщее» (духовность) есть любовь и свободомыслие [1; 2], а «основной, главный путь движения, развития разумного мышления – путь движения к практике, к осознанию ее всеобщности» [10, с. 190]. «Разумное мышление господствует на пути восхождения от абстрактного к конкретному» [13, с. 183].

Статья поступила в редакцию 17.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я. В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии XI–середины XIX веков (статья первая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 19–22.
2. Бондарева Я. В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX–первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23–27.
3. Бондарева Я. В. Мироззренческие основы научного познания // Молодой исследователь: вызовы, поиски и перспективы развития российского образования: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. 2017. С. 22–28.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. 452 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1969. 595 с.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1973. 333 с.
8. Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 1. Материалистическая диалектика как научная система / под ред. А. П. Шептулина. М.: Издательство Московского университета, 1983. 296 с.
9. Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 2. Диалектическая логика. / Под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. М.: Издательство Московского университета, 1986. 289 с.
10. Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 3. Диалектика процесса познания / под ред. М. Н. Алексеева, А. М. Коршунова. М.: Издательство Московского университета, 1985. 367 с.
11. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Е. Дюрингом. М., Политиздат, 1967. 484 с.
13. Энгельс Ф., Маркс К. Соч. Т. 20. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политическая литература, 1961. 517 с.
14. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students / E. V. Alekhina, A. L. Safonov, V. S. Zapalatskaya and others // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 140–146.
15. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Yu. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Bondareva Ya. V. [The unity of faith and knowledge as a basic epistemological principle of Russian religious philosophy of the 11th - mid-19th centuries (article one)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2010. no. 1, pp. 19–22.
2. Bondareva Ya. V. [The unity of faith and knowledge as a basic epistemological principle of Russian religious philosophy of the mid-19th - first half of the 20th centuries (article two)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2010, no. 1, pp. 23–27.
3. Bondareva Ya. V. [Worldview foundations of scientific knowledge]. In: *Molodoj issledovatel: vyzovy, poiski i perspektivy razvitiya rossiiskogo obrazovaniya. : Sbornik materialov XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii aspirantov i molodykh issledovatelei* [Young Researcher: Challenges, Searches and Prospects for the Development of Russian Education : Collection of materials of the XX International scientific-practical conference of graduate students and young researchers], 2017, pp. 22–28.
4. Hegel G. V. F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of logic]. Moscow, Thought, 1975 452 p.,
5. Hegel G. V. F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of spirit]. М.: Mysl, 1977]. 471 p.
6. Lenin V. I. *Poln. Sobr. Soch. T. 29.* [Full Collect. Vol. 29]. Moscow, Political literature Publ., 1969. 595 p.
7. Lenin V. I. *Poln. Sobr. Soch. T. 23.* [Full Collect. Vol. 23]. Moscow. Political literature Publ., 1973. 333 p.

8. Sheptulin A. P., ed. *Marksistko-leninskaya dialektika. Kn. 1. Materialisticheskaya dialektika kak nauchnaya sistema* [Marxist-Leninist dialectics. B. 1. Materialistic dialectics as a scientific system]. Moscow, Moscow Publishing House at the University Publ., 1983. 296 p.
9. Orudzheva Z. M., Sheptulina A. P., eds. *Marksistko-leninskaya dialektika. Kn. 2. Dialekticheskaya logika* [Marxist-Leninist dialectics. B. 2. Dialectical logic]. Moscow, Moscow University Publ., 1986. 289 p.
10. Alekseeva M. N., Korshunova A. M., eds. *Marksistko-leninskaya dialektika. Kn. 3. Dialektika protsessa poznaniya* [Marxist-Leninist dialectics. B. 3. Dialectics of the cognition process]. Moscow, Moscow University Publ., 1985. 367 p.
11. Ilyichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G., eds. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1983. 840 p.
12. Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom E. Dyuringom* [Anti-Dühring. The revolution in science by Herr E. Dühring]. Moscow, Politizdat, 1967 484 p.
13. Engels F., Marx K. *Sochineniya. T. 20. Dialektika prirody*. [Dialectics of nature. Vol. 20]. Moscow, Political Literature Publ., 1961, 517 p.
14. Alekhina E. V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. et al. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 140–146.
15. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Загребин Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: mihailzagrebin@mail.ru.

Буренков Сергей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: sergeivburenkov@gmail.com.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Michael V. Zagrebin – Cand. Sci (Philosophy), Assoc. Prof., Department of philosophy. Moscow Region State University;
e-mail: mihailzagrebin@mail.ru

Sergey V. Burenkov – Cand. Sci (Philosophy), Assoc. Prof., Department of philosophy of the Moscow Region State University;
e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Загребин М. В., Буренков С. В. Разум как вид ума // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-6-12

FOR CITATION

Zagrebin M. V., Burenkov S. V. Reason as a Kind of Mind. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 2020, no. 4, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-6-12

УДК 165.6+165.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ МИФА И ПАРАДИГМА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Яровенко С. А.*Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
660037, г. Красноярск, пр-т. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Осмыслить миф как рациональный феномен в контексте постсциентистской мировоззренческой установки, как поиск нового типа рациональности и новой модели соотношения научного и вненаучного знания. Подобное понимание природы мифа становится возможным в ситуации переоценки идеалов классического гиперрационализма и формирования новой парадигмы гносеологического плюрализма в эпистемологии.

Процедура и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные концепции рациональности, мифа, вненаучного знания.

Результаты. Основным результатом проведённого исследования является обоснование современной тенденции легитимации мифа в качестве формы рациональности, наряду с иными «вненаучными» духовными феноменами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят теоретический вклад в современную теорию познания, философию науки и философию мифа.

Ключевые слова: миф, наука, вненаучное знание, рациональность, парадигма гносеологического плюрализма

RATIONALITY OF THE MYTH AND PARADIGM OF GNOSEOLOGICAL PLURALISM

S. Yarovenko*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskii rabochii prospekt, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To comprehend the myth as a rational phenomenon in the context of a post-scientist worldview, the search for a new type of rationality and a new model of the relationship between scientific and non-scientific knowledge. Such an understanding of the myth becomes possible in the situation of the revaluation of the classical hyper-rationalism ideals and formation of a new paradigm of gnoseological pluralism in epistemology.

Methodology. Modern concepts of rationality, myth, and non-scientific knowledge provide the theoretical and methodological basis for the research.

Results. The main result of the research is the justification of the modern tendency to legitimize the myth as a form of rationality, along with other “non-scientific” mental phenomena.

Research implications. The results of the research make a theoretical contribution to modern theory of cognition, philosophy of science and philosophy of myth.

Keywords: myth, science, non-scientific knowledge, rationality, paradigm of gnoseological pluralism

Введение

В современных гносеологических исследованиях осмысливается факт сосуществования многообразных когнитивных практик, констатируется семантическая неопределенность самой категории «рациональность», создаются различные классификации «рациональности»: научная и ненаучная, закрытая и открытая, классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность и т. п. **Обобщая итоги философских дискуссий 90-х гг. XX в. о природе рациональности**, П. С. Гуревич отмечает, что для западной философии конца XX в. характерна «отчетливая тенденция к расширительному истолкованию понятия рациональности» [2, с. 173–174], к поиску нового типа рациональности. Данная тенденция сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня.

Целью исследования является осмысление мифа как рационального феномена, что предполагает решение задач: прояснение взаимоотношений мифа и науки в условиях становления нового типа рациональности; анализ проблемы легитимации вненаучных форм знания в рамках парадигмы гносеологического плюрализма.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные концепции рациональности, мифа, вненаучного знания. Актуальность заявленной тематики находит отражение в популяризации проблем рациональности, вненаучного знания, мифологического сознания в современной зарубежной и отечественной философии. Постнеклассическое понимание рациональности формируется в теориях философии науки (М. Полани, К. Р. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, К. Хюбнер и др.). Среди отечественных философов в изучение рациональности, критериев научности значительный вклад внесли П. П. Гайденко, Б. С. Грязнов, П. С. Гуревич, В. А. Лекторский, Ю. М. Лотман, В. И. Мудрагей, М. К. Мамардашвили, В. В. Налимов, А. Л. Никифоров, В. Н. Порус, В. С. Стёпин, В. С. Швырев и др. Исследования, направленные на осмыс-

ление плюрализма специфических форм рациональности представлены в отечественной философской традиции такими авторами, как Н. С. Автономова, М. М. Бахтин, В. С. Библер, И. Т. Касавин, Н. И. Мартишина, Л. А. Микешина и др. Феномен рациональности мифа находит обоснование в трудах Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Б. Малиновского, Э. Тайлора, К. Хюбнера и др. Анализ свойств мифологического сознания, логики мифа, его онтологических, гносеологических оснований представлен в работах Ф. В. Й. Шеллинга, Э. Кассирера, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Р. Барта, К. Хюбнера, М. Элиаде, К. Ямме и др., а также в исследованиях отечественных философов Н. С. Автономовой, Я. Э. Голосовкера, А. В. Гулыги, И. Т. Касавина, А. М. Лобока, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского, В. М. Найдыша, Ю. С. Осаченко, В. М. Пивоева, В. Я. Проппа, А. М. Пятигорского, М. И. Стеблина-Каменского, А. В. Ульяновского, О. М. Фрейденберг и др.

Философский дискурс конца XX – начала XXI вв. **актуализировал, по убеждению Б. Л. Яшина**, проблему «новой рациональности, выходящей за пределы рациональности научной и включающей в себя всевозможные когнитивные практики» [27, с. 75]. И. З. Шишков видит её как «рациональность», в которую «всё больше втягиваются миф и другие традиционные формы знания, которые уравниваются в правах с наукой» [20, с. 46].

Кризис европейского рационализма, безоговорочной веры в силу разума, науки актуализирует необходимость рассмотрения новой когнитивной парадигмы. Отказ от отождествления понятий «рациональность» и «научная рациональность» открывает горизонт понимания как «рациональных» по своей природе, вненаучных когнитивных практик, позволяет признать рациональность и истинность не только научных, но и вненаучных форм познания.

Автор исследования «Рациональность в структуре познания и деятельности» Н. В. Дрянных убеждена: «перед современными исследователями стоит задача ... при-

знания многомерного образа реальности, ... необходимости по-новому взглянуть на научную рациональность, осуществить синтез науки с различными формами познания на основе отношения дополнительности» [3], диалога между ними.

Миф и наука: проблема диалога

Традиционно возможности научного прогресса связывались с процессами рационализации, «расколдовывания мира» (М. Вебер), демифологизации, однако в рамках классической философии можно выделить две противоположные тенденции, фиксирующие отношения мифа и науки: с одной стороны – попытки определения мифа как архаичной науки, выполняющей примитивную познавательную функцию (антропологическая школа – Э. Тайлор и др.), с другой стороны – противопоставление мифа и науки как антиподов.

Достаточно амбивалентно оценивая гносеологическую функцию мифа, современная философия, в целом, преодолела понимание мифа в рамках «теории пережитков» как примитивного научного знания. Представление мифа в качестве примитивной науки – незвучно, поскольку при этом искажаются аутентичные черты и мифа, и науки. Специфичность мифологического и научного знания четко очерчивается при их сравнительном диахронном и синхронном анализе. Новый взгляд на формулу «От Мифа к Логосу» раскрывает генезисную связь мифа и науки (так, к примеру, А. В. Семушкин убежден в том, что миф по отношению к науке выступает как метатеория [15, с. 26]), позволяет осознать невозможность тотальной демифологизации, преодоления мифа усилиями научной картины мира.

Наука, имеющая, как и все феномены духовной культуры, генезисную связь с мифом, является специфичной формой познания мира и не совпадает с мифом, но, по глубокому убеждению А. Ф. Лосева, наука, как исторический феномен, – всегда в известной степени мифологизирована: «... если брать реальную науку, то есть науку, ре-

ально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции» [9, с. 43]. А. Ф. Лосев утверждает, что в основе любой реальной научной системы лежит «...мифология, которая ничем не доказана, ничем не доказуема и которая ничем и не должна быть доказываема» [9, с. 44].

Разумеется, панмифологическое отождествление науки с мифом нецелесообразно, так как при этом искажается специфика этих феноменов и критерии их анализа. Но неправомерно и игнорирование возможностей мифологизации науки, как и любого культурного феномена, каждый из которых способен функционировать как миф.

Характерное для классической философии понимание мифа как антипода науки, основанное на внеисторическом понимании феноменов рациональности и науки и их тождества и на принципиальной недооценке мифа как способа построения непротиворечивой (для её носителей) картины мира, в современной философии переосмыслено как проблема дополняющих друг друга рациональных способов мировосприятия. Такое решение проблемы антагонизма мифа и науки стало возможным на основе нового видения проблемы демаркации научного и вне-научного знания и пересмотра критериев самой рациональности.

Несмотря на тот факт, что по-прежнему довольно устойчивой является традиция трактовки мифа как принципиально «иррационального феномена», в современной философии, на основе переоценки идеалов классического гиперрационализма, складывается установка понимания мифа и науки как равноценных форм рационального постижения действительности на основе легитимации истины, логики, рациональности мифа. При этом в силу несовпадения значений понятий «теоретическое» и «рациональное» понимание мифа как формы рационального постижения мира не отменяет свойства принципиальной нетео-

ретичности мифа как мировоззренческого феномена.

Рационализация мифа, преодоление тотального разрыва между наукой и мифом находят выражение как в современной философии мифа, так и в философии науки, в неудовлетворенности категоричностью оппозиции «научное – не научное» и стремлении к созданию иных классификаций. Так, к примеру, П. Фейерабенд, высоко оценивая мифосознание как своеобразный и высокоэффективный способ познания мира, подчеркивает, что в мифе выражаются неизвестные и недоступные науке связи. По убеждению П. Фейерабенда, не только «миф гораздо ближе к науке, чем это представляется с философской точки зрения», но и «наука гораздо ближе к мифу, чем это готова допустить философия науки» [17, с. 138–139, 450].

Для современного исследования мифа недопустимость антагонизации отношений мифа и науки – принципиальная позиция. А. Ф. Лосев, к примеру, убежден, что миф – абсолютно вненаучен, для мифологического сознания нет никакого научного опыта, но, при этом нельзя ради доведения противоположности мифа и науки до абсурда игнорировать закономерности мифа. В мифе есть своя, мифическая же, истинность и достоверность [9, с. 49, 55].

Таким образом, современная философии деактуализирует примитивизирующие миф представления, в которых миф предстает как архаичная наука с доминирующей гносеологической функцией. Также понимание мифа в качестве генетического истока современных форм духовной культуры, в том числе и науки, позволяет исключить абсолютную поляризацию мифа и науки как антиподов.

Обоснование рациональности мифа

Переосмысление представлений о привилегированном месте науки в системе культуры в концепциях О. Шпенглера, Э. Кассирера, Г. Г. Гадамера, П. Фейерабенда позволяет увидеть в науке культурный фактор, равноправный и не обладающий никакими преимуществами в при-

обретения истинного знания, в сравнении с другими феноменами духовной культуры. Миф, при этом, понимается как «первая форма рационального постижения мира», не как «иное» разума, а как «иная форма рационального» [14, с. 189], как «высшая форма системности (*то есть рациональности*) обыденного сознания» [1, с. 177].

Исследуя отношение мифа и рациональности, Г. Н. Оботурова в работе «Миф в структуре познания и деятельности» стремится к рассмотрению мифа как специфической формы рациональности, «всевозможности» мифической логики [13]. При этом миф как одна из специфических форм рациональности понят как образно-понятийный, эмоционально-чувственный, ценностно-смысловой способ интерпретации мира. Как отмечает Н. В. Дрянных: «отличие мифа от других типов рациональности состоит в том, что он не дифференцирует мир на отдельные состояния, воспринимает его цельно, в единстве объективного и субъективного, идеального и реального, сознательного и бессознательного, естественного и сверхъестественного» [3].

Многие современные исследователи мифа отмечают, что «понимание мифа как формы рациональности не столько объективно рационализирует миф, сколько свидетельствует о стремлении к новому обоснованию рациональности» [23]. Говоря о рациональности мифа, О. А. Карлова в своей работе «Миф разумный» [5, с. 20] настаивает на употреблении термина «мифологический тип рациональности», полагая его наиболее корректным. По определению О. А. Карловой, мифологическая рациональность устанавливается с позиции всеобщей диалектики мифа, где миф раскрывается оформлениями совершенства: упорядоченностью, сложностью, организованностью, системностью, диалектическим противоречием, гармонией, красотой, всеобщей связью явлений, выступающими в качестве стандарта рациональности [4, с. 20].

Миф, понятый не только как альтернативный способ познания истины (Г. Г. Гадамер, П. Фейерабенд и др.), но и форма рационального постижения мира, получает в совре-

менной культуре легитимность и более высокий гносеологический статус. Так, в работе «Критика научного разума» К. Хюбнер демонстрирует, что традиционно понимаемый как иррациональный и противостоящий науке, миф, в действительности, характеризуется рациональностью, обусловленной отличным от научного, специфическим, опытом.

К. Хюбнер утверждает, что никакой внеисторической рациональности не существует: научный разум, рациональность вообще, принципиально историчны [7, с. 190–191]. «Рациональность» К. Хюбнер понимает как «семантическую intersubjectивность» и различает четыре вида рациональности: эмпирическую, логическую, операциональную и нормативную. По убеждению К. Хюбнера, рациональность есть нечто формальное и индифферентно к содержанию, будь то содержание науки или содержание мифа.

Характерный для мифологического сознания тип рациональности рассмотрен у К. Хюбнера в работе «Истина мифа», где автор демонстрирует, что в обладании рациональностью наука не имеет преимуществ перед мифом, поскольку рациональность относится лишь к форме обоснования. Наука, как и миф, есть исторически обусловленный способ интерпретации реальности, и рациональность науки исторична, как и сама наука. Следовательно, на основе сравнения системы научной и мифической онтологии, допустимо определить миф как замкнутую онтологическую систему, обладающую априорным фундаментом и рациональностью как эмпирической, логической, операциональной и нормативной intersubjectивностью.

На основании сравнительного анализа онтологических систем науки и мифа Хюбнер приходит к выводу [19, с. 248–249, 254, 265, 350]:

– «в аспекте эмпирической intersubjectивности опыт в мифе столь же обоснован, как и в науке и «превосходство» науки над мифом – историческое явление и не выражается в большей рациональности или истинности науки;

– семантическая intersubjectивность мифа несравнима с научной, но аналогична семантической intersubjectивности характерной для всех сфер человеческой деятельности (науки, «жизненного мира» обыденности и т. д.), а, следовательно, наука не обладает семантическим преимуществом перед мифом;

– лежащая в основе мифа онтология построена не менее систематично чем онтология науки, а значит, миф обладает собственной, мифической логикой;

– в отношении нормативных целей мифа и науки вообще исключен рациональный выбор» [25, с. 217–218].

Тем самым, по утверждению К. Хюбнера, «поскольку наука не рациональнее мифа, миф, в силу своей принципиальной "ненаучности", наукой опровергнут быть не может, а в силу несоизмеримости мифа и науки, неправомерна и критика мифа с позиции науки, что позволяет представить сам выбор между научной и мифической объясняющими моделями как исключительно мифическое явление» [25, с. 218].

Таким образом, «рациональная структура мифического и научного опыта – одинакова и инвариантна» [23].

В контексте современной ремифологизации, рационализация мифа, как обладающего собственной «логикой» (К. Леви-Стросс, Я. Э. Голосовкер, М. Лифшиц и др.), «истиной» (Э. Кассирер, М. Элиаде, А. Ф. Лосев и др.), «рациональностью» (К. Хюбнер, К. Ямме, Б. Л. Губман, Н. С. Автономова и др.), категориальной структурой, выступает как средство повышения его гносеологической и социокультурной значимости.

К вопросу о легитимации вне-научных форм знания

Характерное для современной философии обоснование мифа как формы рационального постижения мира сопряжено с проблемами поиска новых исторических типов рациональности и рационализации вне-научного познания.

Обращение к проблеме сопоставления мифа и науки как культурных феноменов и рациональных систем знания целесообразно через призму более широкого контекста – сопоставления научного и вненаучного знания. В современной литературе констатируется наличие серьезных разногласий в классификации вне-научных форм знания, связанное с неопределенностью, полисемантичностью понятия «ненаучное» («вне-научное») знание [6, с. 14]. Нерешённость до сегодняшнего дня демаркационной проблемы сопряжена с размытостью, нечёткостью границ самого вненаучного знания.

В современной философской рефлексии в последние десятилетия сложился ряд репрезентативных позиций по проблеме демаркации научного и вненаучного знания [23, с. 88–107].

Так, для Н. И. Мартишиной принципиальным решением терминологической неопределённости является дифференциация понятия «вне-научное знание» и использование его для обозначения не претендующих на статус научности типов знания (знание обыденное, религиозное, художественное, философское, мифологическое и т. д.). При этом всю совокупность ненаучных форм знания, которые стремятся к обладанию научным статусом (антинаука, лженаука, народная наука, паранаука, псевдонаука и др.), целесообразно, по мнению Н. И. Мартишиной, именовать термином «околонаучное знание» [10, с. 7–10]. Созвучна данной позиция В. А. Лекторского, для которого процесс конституирования науки связан с принципиальным отделением её от вне-научного знания (обыденное знание, искусство и т. п.), которое не позиционирует себя в качестве знания научного, и с противостоянием псевдонауке, которая выдаёт себя за науку [8, с. 3–4]. Тем самым задаётся определенная первичная классификация форм знания, выходящих за пределы науки.

В современных исследованиях фиксируется неэвристичность оценочного подхода к изучению вненаучных форм зна-

ния исключительно через их сравнение, сопоставление с наукой. Для действительно адекватного понимания природы вненаучного знания, оно должно изучаться на собственных основаниях, как специфический способ понимания мира, с собственными же стандартами и эталонами. Необходима реализация фундаментальной методологической установки на исследование вненаучных форм сознания как самодостаточных и автономных по отношению к науке способов познания мира, где миф не есть «недонаука», религия – не «антинаука», а философия – не «наука наук» [10, с. 6–7].

В то же время, развитие идеи культурного плюрализма, с точки зрения И. Т. Касавина, невозможно в условиях резкого антагонизма науки и иных форм познавательной деятельности. Касавин убеждён, что в ситуации актуализации принципов толерантности в современной социокультурной рефлексии доминирующими философскими установками в отношении теории познания должны являться признание исторической изменчивости критериев научности и легитимного статуса многообразных форм «вне-научного» знания, недопустимость оценки свойств знания с позиций сциентизированных догматичных стандартов рациональности. И именно на философии лежит задача поиска оснований для признания за огромным и ценным массивом вненаучного человеческого опыта статуса «нормального знания» [6, с. 12, 14].

Одним из факторов актуализации проблематики демаркации научного и вне-научного знания является ситуация противостояния мировоззренческих установок сциентизма и антисциентизма.

Сциентизм – это установка абсолютизации, мифологизации науки. Столкновение в современном постклассическом философствовании мировоззренческих позиций сциентизма и антисциентизма является свидетельством утраты наукой абсолютной монополии на «рациональность», так как и во вненаучных формах культуры обнаруживается своя истина,

логика, своя рациональность, не сводимая к научной. Тем самым, миф, искусство, мораль, религия, обыденное сознание получают статус легитимных форм рационального постижения действительности.

По мнению Н. И. Мартишиной, одним из значимых факторов в гносеологии второй половины XX в. стало утверждение «концепции многообразия видов познания» [11, с. 21], имеющей в современной эпистемологии статус парадигмы. Эта парадигма гносеологического плюрализма центрируется вокруг идеи об особом значении и роли вне-научного знания, которое рассматривается не как «недонаука», а как оригинальное, самодостаточное знание, имеющее своё основание и «когнитивную нишу» [11, с. 21].

Однако, как особо подчёркивает Н. И. Мартишина, невозможность подлинной реализации позиции «радикального гносеологического плюрализма» [11, с. 24] сопряжена с инерцией сциентистской установки. Н. И. Мартишина вынуждена признать проблематичность реального легитимного уравнивания науки и вненаучного знания как однопорядковых когнитивных стратегий. Когда это постулирует, к примеру, П. Фейерабенд, он, по определению Н. И. Мартишиной: «стремится скорее сломать стереотип, согласно которому позитивным знанием является только наука, а все остальное вообще не является знанием» [11, с. 24].

Тем самым, констатирует Н. И. Мартишина, имеет место «разрыв между декларируемым принятием парадигмы гносеологического плюрализма и реальным следованием ей в конкретных исследованиях в рамках теории познания» [11, с. 21].

Зафиксированное Н. М. Мартишиной сопротивление сциентизированной культурной традиции укоренению парадигмы гносеологического плюрализма, предстающей скорее как виртуальная модель, как «абсолютизированная точка зрения» [11, с. 21] свидетельствует о том, что преодоление классически-нормативного понимания науки отнюдь не беспроблемно. Однако, как справедливо

полагает Н. М. Мартишина: «увидеть вариативность норм познания, обнаружить границы научной формы рациональности ... – одна из важнейших потребностей современной теории познания» [11, с. 24].

Заключение

Маятниковые колебания, поочередная смена культурных состояний демифологизации и ремифологизации обуславливает культурно-историческую диалектику мировоззренческих установок сциентизма и антисциентизма, рационализма и иррационализма. Будучи, каждая в отдельности, – мифом, эти культурные антитезы поочередно демифологизируют друг друга: «сциентизм – миф науки; антисциентизм – её демифологизация, и одновременная мифологизация, абсолютизация сферы вненаучного знания и его возможностей» [25, с. 225]; рационализм – миф «рацио», иррационализм – его демифологизация и, одновременно, мифологизация, абсолютизация неразумия.

Если рассматривать феномен популярности тенденции рационализации способов вненаучного познания в контексте актуальности иррационалистических мотивов в постклассической духовной ситуации, обращение к сфере «рацио» представляется нетипичным именно в силу доминирования мифологии неразумия. В XX в. эпоха Просвещения с её неукротимым оптимизмом, стремлением к тотальной демифологизации, идеалами сциентизма и научно-технического прогресса, страстью к разуму сама была названа мифом [18]. «Рацио» было демифологизировано, десакрализовано. Переосмыслены прелестные, но утопические иллюзии гиперрационализма, к разуму стали относиться более прагматично, трезво, без наивного пафоса, но тяга к «рацио» и оптимистичные надежды оказались неистребимыми, поскольку по-прежнему «рацио» – категория не столько когнитивная, сколько экзистенциальная и означает не столько путь и средство познания, сколько мифологическую надежду и веру в предданную

упорядоченность и разумность мира [21, с. 281–286].

Обоснование рациональности мифа в контексте современной ремифологизации способствует утверждению парадигмы гносеологического плюрализма и выража-

ет общекультурную тенденцию реабилитации, актуализации мифа, повышения его гносеологической значимости, как обладающего собственной «логикой», «истиной».

Статья поступила в редакцию 05.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 286 с.
2. Гуревич П. С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) // Рациональность как предмет философского исследования: сборник научных статей / под ред. Б. И. Пружинина, В. С. Швырева. М.: ИФРАН, 1995. С. 209.
3. Дрянных Н. В. Рациональность в структуре познания и деятельности: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 138 с.
4. Карлова О. А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2001. 43 с.
5. Карлова О. А. Миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 208 с.
6. Касавин И. Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения). Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
7. Лекторский В. А. К. Хюбнер. Критика научного разума // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 190–191.
8. Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Научные и вненаучные формы мышления. М.: Институт философии РАН, 1996. 336 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
10. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 1996. 187 с.
11. Мартишина Н. И. Концепция многообразия видов познания: о некоторых следствиях парадигмы // Гуманитарные исследования. 2016. № 1 (10). С. 21–24.
12. Михалевская А. С. Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. 142 с.
13. Оботурова Г. Н. Миф в структуре познания и деятельности: дис. ... докт. филос. наук. Вологда, 1999. 337 с.
14. Плотников Н. С. Кристоф Ямме. Пределы и перспективы современных философских теорий мифа // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 188–189.
15. Семушкин А. В. Мифологический и эмпирический истоки философского знания // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1990. 380 с.
16. Ставицкий А. В. Наука и миф: проблема взаимной дополнительности // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 247–251.
17. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
18. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
19. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
20. Шишков И. З. Современная философия в поисках новой рациональности // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса, Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. В 3 т. Т. 1. Н. Новгород, 2012. С. 46.
21. Яровенко С. А. Когнитивистская психокоррекция личности: возвращение мифа «рацио» // Берестень: философско-культурологический альманах. 2009. № 1 (3). С. 281–286.
22. Яровенко С. А. Мировоззренческие основания современной философии мифа: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 176 с.
23. Яровенко С. А. Научное и вненаучное знание: мифология демаркации // Эпистемология & философия науки: ежеквартальный научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2008. Т. XVIII. № 4. С. 88–107.

24. Яровенко С. А. «Objectifying» and «ontologizing» paradigms in history of philosophical reflection of myth // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 2. С. 212–221.
25. Яровенко С. А. Современное социогуманитарное познание: мифологизм теоретических и методологических установок // Философия образования. 2010. № 4 (33). С. 220–228.
26. Яровенко С. А. Рациональность мифа: к вопросу о легитимации внеаучных форм знания // Наука, образование и современные проблемы диалога культур. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2002. С. 35–39.
27. Яшин Б. Л. Рациональность и логическое мышление // Философская мысль. 2015. № 10. С. 75–87.

REFERENCES

1. Avtonomova N. S. *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason. Mind. Rationality]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 286 P.
2. Gurevich P. S. [Search for a new rationality (based on the materials of three world congresses)] In: B. I. Pruzhinin, V. S. Shvyrev, eds. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research] Moscow, IFRAN Publ., 1995, pp. 209.
3. Dryannykh N. V. *Ratsional'nost' v strukture poznaniya i deyatel'nosti: dis. ... kand. filos. nauk* [Rationality in the structure of cognition and activity: PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2004. 138 p.
4. Karlova O. A. *Mif i mifologicheskoe soznanie: gnoseologicheskie i ontologicheskie osnovaniya: avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk* [Myth and mythological consciousness: epistemological and ontological foundations: abstract of D. thesis in Philosophy sciences]. Krasnoyarsk, 2001. 43 p.
5. Karlova O. A. *Mif razumnyi* [Reasonable myth]. Moscow, Moskovskii pisatel' Publ., 2001. 208 p.
6. Kasavin I. T. *Postigaya mnogoobrazie razuma (Vместо введения). Zabluzhdayushchiysya razum? mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya* [Comprehending the Diversity of Mind (Instead of an Introduction). Delusional Mind? Diversity of Extra-scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 464 p.
7. Lektorskiy V. A. [K. Huebner. Criticism of scientific reason]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1996, no. 1, pp. 190–191.
8. Lektorskiy V. A. [Scientific and Non-scientific Thinking: Slippery Boundary]. In: *Nauchnye i vnenauchnye formy myshleniya* [Scientific and extra-scientific forms of thinking]. Moscow, RAS Publ., 1996. 336 p.
9. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 558 p.
10. Martishina N. I. *Kognitivnye osnovaniya paranauki* [The cognitive foundations of para-science]. Omsk, Omskiy gosudarstvennuy universitet Publ., 1996. 187 p.
11. Martishina N. I. [The concept of the cognition type's diversity: on some consequences of the paradigm]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities research], 2016, no. 1 (10), pp. 21–24.
12. Mikhalevskaya A. S. *Mif i nauka: problemy vzaimodeistviya v sovremennoy obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk* [Myth and Science: Problems of Interaction in Modern Society: PhD thesis in Philosophical sciences]. Ivanovo, 2015. 142 p.
13. Oboturova G. N. *Mif v strukture poznaniya i deyatel'nosti: diss. ... dokt. filos. nauk* [Myth in the structure of cognition and activity: PhD thesis in Philosophical sciences]. Vologda, 1999. 337 p.
14. Plotnikov N. S. [Christoph Yamme. Limits and prospects of modern philosophical theories of myth]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1993, no. 5, pp. 188–189.
15. Semushkin A. V. [Mythological and empirical origins of philosophical knowledge]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 380 p.
16. Stavitskiy A. V. [Science and myth: the problem of mutual complementarity.] In: *Mif v istorii, politike, kul'ture: sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdisciplinarnoy konferentsii* [Myth in history, politics, culture: collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference]. Sevastopol, Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2019, pp. 247–251.
17. Feierabend P. [Against the methodological compulsion]. In: *Feierabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986, 542 p.
18. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p.
19. Huebner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
20. Shishkov I. Z. [Philosophy in the modern world: dialogue of worldviews]. In: *Filosofiya v sovremennoy mire: dialog mirovozzreniy: Materialy VI Rossiyskogo filosofskogo kongressa, Nizhniy Novgorod, 27–30 iyu-*

- nya 2012 g. [Proceedings of the VI Russian Philosophical Congress, Nizhny Novgorod, 27–30, June 2012, vol. 1]. N. Novgorod, 2012, pp. 46.
21. Yarovenko S. A. [Cognitive psycho-correction of personality: the return of the myth of "rationality"]. In: *Beresten': filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*. [Beresten: a philosophical and cultural almanac], 2009, no. 1(3), pp. 281–286.
 22. Yarovenko S. A. *Mirovozzrencheskie osnovaniya sovremennoi filosofii mifa: dis. ... kand. filos. nauk* [Worldview foundations in the modern philosophy of myth.: PhD thesis in Philos. sciences]. Krasnoyarsk, 2000. 176 p.
 23. Yarovenko S. A. [Scientific and non-scientific knowledge: the mythology of demarcation]. In: *Epistemologiya & filosofiya nauki: ezhekvartal'nyi nauchno-teoreticheskii zhurnal po obshchei metodologii nauki, teorii poznaniya i kognitivnym naukam* [Epistemology & Philosophy of Science. Quarterly scientific and theoretical journal on general methodology of science, theory of knowledge and cognitive sciences] Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk Moscow, Kanon Publ. 2008, .vol. 18. no 4, pp 88–107.
 24. Yarovenko S. A. "Objectifying" and "ontologizing" paradigms in the history of philosophical reflection of myth. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences], 2012, vol. 5, no. 2, pp. 212–221.
 25. Yarovenko S. A. [Modern socio-humanitarian knowledge: mythologism of theoretical and methodological attitudes]. In: *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education], 2010, no. 4 (33), pp. 220–228.
 26. Yarovenko S. A. [Rationality of a myth: on the question of legitimizing extra-scientific forms of knowledge] In: *Nauka, obrazovanie i sovremennye problemy dialoga kul'tur* [Science, education and modern problems of the dialogue of cultures]. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State Agrarian University, 2002, pp. 35–39.
 27. Yashin B. L. [Rationality and logical thinking]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2015, no. 10. pp. 75–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровенко Светлана Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;
e-mail: yarmyth@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Yarovenko – Cand. Sci (Philosophy), Ass. Prof., Ass. Prof. Department of Philosophy and Social Science, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;
e-mail: yarmyth@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровенко С. А. Рациональность мифа и парадигма гносеологического плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 13–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22

FOR CITATION

Yarovenko S. A. Rationality of the Myth and the Paradigm of Epistemological Pluralism. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy*. 2020. no. 4. pp. 13–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-23-32

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ III

Абульханова К. А., Славская А. Н.

Институт Психологии РАН

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация.

В третьей части статьи представлено социально-философское, а также философско-психологическое преломление онтологической парадигмы С. Л. Рубинштейна.

Цель. Показать, что благодаря бесценному «инструменту» личностного бытия – сознанию – человек обретает противоречивое, но творческое отношение к жизни. Понятие противоречия есть необходимый элемент сознания, является важной категорией, раскрывающей механизм адаптации личности в мире.

Процедура и методы. В работе используются исторический, компаративистский, аксиологический и телеологический, а также комплексный и системный подходы к анализу феномена сознания.

Результаты. Выявлена ценностная роль сознания как основы творчества, сделан вывод о его аксиологических функциях как особого способа существования человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в развёрнутом, аргументированном представлении сознания как ценностной компоненты бытия человека в мире; в практическом приложении психологический анализ проблемы, также содержащийся в исследовании, поможет отдельной личности найти ответы на вопросы о смысле своей жизни.

Ключевые слова: сознание, противоречие, творчество, ценности жизни, личность, человек и мир

CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY (LITCHNOST') AS A PROBLEM. PART III

K. Abulkhanova, A. Slavskaja

Institute of Psychology of Russian Academy of Science

13 korp. 1 Jaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation

Abstract.

The third part of the article presents the socio-philosophical refraction, together with the philosophical-psychological, of the ontological paradigm of Rubinstein.

Aim. To show that thanks to the invaluable «tool» of personal being – consciousness – the person acquires a contradictory, but creative attitude to life. The concept of contradiction is a necessary element of consciousness. It is an important mechanism of the person's adaptation in the world.

Methodology. In the research the historical, comparative, axiological and teleological, as well as the complex, systemic approaches to the analysis of the phenomenon of consciousness are used.

Results. The value role of consciousness as the basis of creativity is revealed; the conclusion is made on its axiological function as a special way of human existence.

© CC BY Абульханова К. А., Славская А. Н., 2020.

Research implications. Theoretical significance of the study lies in a detailed, grounded philosophical presentation of consciousness as a value component of the persons being in the world. Practical implication of the research lies in the psychological analysis of the problem – a part of the presented study, which helps an individual to find answers to the questions of the meaning of his life.

Keywords: consciousness, contradiction, creativity, life values, personality, man and the world

Статья посвящена 130-летнему юбилею Сергея Леонидовича Рубинштейна, выдающегося философа и психолога, заложившего теоретические основы отечественной психологической науки

Введение

Отраженное в первой и второй частях статьи [1; 2] авторское (философское) понимание личности как субъекта жизни, раскрывает, как возникает в сознании субъекта основная проблема, образуемая противоречием конечности времени жизни и безграничности пространства для её более глубокого, интенсивного, творческого осуществления. Это *пространство свободы* сознания личности, от которой зависит, использует она эту свободу для реализации во времени главного дела жизни – своего призвания или она устремится *успеть* сделать максимум существенного для нее самой, для близких людей, для общества, в котором она сознательно (или случайно) займёт своё собственное место [3].

Общеизвестно, что жизнь складывается из основного противоречия – между *независимыми* от личности обстоятельствами (её объективной детерминацией) и детерминацией, исходящей от личности [5]. Очевидно, что оптимальная стратегия жизни (осуществляемая личностью из оптимального сочетания обстоятельств и своих возможностей, способностей, жизненных сил, культурного уровня и т. д.) также обеспечивается сознанием субъекта. Однако гораздо чаще человек сталкивается с их несоответствием или даже противоречием.

Сознание способно воздействовать на изменение (или даже создание) благоприятных обстоятельств, а личность, благодаря ему, может *строить* свою жизнь (ранее мы употребляли в этом слу-

чае термин «организация» (в понимании А. А. Малиновского).

Высокий уровень сознания личности позволяет ей определять и затем практически обеспечивать – создавать отсутствующие объективно, но существенные для нее условия жизнедеятельности, образно говоря, *восполнять* «*пробелы*» жизни, которые определяются индивидуальным сознанием, что в обыденной жизни именуется *поисками*, направляемой сознанием активностью [4].

Противоположным фактором и присущим менее развитому – незрелому – сознанию, является широко распространенный в обыденной жизни факт – *отсутствия* сознания («я об этом и не подумал»; «это мне и в голову не пришло»). Это отнюдь не всегда связано с механизмом вытеснения, но также с произвольным самоограничением жизненного пространства сознания у данной личности. *Не существует для всех стандартных границ сознания* – личность сама ограничивает его.

Можно возразить, что это уже тема мышления, которая далеко ведет в сферу проблем национальной отсталости мышления и т. д.¹ Кроме того, скорее это относится уже к общественному сознанию, социальной психологии, ментали-

¹ Известный в мировой психологии французский психологии социальный психолог Серж Московичи высказал разумное соображение о недопустимости сравнения уровней интеллекта народов с исторически ранней культурой и образом жизни с интеллектом народов развитых стран, цивилизаций: он дал своеобразную формулу: каждый исторический уровень обеспечивается соответствующим ему уровнем развития сознания.

тету [6]. И, ставя целью охарактеризовать (пока ещё не выявить во всех философски сложных взаимосвязях) онтологическое качество сознания, мы, следуя принципу С. Л. Рубинштейна о возрастании возможностей каждого ниже лежащего уровня бытия в связи с возникновением и определением высшего), исходим из рассмотрения высшего уровня сознания, связанного со способом бытия человека в мире, разотождествив его определение с проблемой познания, переходя на *философско-психологический* уровень. Его специфика (по С. Л. Рубинштейну) характеризуется, во-первых, этическим характером в отношении сознания личности к другой (укрепляющим, усиливающим сущность и способ бытия), и, во-вторых, обеспечением более оптимальной регуляции, организации жизни, жизненного пути самой личностью под влиянием первой [7; 8].

Но в данном ранее определении сознания личности как ее жизненной *способности*, мы, учитывая важнейшее для этого уровня бытия личности её соотношение с обществом, в котором она живёт, ввели понятие социального мышления, условно обозначили его понятием «механизма сознания», раскрыли некоторые его особенности.

Не повторяя уже устаревшего тезиса об определяющей детерминации индивидуального сознания общественным, не включая в индивидуальное сознание общественную характеристику, мы фактически учли её функциональную роль в понятии *социального мышления*. Таким образом, на философском уровне, рассматривая (но не отождествляя) в качестве одного из функциональных механизмов сознания человека познание, на философско-психологическом уровне в качестве одной из «функций» сознания личности мы исследовали её познание как *социальное мышление*.

Последнее, при оптимальном уровне его функционирования, поддерживает уровень развития личности, его возможности

как её *способности*, и одновременно определяется (как мы предположили выше) её *потребностями* (жизненно-практическими, этическими и духовными).

Взаимосвязь этих разномодалных функциональных характеристик сознания личности, каждая из которых имеет свои индивидуальные особенности, придает сознанию личности индивидуальный *способ функционирования*, а последний – прямыми и обратными связями – соотносится с её индивидуальностью. Именно с ней связаны проблемы (способы, возможности и т. д.) *осмысления* личности жизни, отношений с людьми, которые в качестве *смыслов* было принято рассматривать в отечественной психологии при определении сознания (А. Н. и Д. А. Леонтьевы [13]). Смысл открывается личности или придается её сознанием именно в контексте *индивидуального* способа её жизни, отношений с людьми, с обществом, её избирательных отношений к обстоятельствам, воздействиям, условиям, событиям, ходу жизни в целом.

Всё, что в философии психологии принято обозначать своеобразными составляющими сознания (ценности, смыслы), обнаруживает свою реальную роль в процессе его функционирования, его «работы». И тогда в самом сознании (на его высшем уровне) имеют место процессы, осуществляющиеся по принципу «отрицания отрицания», то есть как нечто «бессмысленное», «не имеющее особого смысла», «имеющее огромный смысл» и т. д., что происходит в сложном контексте самой жизни, вызванных ее обстоятельствами, и собственно личностью инициированных поступков, изменений, в *контексте* её *самовыражения*, самореализации, самоутверждения в жизни, в контексте существенных ценностей её внутреннего мира, её «Я», в контексте происходящих в обществе и ее жизни изменений, наконец, в процессе изменения её самой [13].

Парадигма Рубинштейна о преобразовании противоречия в проблему и способах её решения

Одной из важнейших особенностей сознания личности является её способность / неспособность *решения противоречий*, которые составляют сущностную характеристику жизни личности и часто самой личности. Противоречия возникают также между личностью и способом её жизни, между ее жизнью и обществом (её местом в обществе), между личностью и её сознанием и ... в самом сознании личности. Они, как известно, имеют разную степень существенности, длительности, трудности их разрешения. В эмпирике жизни они образуют то, что (особенно в нашей России) называется «трудности жизни», препятствия, конфликты, коллизии (по Гегелю) [10].

Сознание обладает способностью *преобразования противоречий в проблемы*, которые она, в свою очередь, способно / не способно решать. Это возвращает нас к философскому вопросу об их позитивном / негативном характере (ведущим, согласно диалектическому материализму, к новому, прогрессу, развитию и т. д.; или деструкции, деградации, кризисам и т. д.). Применительно к уровню личности (при невозможности рассмотрения данной огромной проблемы в целом) и сам характер противоречий и проблем, в качестве которых они презентуются в сознании личности, зависит от *ценностного типа её жизненных потребностей*, типа и индивидуальности личности, которые мы, принимая определение Э. Фромма, также дифференцируем на *быть* или *иметь* [18] (то же, в принципе, относится к известной формуле единства и борьбы противоположностей).

Однако утверждение о взаимосвязях (прямых и обратных, прямых и опосредованных) сознания личности и жизненного пути остаётся абстракцией, если при этом не учитывается множество детерминант, придающих тот или иной характер, смысл этим связям отношением личности

к противоречиям жизни¹, противоречиям внутренним и внешним, противоречиям между последними. Одной из таких детерминант является способность личности к «овладению» своим сознанием (термин овладения психическими функциями предложил Л. С. Выготский [9]). Привычка думать прежде, чем делать (поступать) превращается в способность думать, которая значительно, чем мышление, как решение уже поставленных задач, должна быть свойственна не только учёному или представителю власти.

Трудно, однако, дифференцировать в столь важном в жизни любого человека моменте осуществления *принятия решения* собственно сознание от мышления. Если в психологии мышления происходит внезапное нахождение решения (инсайт), то для сознания чаще всего характерно длительное предварительное взвешивание его позитивных и негативных составляющих (хотя иногда пересосредоточенность на них отвлекает от рассмотрения последствий). Важное различие заключается в том, что при принятии решения гораздо значительнее «участие» собственно личностных особенностей (решительности / нерешительности, учёт личностью своевременности решения, максимальное осознание его роли в жизни (или на данном этапе жизни), осознание / неосознание не только части последствий, но возможности принятия решения по изменению самого направления жизненного пути, т.е. масштаба его значения и т. д. У предусмотрительных типов людей выявляется предварительная «расчистка» второстепенного как препятствий для выделения сущности. И наконец, в отличие от практического мышления, принятие решения включает осмысление действий, а чаще поступков, составляющих его реализацию. А действия, особенно поступки, всегда связаны с грузом разнообразных эмоций, усложняющих и затеняющих собственно рациональное решение (осознание «цены»

¹ Лёгкий характер или лёгкое отношение к трудностям может иметь место у стойкой, сильной личности и т. д.

решения, дифференциация необходимых от избыточных составляющих, последовательность осуществления, непредвиденные изменения и т. д. и т. п.).

Сложна также (и в ряде случаев отсутствует) способность всесторонности рассмотрения жизненно важной проблемы. Для способных личностей характерно умение преобразования проблемы, её *переинтерпретация* с целью дифференциации существенных и второстепенных составляющих, а также использование сослагательного наклонения «если», приближающее сознание, с одной стороны, к интеллектуальной игре (перестановке составляющих, «вынесение за скобки» – выражение С. Л. Рубинштейна и т. д.), с другой – к творчеству личности.

В такие критические моменты концентрации сознания с использованием интеллектуальных способностей личность не столько овладевает, сколько поддерживает сознание путём интеграции со своей мотивацией достижения, опытом, волей и ответственностью. Бесценна также её способность к быстрой мобилизации ресурсов сознания, её готовность к неожиданностям.

Сама жизнь личности есть путь борений и преодолений *вопреки*, что и составляет смысл жизни личности – «осилит дорогу идущий». Но перечисленные противоречия далеко не всегда осознаются личностью. В обыденной жизни обычно говорится не о *противоречиях*, а о *проблемах* (в отличие от философского подхода, рассматривающего превращение противоречий в проблемы). Наиболее общей для психологии задачей является выявление того, какие противоречия личность *находит* в процессе *осознания* ею жизни, какие возникают в силу её *активности* / пассивности, какие она *создаёт сама*, какие, заключённые в нём, типичны для её жизненного пути, но в то же время продуцируются данным *обществом, местом*, которое оно занимает (или стремится занять в нём), *какие* связаны с её отношением к людям и взаимоотношениями с ними. А далее – как личность *превращает* их посредством со-

знания в проблемы и *как* затем решает. К этому следует добавить, что не все проблемы жизни возникают из её противоречий, и не все проблемы личность способна решить [17].

Противоречия и проблемы становятся существенными для личности и её жизни в целом в зависимости от неё самой или от обстоятельств жизни. В той же мере они являются существенными как чисто *нравственные* или только *социальные*, или *собственно личностные*. Но их значительность связана с онтологической *сплетённостью* многочисленных разноуровневых, разнокачественных детерминант жизни личности. Потому нравственные проблемы *оказываются* противоречащими социальным и т. д. [12].

Противоречия (как и ценности и другие образующие сознания личности) по ходу жизни *изменяют* свою *существенность*, уступая место важности других противоречий. Соотношение противоречий и сознания двойственно: когда личность осознаёт противоречия, это побуждает к их решению (даже не разрешая их, она их постоянно решает). *Наличие* противоречий в жизни – её трудностей, препятствий и т. д. – актуализирует личность, *побуждает* её к их *осознанию*. Последнее, в свою очередь, зависит от уровня их значимости: масштаб «потерь», «угроз» и «рисков», в них содержащихся. Но это соотношение имеет *вероятностный* характер: как говорилось ранее, личности избегают проблем, уходят от осознания «горьких истин», уклоняются от «неприятностей», бессознательно обманывая себя (или «вытесняют» задачу осознания в область чувств – беспокойства, тревоги, неблагополучия).

Не всегда *только* противоречия преобразуются и приобретают форму проблем. Жизненные проблемы могут возникать из своего рода несоответствий (не коллизий, по Гегелю, но *диссонансов*), в «расстановке жизненных сил» (С. Л. Рубинштейн часто прибегает к этой формуле). Одни обстоятельства слишком *глобальны*, другие, сопутствующие им, слишком конкретны, незначительны, частны, но они «соседству-

ют» в очередной, стоящей или возникающей в жизни перед личностью проблеме. Личность *мысленно* «взвешивает» *серьёзность* последних и либо «выносит их за скобки» (С. Л. Рубинштейн), либо, напротив, осознаёт их важность, существенность («на весах» жизни) [19].

Типичным вариантом возникновения противоречий, составляющих проблемы, является *отсутствие жизненно необходимого* (отсутствие средств удовлетворения исходных жизненных потребностей человека в пище, жилище, работе, средств существования и т. д.), отсутствие обеспечения гражданских, социальных прав, недоступность сферы культурных ценностей и множество других «дефицитов», которые необходимы для полноценной жизни личности. Многие жизненные проблемы личности остаются нерешёнными (в силу их социального характера). Проблема возникает / не возникает, приобретает актуальность в зависимости от *отношения* личности к обстоятельствам жизни. Личность либо пытается восполнить пробел – отсутствие необходимого – *своими силами* (повышением уровня своей активности), либо прибегает к разного рода компромиссам, либо считает это естественным.

Проблемы возникают в силу *несоответствия самой личности* (её способностей, характера, притязаний и т. д.) профессии, семье, *неадекватности* ее жизненной позиции, её мировоззрения той или иной сфере ее жизни, общности, в которую она включена, и т. д. **Они (проблемы)** возникают из *несвоевременности* ее действий, *способов самореализации* тому или иному периоду её жизни и т. д. Все эти проблемы в разной степени остроты представлены в сознании личности.

Решение некоторых проблем осуществляется «выходом за их пределы» – сравнением с другими, более актуальными, чем *понижается* для сознания уровень их *существенности* (отсылкой к прошлому, к опыту *успешного* решения проблем, что заставляет сознание расширить контекст проблемы; откладыванием на время принятие решения и т. д.). Из сказанного оче-

видно, что проблемы – это не *всегда преобразованные противоречия*, поскольку содержат противоположные, несовместимые сущности. В качестве примера конструктивного решения проблемы можно привести диалог, состоявшийся несколько лет тому назад между дипломатическими представителями двух крупных государств по поводу обострения отношений между ними. Было предложено таким образом преобразовать проблему: принять как статус-кво, что на *высшем уровне* взаимоотношения в принципе являются позитивными, что не исключает возникновения разногласий по *отдельным*, частным, вопросам, но уже другого уровня. Это считается достижением *консенсуса*.

По-видимому, решение проблемы развивает мышление личности, *интуицию* как опознавание сфер, где они *могут* возникнуть, тогда как разрешение противоречий, особенно жизненно значимых, принципиальных, влияет на её уверенность, самооценку, жизненную «закалку», оптимизм, выдержку, способность к «совладанию», повышает её способность быть, чувствовать, осознавать себя и верность самой себе, способной к высшему уровню трудностей жизни.

Парадигма Рубинштейна как идейная концепция

Здесь соединяются и представления, что противоречия, проблемы, трудности решаются *своими силами*, и составляющие модальности личности, которые выделил С. Л. Рубинштейн, – «хочу, могу, я сам», к которым в наше время прибавилась жизненная модальность «надо», а также ум, воля, ответственность, которые *в своей совокупности* повышают *чувство собственного достоинства*, «самочинность» личности.

Это и придаёт ей *осознание* себя «субъектом» жизни в возможности распорядиться всем, что дано ей от рождения, приобретено в жизненных испытаниях (получено от общества). Иными словами, *сознание* как *способность* обогащает *жизнеспособ-*

ность личности строить свою жизнь, способность оставаться в ней *самой собой*. Это можно условно обозначить как *творческую* способность сознания личности, творчество, которое обычно связывается с определёнными специальными способностями личности (музыкальными, поэтическими и т. д.), является даром *таланта личности*.

Сознание же, будучи неотъемлемой *способностью каждого* человека, в отличие от плодов творчества, воплощенных в искусстве, культуре, создает стремление к лучшему, вносит в жизнь вдохновение, возвышенность, радость, любовь, красоту. Благодаря сознанию – нашему бесценному «инструменту» – личность обретает *творческое отношение* к жизни. Ценности обретают другие масштабы и силу, люди раскрываются в своей самобытности и значительности, некоторые – в своей бесценности... [16].

Выделение интегральной сущности сознания позволяет понять устойчивые характеристики её мировоззрения как выражение отношений личности к Миру. Некоторые составляют собственные жизненно ценностные обобщения, взгляды и убеждения личности, касающиеся свободы, справедливости, соотношения желаемого и должного (ответственности), удовлетворённости / неудовлетворённости своей жизнью в этом мире, собой в этой жизни, отношений к себе окружающих и своего отношения к ближним и дальним.

Мировоззрение в недавнем прошлом было принято отождествлять с идеологией и политикой ее реализации. Философская парадигма С. Л. Рубинштейна позволяет перейти от категории человека в мире и, естественно, его отношений к миру, этически воплощенных в ценностях сознания, к уровню личности и её *отношений*, более конкретных, а также к её жизни, к людям, так или иначе участвующим в ней, и рассмотреть её сознание на более конкретном уровне. Однако кроме людей, жизнь которых, в силу её обыденности, эмпиричности, трудности и т. д., не позволяет им «роскоши» иметь сознание, выходящее

за эти пределы (выше мы говорили, что только сама личность определяет границы своего сознания, свой кругозор), взаимосвязи личности с жизнью таковы, что жизнь *диктует* личности определенные границы, лишает ее сознания *свободы*. Другие личности обладают (в той или иной мере) качеством субъекта жизни, обращая свое сознание не только на собственную жизнь, но выходя за эти пределы, осмысливая опыт истории, жизнь человечества и Вселенной. Мировоззрение является качеством сознания, обращённым не только на себя и свою жизнь (самосознание, рефлексия), и, вместе с тем, не абстрагируясь от своей жизненной позиции, *способностью создания личностью некоего личностного концепта*, состоящего из личного понимания и личного объяснения приоритетных для неё соотношений прошлого и настоящего своего Отечества, предположений о своем будущем, его общественного сознания и социального состояния и т. д. Мировоззрение можно назвать *самостоятельностью* сознания и тем самым *свободы личности*.

Однако функциональные связи составляющих сознание личности и её жизни в обществе могут приобретать и *деструктивный* характер. Результатом этого являются различные *деформации личности*. Специальной сложной проблемой является выявление определяющих детерминант: связаны ли эти деформации преимущественно с негативными ценностями, или противоречиями сознания (неосознаваемого), или деформация личности оказывается следствием непреодолимых жизненных трудностей, а также когда личная жизнь оказывается в зависимости от девиантных групп. Деформация личности, как известно, проявляется как в её *пассивности* (пьянство, наркомания), сниженной жизнеспособности, так и в *активности* «разрушителей» своей жизни, и как в её компенсации – в разрушении жизни окружающих, доходящей до предела убийств.

Эта проблема переходит в проблематику более общего характера – социальной психологии, сознания данного социума,

его нравственного, политического, экономического состояния и политики власти (проблематику, выходящую за пределы обсуждаемой темы). А обозначенная в начале исследования проблема пути познания сознания может и должна дополняться разработкой теории самосознания, рефлексии, сознания как качества душевности и духовности личности [12].

Заключение

Представляется, что самым сложным является соотнесение сознания личности с реальностью ее жизни, её самореализацией в данном социуме, на данном его этапе. Сколь угодно детальное рассмотрение сознание личности и его «механизмов» не дает решение проблемы его жизненной роли: как складывается жизнь личности, если она не в состоянии решить свои проблемы и вынуждена жить жизнью, насыщенной противоречиям? Представляется, что одним из ответов на этот вопрос является *отношение* личности к противоречиям и проблемам своей жизни. И именно в этом отношении проступает неразрывность личности с ее сознанием. Для одних людей это соотношение, т.е. неспособность сознанием устранить проблемы и преодолеть трудности жизни оборачивается осознанием и жизненным чувством обреченности, непоправимости своей жизни, что сопровождается пессимистическим или трагическим способом её переживания и проживания. Для других, напротив, сознанием ли, мудростью или силой личности, создается своеобразная установка, готовность к жизни трудной [19].

Таково было отношение к жизни самого Сергея Леонидовича Рубинштейна. Оно

имело своим «корнем» философское и человеческое понимание – осознание сути этого общества, в котором он жил. Он понимал неизбежность, неотвратимость его бесчеловечности, в принципе. Он очень рано понял, что жизнь его будет трудна. И отсюда происходил его стоицизм и готовность, где и как это окажется возможным, внести в жизнь людей, сколько в его силах, света и тепла. И это было воплощением в его личности не духа борьбы (что было невозможно), но *чувства силы противостояния* объективной неустрашимости трагичности в жизни всех и каждого. Это отношение воплощалось в его *ответственности* как сущности его личности (которую он называл серьезным *отношением* к жизни) и ... его *оптимизме*.

Этот оптимизм он впитал в себя ещё в молодые годы, воспринял его как обобщённое отношение к жизни от своего первого и единственного учителя Германа Когена. «И в этом человеке, столь далёком от того, чтобы признать разумность действительного, жил неистощимый оптимизм... тот оптимизм будущего, неотлучный спутник всякой большой творческой силы, которая верит, что всё будет хорошо, потому что она сделает так, чтобы всё стало хорошо, верит, потому что по собственному творческому опыту знает, сколь много ещё лежит в сфере её достижений» [14, с. 159].

И в своём отношении к жизни Сергей Леонидович Рубинштейн сумел соединить её реальное противоречие, выразив его в потрясающей каждого человека – и учёного, и «простого смертного», формуле – «*оптимистическая трагедия*».

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 8–23.
2. Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 23–28.
3. Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–94.
4. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М., Воронеж: ПСИ, НПО Модек, 1999. 224 с.

5. Абульханова К. А. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. 2018. № 2. С. 30–46.
6. Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX в. : в 2 кн. / под ред. В. А. Лекторского. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1998. С. 328–352.
7. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России 2-ой половины XX века / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
8. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
9. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960. 1320 с.
10. Гегель Г. Ф. В. Соч. Т. 12. Лекции по эстетике. Кн. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство Полиграфкнига, 1938. 494 с.
11. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
12. Кольцова В. А. Историческая психология // Психология : учебник для гуманитарных вузов / под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. 656 с.
13. Леонтьев Д. А. Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1995. 335 с.
14. Няголова М. Д. У истоков философского гуманизма С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX в. М.: РОССПЭН, 2010. С. 244–257.
15. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 191 с.
16. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. 288 с.
17. Славская А. Н. Особенности и функции интерпретации в жизни личности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: ИП РАН, 2017. С. 324–330.
18. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
19. Abul'khanova K. A. Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite' selon S. L. Rubinstein // Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine / eds. P. Nosulenko, P. Rabardel. Paris, 2007. P. 83–128.

REFERENCES

1. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. [Consciousness of personality as a problem. Part I]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Philosophy* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 8–23.
2. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. [Consciousness of personality as a problem. Part II]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Philosophy* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2020, no 3, pp. 6–15.
3. Abul'khanova K. A. [The ability of the consciousness of the individual as a subject of life]. In: *Mir psikhologii* [World of psychology], 2006, no. 2, pp. 80–94.
4. Abul'khanova K. A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti* [Psychology and consciousness of personality]. Moscow, Voronezh, PSI Publ., NPO Modek Publ., 1999, 224 p.
5. Abul'khanova K. A. [Personality consciousness as a vital ability]. In: *Mir psikhologii* [World of psychology], 2018, no. 2, pp. 30–46.
6. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. [Problems of methodology of science and philosophical anthropology in the context of S. L. Rubinstein's paradigm of the subject]. In: Lektorsky V.A., ed. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoi filosofii XX veka. Kn. 2* [Philosophy Does Not End... From the History of Russian Philosophy of the 20th century. Book 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, pp. 328–352.
7. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. [The subject of philosophical anthropology and ontological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abul'khanova K. A. ed. *Sergei Leonidovitch Rubinstein. Philosophiya Rossii vtoroi poloviny X veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the second half of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 23–76.
8. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Foreword]. In: *Rubinshtein S. L. Bytie i soznanie* [Being

- and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017, pp. 6–33.
9. Vygotskiy L. S. *Razvitie vysshih psikhicheskikh funktsii* [Development of higher mental functions]. Moscow, APN Publ., 1960. 1320 p.
 10. Gegel' G. F. V. *Soch. T. 12. Lekcii po estetike. Kn. 1* [Works. Vol. 12. Lectures on Esthetics. Vol. 1], Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Poligrafkniga Publ., 1938. 494 p.
 11. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoy filosofii 1920–1930-x godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of the 1920s–1930s: Biography of the Idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
 12. Kol'tsova V. A. [Historical psychology]. In: *Psihologiya: uchebnik dlya gumanitarnykh vuzov* [Psychology: textbook for humanitarian]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 656 p.
 13. Leont'ev D. A. [Return to the Human being]. In: *Psikhologiya s chelovecheskim litsom* [Psychology with a Human Face]. Moscow, Smysl Publ., 1995. 335 p.
 14. Nyagolova M. D. [At the origins of S. L. Rubinstein's philosophical humanism]. In: *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX v.* [Sergei Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the second half of the twentieth century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 244–257.
 15. Rubinshtein S. L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 191 p.
 16. Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 288 p.
 17. Slavskaya A. N. [Features and functions of interpretation in the life of the person]. In: Zhuravleva. L., Kol'tsova V. A., eds. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research in modern psychology. Results and prospects]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2017, pp. 324–330.
 18. Fromm E. *Imet' ili by't'* [Have or be]. Moscow, Progress Publ., 1990. 336 p.
 19. Abulkhanova K. A. Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite' selon S.L. Rubinstein. In: Nosulenko P. Rabardel P., eds. *Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine*. Paris, 2007, pp. 83–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик РАО, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Славская Александра Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Abulkhanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academic RAA; Institute of Psychology, RAS;
e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Alexandra N. Slavskaya – Cand. Sci (Psychology), Senior Researcher, Institute of Psychology, RAS;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть III // Вестник Московского городского областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-23-32

FOR CITATION

Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. Personality Consciousness as a Problem. Part III. In: *Bulletin of the Moscow City Regional University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-23-32

УДК 304

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-33-45

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В 20-Е ГГ. XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ

Аверюшкин А. Н.*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Рассмотреть вопросы проблемного поля и современной историографической ситуации в изучении культурной политики советского государства в 20-х гг. XX в..

Процедура и методы. Работа выполнена на основании системного анализа с учётом междисциплинарной перспективы исследования.

Результаты. По итогам исследования автор высказывает мысль о необходимости дальнейших исследований темы вне идеологических клише и стереотипов, что возможно осуществить на теоретической и методологической основе обновлённой версии унитарно-стадиального подхода к истории.

Теоретическая и практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. В статье раскрыта новая теоретическая перспектива научных исследований культурной политики советского государства и культурной революции в 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: культурная история, культурная политика, культура, искусство, советское государство, идеология

FEATURES OF THE HISTORIOGRAPHIC SITUATION IN THE RESEARCH OF SOVIET CULTURAL POLICY IN THE 1920S. OF THE XX CENTURY PROBLEMS AND APPROACHES

A. Averyushkin*Moscow State University of Psychology & Education
29, Sretenka ul., Moscow 127051, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To study the issues of the problem field and the modern historiographic situation of studying the cultural policy of the Soviet state in the 20s of the XXth century.

Methodology. The work was performed on the basis of system analysis taking into account the interdisciplinary research perspective.

Results. The author expresses the idea of the need for further research on the topic outside the ideological clichés and stereotypes, which is possible on the theoretical and methodological basis of an updated version of the unitary-stage approach to history.

Research implications. The article reveals a new theoretical perspective of scientific research on the cultural policy of the Soviet state and the cultural revolution in the 20s of the twentieth century.

Keywords: cultural history, cultural policy, culture, art, Soviet state, ideology

Введение

Этот текст представляет собой тезисы программы исследований культурной политики в советской России в период с 1917 по 1929 гг.

В отечественной научной литературе, и исторической, и философской, различным аспектам советской политики в области культуры было уделено немало внимания и многие вопросы получили весьма подробное освещение. Уже с середины 1920-х гг. начинают появляться исследования, так или иначе оценивающие опыт политики «пролетарского государства» в области культуры. Однако, учитывая степень идеологизации общественных наук в советское время, вряд ли мы можем говорить о выработке какого-то более или менее приближенного к объективности подхода к этой теме. Сегодняшняя историографическая ситуация отличается от предшествующего периода прежде всего тем, что за последние более чем 20 лет в научный оборот было введено огромное количество документов, которые требуют анализа, а так же появился ряд серьезных исследований по социально-политической и экономической истории СССР 1920–1930-х гг., чьи выводы и фактология требуют соотнесения с проблематикой культурной политики государства.

Конечно, такой анализ исследователями-историками и культурологами проводится, но за последнее продолжительное время по теме вышло всего лишь несколько монографий, часть из которых посвящена более узкой теме – вопросам политики государства в отношении к искусству. Например, замечательное исследование Н. Н. Примочкиной «Писатель и власть» (1998); книга немецкого специалиста по истории советской культуры Карла Айермахера «Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932» (1998); подготовленная к изданию еще в 1960-х гг., но запрещенная, монография В. С. Манина «Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941)» (1999); книга Штефена Плаггенборга «Революция и

культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» (2000); монография А. И. Мазаева «Искусство и большевизм. 1920-1930-е годы. Проблемно-тематические очерки и портреты» (2004); монография Н. Ю. Адрианова «Концепция “пролетарской культуры” и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917–1927)» (2008); исследование А. И. Карпова «Русский Пролеткульт. Идеология, эстетика, практика» (2009), биографическое исследование культуролога Ю. Б. Борева «Луначарский» (2010).

Особенности историографической ситуации

Однако, сказать, что в этих исследованиях тема разобрана исчерпывающе конечно нельзя. Особенно это касается отечественных авторов, чьи работы, увы, нередко содержат досадный недостаток: когда научный анализ по каким-то причинам подменяется публицистикой и идеологическими дискуссиями с историческими личностями, чья деятельность как раз и является предметом исследования.

Для примера рассмотрим известную, написанную ещё в 60-х гг. XX в., но до сих пор, в силу особенной историографической ситуации, считающуюся актуальной, монографию В. С. Манина «Искусство в резервации (Художественная жизнь России 1917–1941)». Главный недостаток этой работы в том, что материал исследования рассматривается упрощённо, тенденциозно, и слишком очевидно намерение автора загнать сложные социальные политические процессы в определённые рамки. В результате чего личная позиция, политические пристрастия и антипатии заменяют научный анализ. Подобный подход сегодня, к сожалению, встречается. По этой причине имеет смысл подробнее остановиться на этой работе и критически рассмотреть некоторые её положения высказанные буквально на первых страницах.

Не будем останавливаться на том обстоятельстве, что в названии содержится фактическая ошибка – государство в эти годы имело иное название. Исследование начинается с того, что автор, предваряя свой рассказ о советской цензуре в искусстве 1920–30-х гг., даёт характеристику отношениям государства и искусства в Российской империи. «...Царское правительство не имело специального органа, контролирующего и направляющего развитие искусства». Отчасти эту роль играла Императорская Академия художеств. Однако в целом, «искусство удовлетворяло потребности текущей жизни. Посему было свободно в своем выборе. Это обстоятельство побуждало стихийные движения, возбуждало общественный интерес, противоборство мнений, порождало немислимые фантазии, приводило к находкам и вело к предложениям оригинальных суждений. Сосуществовало официальное искусство и его оппозиция – передвижники. Союз русских художников – посильные продолжатели передвижников – и “Мир искусства” – решительный противник передвижнической идеологии, “Бубновый валет” и его антипод символизм, кубо-футуризм и абстракционизм, не приемлющий всяческие “измы” и течения традиционного искусства. Важно было, что искусство действительно развивалось свободно, порой преодолевая сковывающие его бурное течение запросы потребителя и капризы рынка»¹.

В приведённой цитате каждая фраза по большому счету – повод для отдельной статьи. Что, безусловно, показывает трудности, с которыми сталкивается исследователь темы политики государства в области искусства и, шире, культуры, изучая степень разработанности проблемы.

Сомнительным оказывается большинство высказанных положений. Прежде всего, это касается вопроса о цензуре. Конечно, в Российской империи специального цензурного ведомства, как Посольский приказ или Министерство

Просвещения, не было. Однако цензура всё же существовала. Примерно с XVI в. Причём это общеизвестные факты. Например, в XVII в. мы находим определённое законодательство, запрещающее писать иконы всем желающим и разрешающее заниматься этим делом только «искусным» мастерам. Известно также, что церковные и светские власти были крайне недовольны содержанием некоторых сюжетов народного лубочного искусства. Лубки сжигались под предлогом низкого качества. В XVIII столетии «совершенствование», как сказали бы сегодня, законодательства в этой области продолжилось. Следующим этапом цензуры изобразительного искусства становится вторая половина XIX столетия. (Читателю, конечно, не надо напоминать о цензуре в отношении печатного слова, особенно художественного. Судьбу А. Н. Радищева, а так же слова Николая I А. С. Пушкину о том, что он будет его «личным цензором», или выражение «эзопов язык» – помнят все). К сожалению, в это время в качестве цензора проявляет себя Русская Православная Церковь, впрочем, бывшая на тот момент фактически одним из министерств в государстве. Хрестоматийный пример – запрет на демонстрацию картины Василия Перова «Сельский Крёстный ход на Пасхе» (1861).

Кстати, и специальные цензурные органы всё же существовали. Но надо учитывать специфику времени, роль печатного слова, и тогда будут понятны усилия властей именно в этом направлении. Благодаря которым возник, например, «Комитет иностранной цензуры», действовавший при Министерстве Просвещения после принятия отредактированной версии знаменитого «чутунного» цензурного устава в 1828 г.. Отредактированной во многом потому, что в «чутунном» уставе по недосмотру не была прописана цензура иностранных изданий. Обычным делом, например, было вымарывание отдельных строчек в поэтических произведениях и т. п. Цензурные ограничения в этой области сохранялись до 1917 г.!

¹ Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 7.

Что касается изобразительного искусства, функции надзора над ним хорошо выполняли и церковь, и Академия художеств. Под запрет попадает знаменитая «Палестинская серия» художника Верещагина. Плотно Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», которое было выставлено именно передвижниками, вызывает критику консервативной прессы и возмущение императора Александра III. Но демонстрация запрещена. Правда, через несколько месяцев запрет был снят. Картина Николая Ге «Что есть истина?» также не была понята властями.

Ещё одна отрасль цензуры – театральная. В этой связи в 1848 г. создаётся специальный «Секретный комитет». Несмотря на название, сведения о нем все-таки доступны исследователям. Все театральные пьесы в XIX в. проходили «двухступенчатую» цензуру. Руководил этим направлением цензуры не кто-нибудь, а управляющий III Отделением Леонтий Дубельт. Известно его высказывание, приводимое везде: «Драматическое искусство, как и всякая отрасль литературы, должно иметь цель благодетельную: наставляя людей, вместе забавлять их, а это достигнем несравненно скорее картинами высокого, нежели описанием и низости, и разврата».

В начале XX в., задолго до того, как кино стало важнейшим из искусств, возникла цензура кинематографа. Конечно, под цензуру попадали ленты скабрезного характера, но и «бунтовщического», а так же «кошунственного». Осуществлять киносьёмку членов императорской фамилии дозволялось лишь придворным операторам. Исключение было сделано только во время празднования 300-летия дома Романовых. С 1914 г. кинематограф берёт под контроль Министерство внутренних дел. Церковь определилась со своим отношением к кинематографу несколько позже, в 1915 г., вынеся свой отрицательный вердикт.

Все перечисленные особенности государственного цензурного регулирования искусства и культурной жизни сохранялись до 1917 г... И конечно, описывая

«свободную» жизнь разнообразных направлений в искусстве стоит помнить, что эта свобода достигалась нередко благодаря существованию мощного общественного давления. А иногда она существовала просто потому, что опасность произведений искусства недооценивалась властями в силу узости кругозора её ответственных представителей. Так, члены царской фамилии, позируя Валентину Серову, далеко не всегда понимали смысла сделанной работы. Далеко не все из портретов были доброжелательными в отношении моделей. А. Н. Бенуа в «Истории русской живописи» по поводу портрета великого князя Михаила Александровича замечает, что лошадь на картине гораздо умнее своего владельца. И таких мелочей в творчестве В. Серова много.

Продолжая разбор приведённой цитаты, отметим, что обращает на себя внимание стремление доказать (не подкреплённое никакими конкретными примерами), что жизнь искусства в XIX – начале XX вв. в России была свободной и естественной. В противоположность 1917–1941 гг... Даже из немногочисленных приведённых выше фактов становится понятно, что это совсем не так. Государство ограничивало жизнь искусства, старалось её настроить в удобном для себя направлении. Но кроме этих ограничений существовали и другие. Ограничения социально-экономического характера. И когда в работе, претендующей на звание научной и серьёзной, мы встречаемся с вариацией обыденного представления, что «настоящий художник должен быть голодным» – это прискорбно. Когда автор пишет о «запросах потребителя» и «капризах рынка», преодолевая которые, т. е., можно сказать, и благодаря им, искусство развивается «свободно» – это то самое и есть. Обыденное представление, согласно которому Ван Гог или импрессионисты, чьё влияние испытывало на себе и русское искусство начала XX в., стали значимыми художниками только в силу тяжелейших обстоятельств, сопровождавших их творческую и личную жизнь. Положительный

ответ на вопрос о пользе рыночных отношений для искусства далеко не очевиден.

Вызывает сожаление вовсе не тот факт, что автор исследования знакомит читателей со своим мнением или отношением к проблеме, к материалу, что вполне естественно. А то обстоятельство, что авторское мнение подменяет исследовательскую методологию.

Далее автор переходит к изложению материала своего исследования и знакомит читателя с особенностями взаимоотношения искусства и новой государственной власти – Временного правительства. И, конечно же, в этом случае невозможно обойти вниманием деятельность новой власти по организации и формализации взаимодействия государства и сферы культуры, в частности искусства. И вполне ясно, почему это происходило. Потому что накануне революционных событий наибольшую критику со стороны общественности вызывал произвол власти, по существу бывший и единственным способом регулирования всех сторон жизни дореволюционного общества, управлявшегося самодержавной монархией, и ставший одной из причин роста революционного движения.

Теперь мы узнаём, что «свободное» развитие искусства после падения монархии подвергается серьёзной регламентации. И это действительно было так. Но ничего страшного, по мнению автора не происходит...

Во-первых, автор сообщает, что ещё до Революции часть интеллигенции была не против создания организующего жизнь искусства и культуры государственного органа: «Созданный задолго до февральской революции Институт истории искусств на своем собрании решил ходатайствовать о создании Министерства искусства (март 1917)». А. Н. Бенуа ещё в 1912 г. настаивал на необходимости государственных усилий по формированию художественного вкуса в народных массах, резонно замечая, что эту задачу сможет решить орган, обладающий значительными ресурсами. В. С. Манин приводит соответствующее высказывание общественного деятеля.

Таким образом, можно сделать вывод, что у новая власть, делая шаги по регламентации культурной жизни, отвечала на определённый социальный вопрос. *«Временное правительство сделало попытку наладить государственное руководство искусством»*, организовав совет по делам искусств. Он обладал следующими функциями: «1) представление заключений по вопросам, касающимся искусства; 2) указание мер, обеспечивающих сохранность художественных памятников и собраний; 3) организация проверки и приема художественных сокровищ, находящихся в государственных дворцах и музеях; 4) рассмотрение вопроса о выборе кандидатов на ответственные должности в учреждениях художественного характера».

И, во-вторых, оценивая создание контролирующего жизнь искусства государственного органа, В. С. Манин **резюмирует**: *«Из небольшого перечня задач нетрудно вывести суждение об определённой роли вмешательства совета в естественную жизнь искусства»*.

Да, действительно. С этим суждением трудно не согласиться. Как и в подходах к решению других важных вопросов того времени – рабочего, крестьянского, о мире, и т. д., Временное правительство проявляет тоже проявляет некоторую «робость». Но на самом деле в логике общественной и политической жизни того времени «робость» в нерешении насущных вопросов страны, захваченной революцией, совсем не была достоинством власти. Наоборот.

Одновременно автор отмечает, что «художники» после Революции активно выступали за «свободу» искусства от государственной опеки. Например, союз «Свобода искусству», провозглашавший: *«Ратуйте за свободу искусству. Боритесь за право на самоопределение и самоуправление»*. 12 марта 1917 г., также сообщает автор, был образован Союз деятелей искусств, с участием таких известных представителей мира искусства, как О. Брик и В. Мейерхольд. На собраниях союза высказывались идеи *«созыва Учредительного собрания деятелей искусств, который опре-*

делит основные принципы жизнедеятельности художников». Искусство не должно подчиняться государству. Это требование было закреплено в уставе¹. Так выражает позицию организации автор, явно обозначая своё сочувствие как попыткам Временного правительства регулировать жизнь культуры и искусства, но робко, так свобододолюбивым устремлениям деятелей искусства. Присутствует ли здесь логика?

И только к началу Октябрьской революции, развивая свою мысль автор, «вызревает» идея «необходимости государственного руководства искусством», не смотря на то, что только что он сообщил о существовании этой идеи и в дореволюционное время, и во время деятельности Временного правительства. Как это можно понять? Большевики захватили власть, чтобы всё и вся организовать? Нет, это слишком несерьёзно для научного исследования. Но автор подводит именно к такому выводу, стремясь возложить ответственность за государственное регулирование культуры и искусств на партию большевиков, без какого-либо анализа ситуации и приведения фактов.

В итоге, у автора «Искусства в резервации» складывается, как видится, упрощённая схема: «робкое» Временное правительство, часть интеллигенции, которая не против «министерства искусств», другая часть интеллигенции, выступающая за «свободу искусства», и большевики с Наркомпросом, который захватывал власть над искусством, чтобы всех «организовать». Схема большого события из которой, по сути, оказывается выхолощено реальное содержание и то, что называется «духом эпохи».

Посмотрим на одно (из огромного множества) свидетельство эпохи, журнал «Аполлон» за февраль–март 1917 г., его номера, посвящённые бурным событиям жизни искусства революционного времени.

Здесь нам сразу напоминают, что не только Временное правительство пред-

ставляло собой власть, но и Совет солдатских и рабочих депутатов, что сложилась система двоевластия. Положение дел, остроумно охарактеризованное одним из современников: «Правительство – власть без силы, Совет – сила без власти». Т. е. напоминают обстоятельство, значительно усложняющее представление о процессах, шедших в обществе. И оказывается, Петросовет тоже занимался вопросами организации культурной жизни. Не упоминать об этом в научном исследовании можно только по каким-то конъюнктурным соображениям.

В статье «Революция и искусство», опубликованной под псевдонимом «А. Р-в», читаем: «Вообще “совет” этот с первых же дней проявил просвещённое отношение к национальному искусству. В № 9 “Известий” “совета” появилось, подписанное его исполнительным комитетом и расклеенное потом в виде плакатов на дворцах, музеях, старинных зданиях – “воззвание”, где сказано: «Граждане, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и предков ваших» – и далее: «не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость!»².

Из источника также становится понятно, что «организовывать искусство» стремилась не столько новая власть, сколько сами деятели искусства и культуры. По крайней мере, их часть. А другая часть стремилась наоборот освободиться от любой организации. В этом и сложность, и противоречия времени. Официальное правительство с опозданием и, видимо, нехотя реагировало на инициативы общества. Вспомним хрестоматийное: «три кризиса Временного правительства». И станет очевидно что Временному правительству было просто не до культуры и искусства в тот момент.

¹ Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 8.

² Аполлон. Февраль–Март 1917. № 2–3. С. 64–65.

Читаем отчёт о произошедших событиях: «4 марта, по инициативе М. Горького, собралось более 50 деятелей искусства, избравших комиссию, в состав которой вошли кн. В. Аргутинский-Долоруков, Александр Бенуа, Билибин, М. Горький, Добужинский, Каратыгин, Н. Лансере, Лукомский, Петров-Водкин, Рерих, Фомин, Шаляпин. На другой день представители комиссии предложили Временному Правительству свои услуги по устройству художественных дел, встретили сочувствие и 13 марта, по предложению А. Ф. Головина, комиссара над бывшим министерством двора, организовалось “особое совещание по делам искусства”»¹. «Встретили сочувствие». А что ещё оставалось делать чиновникам Временного правительства, когда за окнами Таврического и Зимнего дворцов развивалась революция. Любопытный штрих, и без него картина событий оказывается неполна.

Другая группа деятелей искусств, «академическая», представленная Институтом истории искусств, ведёт работу по обсуждению вопроса о «министерстве искусств». И в то же самое время.

Ещё один любопытный штрих. Не всё просто оказывается с демократическими процедурами после падения монархии. Автор цитируемой статьи из журнала «Аполлон» недоумевает почему продолжает активную деятельность старорежимная Академия художеств, которая, по его мнению, «должна продолжать лишь временное существование до полной переработки, идущей отнюдь не из недр самого учреждения». Коллегиальность которого всегда «была прозрачна». «В настоящее время, конечно, никому нельзя мешать организоваться и составлять какие угодно проекты, но комиссар над бывшим министерством двора поступил неправильно, предоставив сомнительной комиссии право новых выборов президента и конференц-секретаря вместо уволенных»². И наверня-

ка автор документа эпохи выражает здесь не только своё мнение. Получается, не все деятели искусств были убеждены в необходимости свободы для каждого, в особенности для деятелей царской Академии, но не только её. В любом случае – это тема для исследования. Но она не может возникнуть, если целью ставить уложить события в какую-то схему.

Далее находим любопытную характеристику собраний «Союза деятелей искусства», объединившего множество представителей творческих профессий, учреждений, обществ и выступившего с радикальным требованием: «чтобы государство предоставило деятелям искусства полную автономию в устройении и управлении художественной жизни России и чтобы все по делам искусства мероприятия и предложения правительства проходили обсуждение “Союза деятелей искусства”». Автор цитируемой статьи делает интересное пояснение: «Последнее требование, которым предвосхищалось право намечавшегося тем же союзом “учредительного собора” “всего художественного народа”, могло бы вызвать недоумение у представителей правительства. Впрочем, те, кому приходилось бывать на чрезвычайно бурных и сумбурных собраниях “Союза деятелей искусства”, могли привыкнуть ко всяким неожиданностям»³. Мало ли что может прийти в голову творческим людям, переполненным эмоциями. Это живая черта людей и времени! Но когда есть стремление создать определённую схему такие черты в неё просто не попадают. А хорошо ли это? Правильно ли? Можно ли в таком случае быть уверенными, что мы действительно узнаем «как все было на самом деле»?

А вот ещё одна небольшая часть большой картины. «18 марта в зале совета Академии Художеств, под председательством В. Маковского и Репина, состоя-

¹ Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 65.

² Манин В. С. Искусство в резервации.

(Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 68.

³ Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 69.

лось многолюдное учредительное собрание художников, членов почти всех петроградских художественных обществ. ... По приблизительному подсчету в союз должно было войти около 1000 человек. Характерно, что и это собрание началось с заявления о необходимости протеста против существования “особого совещания при комиссаре над бывшим министерством двора”, но после горячей защитительной речи Репина, заявление не было поддержано. Характерны были также резкие выступления против футуристов, несмотря на лозунг о “свободе творчества”, причем даже предлагалось футуристам сорганизоваться обособленно в виду отсутствия точек соприкосновения с большинством членов собрания¹. Мы видим живых людей с их мнениями, убеждениями и противоречиями. Конечно, это очень трудно уложить в схему «деятели искусства за свободу, а власть большевиков против», не исказив картины происходивших событий.

Аналогичные собрания происходили в Москве, но с другой тональностью. Тот же автор, оставивший подробный обзор настроений художественной интеллигенции, сообщает о «московском грандиозном митинге художников и артистов», в котором участвовало «около 1500 человек и была вынесена резолюция о необходимости учреждения “министерства искусств” и особого органа, который ведал бы охрану памятников старины и искусства. Согласно постановлению митинга организован союз, в который вошли представители “Товарищества передвижных выставок”, “Союза художников”, “Мира искусства”, “Общества любителей художеств”, “Бубнового валета”, “Свободного творчества”, “Московского салона” и др. Председателем был избран А. Васнецов, товарищами председателя К. Коровин и В. Домогацкий, делегатами в петроградский союз – К. Коровин и В. Маяковский».

Всё это лишь несколько эпизодов событий, развивавшихся на протяжении 1917 г., демонстрирующих сложность процессов преобразования социальной и культурной жизни. Сможем ли мы показать и, тем более, понять эту сложность, если методологией исследования оказывается нечто очень похожее на плохо скрываемые идеологические установки, а не научные методы исторического исследования?

В книге «Искусство в резервации», увы, мы сталкиваемся именно с тем, что очень похоже на идеологизированные оценки, но не на научный анализ: «Нарком А. В. Луначарский, назначенный 9 ноября 1917 г. декретом Совнаркома руководить комиссией по просвещению, мог бы опереться на Союз [деятелей искусства], если бы не одно обстоятельство: Наркомпрос был создан для того, чтобы захватить власть, устранив от руководства искусством другие организации и учреждения, образовавшиеся на основах самоуправления ... Основное противоречие между Союзом деятелей искусств и Наркомпросом сводилось к тому, что последний представлял себе “руководство” посредством чиновничьего назначения руководителей; Союз отстаивал выборные начала»². Почему, на каких основаниях здесь делаются такие утверждения? Почему Наркомпрос – это изначально бюрократическая структура с такими же принципами? Даже если к 30-м г. Народный комиссариат просвещения обрёл такие черты (даже если уже в 1920-м г.!) правильно ли делать такой вывод? Нет. Правильно – исследовать вопрос, и выяснять, почему так произошло. Именно этого нет в рассматриваемой книге. Напротив, мы находим выбранную цитату из речи Луначарского, в которой есть словосочетание «хозяин мира» и комментарий определенного содержания по этому поводу: «понятную оппозицию вызвали заявления государственной власти о появлении нового “хозяина” вольного и независимого искусства»³.

¹ Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 70.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

Выступление А. В. Луначарского – документ, о котором идёт речь, называется «Обращение народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского к артистам и работникам государственных театров Петрограда о необходимости установления контакта работников государственных театров с новой властью. 12 декабря 1917 г.».

И обращая внимание читателя на слова Луначарского о «новом хозяине» и на то, что «свободным» художникам их было неприятно слышать (хотя обращался Луначарский в данном случае к сотрудникам государственных театров), автор «Искусства в резервации», конечно же, не цитирует другие слова из этой речи: *«Уважаемые граждане. Вы прекрасно понимаете, насколько важным является урегулирование отношений артистов и работников государственных театров с самим Государством»*.

Стоит ли говорить, что новая власть не требует от работников какой бы то ни было области, а тем менее искусства, определенного политического кредо. Мы не требуем от вас никаких присяг, никаких заявлений в преданности и повиновении. Позорные времена, когда вы были в положении прислуги в царском дворе, миновали безвозвратно. Вы – свободные граждане, свободные художники, и никто не посягает на эту вашу свободу.

Но в стране есть теперь новый хозяин – трудовой народ. Страна переживает крайне тяжелый момент. Уже поэтому новому хозяину не так легко раздавать народные деньги. Трудовой народ не может поддерживать государственные театры, если у него не будет уверенности в том, что они существуют не для развлечения бар, а для удовлетворения великой культурной нужды трудового населения. Демократия, публика должна сговориться с артистами»¹.

Даже если все эти слова, особенно о политическом кредо, в итоге остались лишь

декларацией, необходимо все-таки в историческом исследовании отметить, как минимум, что они были произнесены. А по-хорошему необходимо исследовать в какой степени эти слова были декларацией, а в какой отражали реальные взгляды представителей партии большевиков, и как были подтверждены или вошли в противоречие с реальными действиями власти. А так же почему впоследствии ситуация изменилась.

Конечно, все эти странности вроде бы намного исследования можно объяснить, например, биографией автора, или какими-то другими причинами, но многие утверждения «Искусства в резервации» оказываются примерами неверной, тенденциозной интерпретации. Эмоционально написанной литературой в плохом смысле слова. А единственным настоящим объяснением станет идеологическая позиция, от которой исследователь дистанцироваться не смог.

Я прошу прощения у читателя за столь подробный обзор одного исследования, но это важно. Так как характеризует, увы, существующие, проблемы научного освещения данной темы. И понятно почему проблемы культурной политики до сих пор ждут своего исследователя. Особенно отечественного. Прежде всего, это должны быть исследования, свободные от идеологических влияний с любой стороны. А заодно и от влияний научной моды.

Исследовательская перспектива

Одна из интересных проблем, до сих пор, ждущая всестороннего исследования, – социальная педагогика большевиков. Сам термин принадлежит неокантианский традиции, где эта теоретическая область, находящаяся на стыке педагогической науки и социальной философии получила развитие. Но подобные идеи были в действительности неким общим местом в социальной теоретической мысли и практике конца XIX – первой трети XX вв. Советская власть так же озаботилась этим вопросом, ставя, в том числе и перед ин-

¹ См.: Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1917–1921 / отв. ред. А. З. Юфит. Ленинград: Искусство, 1968. С 23–25.

теллигенцией задачи «воспитания нового человека», однако говорить об этом можно лишь применительно к периоду 30–50-х гг.

Применительно к 20-м гг. можно говорить о практике культурной революции. Что же такое культурная революция?

В 20-е гг. у большевистского правительства не было единой, т. е. выстроенной по определённому плану, культурной политики. После 1917 г. политика в области культуры складывалась из разных тенденций, поскольку среди людей, определяющих её, существовало несколько групп с разными взглядами: Лев Троцкий, Анатолий Луначарский, бывший соратник В. Ленина по партии РСДРП Александр Богданов, а так же целый ряд представителей партии левых эсеров.

Что касается Владимира Ленина, в первые несколько лет существования нового «государства рабочих и крестьян» в политику в области культуры и искусства он не вмешивался, не считая эти вопросы вопросами первостепенной важности.

В 1922 г. в беседе с немецкой революционеркой Кларой Цеткин, которая приезжала в Москву и обсуждала с главой советского государства вопросы культурной политики, председатель Владимир Ленин сказал: *«Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собою разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально, - мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян»*.¹ Конечно же, это программное заявление. Но очень далекое от стремления просто «захватить власть над свободным искусством».

Только в 1920 г., Ленин, человек, отрицавший буржуазную мораль, как набор предрассудков, впервые заговорил о необходимости «воспитания коммунистической морали» и воспитания крестьянства на основе коммунистической морали, что является условием для построения нового

общества (в речи на III съезде Комсомола «Задачи союзов молодежи»). Т. е. о первых подходах к первым практическим шагам в этом направлении.

Между тем для нового государства в культурной политике на тот момент существовало две основных проблемы, и А. В. Луначарский, как нарком просвещения, и все, кто занимался вопросами культурной политики, прекрасно их осознавали.

Первая проблема: отношение к религии, которая была связана с проблемой ликвидации неграмотности – главным звеном культурной революции. Вторая – формирование новой науки и научных кадров.

И та, и другая проблемы были связаны с вопросом об отношении к интеллигенции, который перед новой властью возник сразу же после Октябрьской революции. Из деятелей культуры и искусства очень немногие сразу согласились сотрудничать с большевиками.

Между прочим, не большевики, а левые эсеры под руководством Марии Спиридоновой, союзники большевиков, в первые месяцы после октябрьских событий, занимались, если можно так сказать, проблемой интеллигенции. Они выступали против большевистского подхода к ней и проводили свою, народническую линию.

Ещё одна сила, чью историю только предстоит написать, сила, определявшая ход и содержание культурных преобразований, – это левое искусство.

Левое искусство 20-х гг. само по себе ценно в исторической перспективе. Большевики привлекли к работе над культурной политикой всех сочувствовавших им его представителей. Деятельность большевиков в этом направлении, конечно же, нуждается в серьёзном анализе. Самый главный вопрос, возникающий здесь перед нами, почему сотрудничество с представителями левого искусства не принесло желаемых результатов, и почему искусство авангарда в итоге было взято под контроль и фактически удалено из культурного ландшафта общества 30–50 гг.

¹ Клара Цеткин, О Ленине. Воспоминания и встречи / пер. с рукописи Шуль под ред. С Швердина. Московский Рабочий, 1925. С. 43.

Возможно, если бы советская власть ликвидировала неграмотность и поддержала левое искусство (которое стало, как известно, своеобразным камертоном всего искусства XX в., впитав в себя мощное французское влияние, усвоив миропонимание французских художников), результаты культурной революции были бы иными. Одно известно точно, что взлёт левого искусства связан с его поощрением большевиками. Задача, которая здесь возникает перед исследователем, состоит в том, чтобы реконструировать историческую ситуацию того времени и соотнести её с тем, что происходило в культурной политике.

Одна интересная проблема, возникает в связи с уже достаточно большим накопившимся массивом исторической, культурологической и искусствоведческой литературы: почему в оценках культурной революции до сих пор превалирует черно-белая логика, несмотря на появившееся большое количество новых данных, новых исследований, посвященных разным аспектам истории 20-х гг.? Почему сохраняется это «огульное», как говорили когда-то, «охаивание» деятельности большевиков вместе с таким же «огульным» её восхвалением? Почему историческая, культурологическая, искусствоведческая и даже философская мысль сегодня в понимании этих процессов находится на таком примитивном уровне? Ведь обе позиции –

чёрная и белая, – в оценках культурной политики большевиков заранее обречены на неудачу, так как такие подходы неминуемо войдут в противоречие простыми и очевидными фактами.

Заключение

Выход из этой ситуации видится автору настоящей статьи в том, что адекватный научный анализ и оценка культурной революции не могут быть сделаны без учёта современных научных достижений в области социальной философии.

А для этого прежде всего необходимо переосмысление характера Октябрьской революции, что требует полного отказа от каких бы то ни было идеологических трактовок события («социалистическая революция», «переворот»), и объективного анализа того социального строя, который установился в государстве после неё. Требуют анализа и оценки также ситуация общественного сознания и те идейные процессы, которые привели научную мысль сегодня к тому печальному положению, которое было обозначено выше. В том числе и в оценке нашей собственной эпохи [13]. Всё это может быть осуществлено на теоретической и методологической основе обновлённой версии унитарно-стадиального взгляда на историю¹.

Статья поступила в редакцию 07.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Айермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине 1917–1932. М.: АИРО-XX, 1998. 204 с.
2. Адрианова Н. Ю. Концепция «Пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917–1927). М.:Триада-фарм, 2008. 203 с.
3. Боров Ю. Б. Луначарский. М.: Молодая гвардия, 2010. 304 с. (Жизнь замечательных людей).
4. Калинин И. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Энергия кризиса: сборник в честь Игоря Павловича Смирнова / под ред. И. Калинина, К. Ичина. М.: НЛО, 2019. С. 226–245.
5. Калинин И. Культурная революция, советский субъект и порядок дискурса // Логос. 2019. № 2. С. 221–251.
6. Карпов А. И. Русский Пролеткульт. Идеология, эстетика, практика. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета профсоюзов. Вып. 42. СПб., 2009. 260 с. (овое в гуманитарных науках).

¹ Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. 401 с.

7. Мазеев А. И. Искусство и большевизм, 1920–1930-е гг.: проблемно-тематические очерки и портреты / вступ. ст. Н. А. Хренова. 2-е изд., стер. М.: URSS, 2007. 318 с.
8. Манин В. С. Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917–1941). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 264 с.
9. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. СПб., 2000. 416 с.
10. Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. 401 с.
11. Семёнов Ю. И. Россия: что с ней случилось в XX веке. // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993. 134 с.
12. Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2017. 382 с. (Эпоха войн и революций; вып. 10).
13. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Yu. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 223–281.

REFERENCES

1. Aiermakher K. *Politika i kul'tura pri Lenine i Staline 1917–1932* [Politics and culture under Lenin and Stalin 1917–1932]. Moscow, AIRO -KHKH, 1998 204 p.
2. Adrianova N. Yu. *Kontseptsiya «Proletarskoi kul'tury» i monumental'naya leniniana kak otrazhenie ideologicheskikh i mental'nykh ustanovok v obshchestve v pervye gody sovetsskoi vlasti (1917–1927)* [The concept of “proletarian culture” and monumental Leniniana as a reflection of ideological and mental attitudes in society in the first years of Soviet power (1917–1927)]. Moscow: Triada-farm, 2008. 203 p.
3. Borev Yu. B. *Lunacharskii* [Lunacharsky]. Moscow, Young Guard Publ., 2010. 303 p.
4. Kalinin I. [How Lenin's language is organized: history material and ideology method]. In: *Energiya krizisa. Sbornik v chest' Igorya Pavlovicha Smirnova*. [Energy of crisis. Collection of works in honor of Igor Pavlovich Smirnov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 226 p.
5. Kalinin I. [The Cultural Revolution, the Soviet Subject and the Order of Discourse]. In: *Logos* [Logos], 2019, no. 2, pp. 221–251.
6. Karpov A. I. *Russian Proletkult. Ideology, aesthetics, practice* [Russian Proletcult. Ideology, aesthetics, practice]. St Petersburg, Publishing house SPbGUPSantk – Petersburg University of Trade Unions, 2009. 260 p.
7. Mazaev A. I. *Iskusstvo i bol'shevizm, 1920–1930-e gg.: problemno-tematicheskie ocherki i portrety* / [Art and Bolshevism, 1920–1930s: problem-thematic essays and portraits] Moscow, URSS, 2007. 318 p.
8. Manin V. S. *Iskusstvo v rezervatsii (Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1917–1941)* [Art in the reservation. (The artistic life of Russia 1917–1941)]. Moscow: Editorial URSS, 1999. 264 p.
9. Plaggenborg S. H. *Revolutsiya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma* [Revolution and Culture. Cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism]. St. Petersburg, 2000. 416 p.
10. Semenov Yu. I. *Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii*. [The political (“Asian”) mode of production: essence and place in the history of mankind and Russia]. Moscow, Magic key, 2008. 401 p.
11. Semenov Yu. I. [Russia: what happened to it in the twentieth century.]. In: *Rossiiskii etnograf* [Russian ethnographer], no. 20. Moscow, 1993. 134 p.
12. Reznik A. V. *Trotskii i tovarishchi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923–1924 gody*. [Trotsky and comrades: the left-wing opposition and the political culture of the RCP(b), 1923–1924]. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2017. 382 p.
13. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверюшкин Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: peripatetics@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Averyushkin – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy and Humanities;
e-mail: peripatetics@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аверюшкин А. Н. Особенности историографической ситуации исследований советской политики в области культуры в 20-е гг. XX в.: проблемы и подходы // Вестник Московского государственного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 33–45.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-33-45

FOR CITATION

Averyushkin A. N. Features of the Historiographic Situation in the Research of Soviet Cultural Policy in the 1920s of the XX Century. Problems and Approaches. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 33–45.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-33-45

РАЗДЕЛ III.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-46-54

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ И ВЕРНЕР ГЕЙЗЕНБЕРГ О ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ

Золотарев А. В.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Сопоставить взгляды Василия Розанова и Вернера Гейзенберга на сущность и возможности понимания природы в науке.

Процедура и методы. Проведён сравнительный анализ учения Розанова о понимании, развитого им в трудах 1880–1890-х гг., и философских работ Гейзенберга. Особое внимание уделено рассмотрению взглядов указанных мыслителей на вопрос о реальности понимаемого, на соотношение объекта и субъекта понимания.

Результаты. В ходе работы установлено существенное сходство, при различии исходных оснований, в выводах Розанова и Гейзенберга относительно сущности понимания природы как выявления разумных структур мира, обладающих особым модусом существования в качестве потенциального бытия. Показано, что для обоих мыслителей понимание природы предполагает обнаружение в ней скрытой целесообразности, находящейся в отношении дополнительности к каузальной детерминации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для решения проблем современной эпистемологии и методологии науки.

Ключевые слова: понимание, потенциальность, целесообразность, философия науки, квантовая механика

VASILY ROSANOV'S AND WERNER HEISENBERG'S VIEWS ON UNDERSTANDING OF NATURE

A. Zolotarev

*Bryansk State University, named after Academician I. G. Petrovski
14, Bezhickaja ul., Bryansk, 241036, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To compare the views of Vasily Rozanov and Werner Heisenberg on the essence and possibilities of scientific understanding of nature.

Methodology. The article provides a comparative analysis of Rozanov's doctrine of understanding, developed by him in the works of the 1880s and 1890s, and Heisenberg's philosophical works. Special attention is paid to the question of the reality of object of understanding and to relation of object and subject of understanding.

Results. A significant similarity was revealed in the conclusions of Rozanov and Heisenberg regarding the essence of understanding of nature as the detection of rational structures of the world – the structures which have a special mode of existence as a potential being. It is shown, that both thinkers

consider the understanding of nature to presuppose the discovery of hidden expediency which is in complementary relationship with causal determination.

Research implications. The research results can be used to solve the problems of modern epistemology and methodology of science.

Keywords: understanding, potentiality, expediency, philosophy of nature, quantum mechanics

Введение

Розанов начал свою работу в качестве философа с создания объемного труда «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886 г.), непризнанного современниками и мало читаемого сегодня. Между тем, в этой работе он предвосхитил ряд философских исканий XX в. и в частности некоторые идеи, возникшие в ходе философского осмысления квантовой механики (КМ). Так, один из создателей КМ, Вернер Гейзенберг, в своих философских размышлениях о методах и результатах научного познания пришёл к выводам, которые в значительной степени близки к мыслям Розанова, высказанным на полвека раньше. Пути познания природы, которые разрабатывали как Розанов, так и Гейзенберг, существенно отличаются от философских установок позитивистского естествознания. Программа построения подлинной науки, предложенная Розановым, оказалась во многих аспектах созвучной идеям неклассического естествознания XX в., однако это обстоятельство ещё не нашло должного отражения в работах по истории отечественной философии. Представляется интересным сопоставить взгляды двух мыслителей – столь разных по исходным основаниям их мысли – на проблему понимания природы.

Розанов и Гейзенберг о сущности понимания

Розанов начал свой труд с критики позитивистской концепции науки как индуктивного обобщения опытных данных, исключающего любые метафизические умозрения. Эта концепция, ориентированная на классическое естествознание, выявила свою несостоятельность уже в XX в., в частности, благодаря научной революции, произведен-

ной КМ. Розанов считал, что современные ему ученые и философы не понимают подлинную природу познания, и это является причиной разрыва между наукой и философией. Достоверность современной ему науки представлялась Розанову поверхностной, а глубина философии – недостоверной; причина такой ограниченности и бессилия лежит глубже, чем в самой науке и в самой философии. Он говорит о «странном раздвоении деятельности» человеческого разума, поскольку современная наука избегает умозрения, не стремится к целостности знания, а философия чуждается всего простого и доказательного [6, с. 645, 646].

Фактически, Розанов, предвосхищая многих философов XX в., и прежде всего Гуссерля, говорит о кризисе европейских наук и европейской философии. Сходство интуиций Розанова с рассуждениями Гуссерля – о науке, философии, о тупике, в который они зашли, и о путях выхода из этого тупика – весьма значительно. Так, он вполне единомыслен с Гуссерлем в том, что позитивистская концепция науки превратилась в пережиток, поскольку она «отбрасывает все вопросы, обычно относящиеся к узко или широко понятой метафизике, а вместе с тем отбрасывает все неясные, так называемые “высшие и предельные вопросы”» [3, с. 55]. Кризис европейских наук, как стало ясно Гуссерлю, проявляется в разрыве между научной объективностью, понятой исключительно как констатация фактов материального и духовного мира, и философским рассуждением, которое больше не стремится стать строгой наукой, но превращается в скептицизм, мистицизм и иррационализм [3, с. 51].

Гейзенберг в своих воспоминаниях рассказывает, что похожая критика позитивистского стандарта научности была дана Нильсом Бором, Вольфгангом Паули и им

самим в беседе, состоявшейся в 1952 г. В ходе разговора о позитивизме все трое согласились друг с другом, что запрет думать о философских вопросах на том основании, что в этой области нет ясных в позитивистском смысле понятий, не является продуктивным, поскольку такой запрет не позволил бы понять, например, квантовую теорию. Физика не должна состоять только из экспериментов и их математического описания – «на стыке между ними должна выступить подлинная философия» [2, с. 321].

Путь выхода из кризиса науки и философии Гуссерль видел в новом исследовании человеческого разума, в котором разум будет рассматриваться не натуралистически, как вещь в одном ряду с другими вещами этого мира, но как деятельный и живой «производитель всех смысловых значений» [3, с. 125]. Для Розанова такое новое исследование разума и есть задача его книги. Деятельность разума по своей сути всегда является пониманием, только понимание есть цель разума [6, с. 7]. Понимание лежит в основе всякой подлинной науки и философии, но не сводится к ним. Оно *неосомненнее и обширнее* их. Понимание есть орган разума, который даёт *форму* всякому возможному познанию мира и человека.

Розанов начинает свою книгу с определения того, что же есть наука – не в современном ему позитивистском смысле, а в подлинном своём смысле, без разделения на эмпирически достоверное знание и умозрительную философию. Такой наука была когда-то – у древних греков – и такой, но только более полной и совершенной, она должна стать снова. Наука есть «вечное понимание вечно существующего» [6, с. 666], она имеет своим предметом *вечное*, лежащее в основе всякого временного. Это «вечное» не есть совокупность готовых идей, которые следует просто постичь в некоем умозрении, оно есть чистая форма, в своей чистоте не существующая реально, в которую отливаются предметы и явления. Хотя вне этих предметов и явлений вечное не может быть познано в чистом умозрении, но наука не есть «описание» предметов и явлений, не есть «объективное знание» предме-

тов и явлений, а есть выполняемое живым разумом обнаружение их *вечной формы*.

В процессе понимания, согласно Розанову, человек бывает *захвачен внутренней необходимостью понятого*, свободное творческое усилие понимающего становится следованием разума своей природе. Понимание «совершается в человеке», который выступает при этом как в некотором смысле пассивный его «наблюдатель», произвольно направить или остановить понимание так же невозможно, как невозможно остановить или произвольно направить кровообращение [6, с. 412]. Гейзенберг, со своей стороны, тоже описывает подлинное научное познание, как захватывающее человека обнаружение в мире *внутренне необходимых, завершённых и цельных структур*. Эти структуры нематериальны, но они в то же время не есть и произвольное создание человеческого ума. В процессе познания перед мысленным взором ученого возникает структура, которая, как это для него очевидно, не является его собственным изобретением, поскольку она «всегда уже существовала», и которая только и составляет подлинное содержание науки [2, с. 223].

Конечно, замечает Розанов, понимание всегда питается чувственным опытом, без него оно не может начаться (даже понимание математических аксиом), но оно никогда не *выводится* из опыта. Всякое ощущение, взятое только как таковое, для человека «темно и непроницаемо», не имеет никакого смысла. Оно может быть понято, лишь поскольку оно возведено к чему-то, что изначально присутствует в разуме и что в самом себе понятно и ясно [7, с. 114]. Понимание дается человеку разумом, но «разум, рассматриваемый в самом себе, не есть что-либо действительно существующее (не есть существо реальное)» [6, с. 36]. Разум не есть нечто реальное в смысле готовой системы идей. Это, впрочем, не значит, что у него нет внутренней определенности, что он есть *tabula rasa*, которую заполняет своими письменами опыт. Именно в эмпиристской трактовке разума как *tabula rasa* видел корень кризиса европейских наук Гуссерль. Розанов также неоднократно подвергал теорию *tabula rasa*

резкой критике. Разум, по его мнению, обладает особым – *потенциальным* – существованием, которое состоит в том, что не имея в себе никакого готового знания, он выступает как совокупность строго определённых условий, обеспечивающих возникновение некоторых идей, как только чувственным опытом даны объекты для этих идей [6, с. 51]. Здесь Розанов обращается к самой излюбленной своей теме – к теме *потенциальности*. «Разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания...», обозначаемые у Розанова словом «схема» [6, с. 57].

По сути, Розанов предвосхищает здесь феноменологическую программу исследования сознания и познания. Он говорит, что разум не есть причинно обусловленный продукт объективного мира, не есть «отражение» внешних восприятий, как это предполагает натуралистическое понимание сознания. Но разум не есть и что-то существующее само по себе, без внешнего предмета разумения. Разум без предмета представляет собой чистую потенцию, а в реальности он всегда есть разумение некого предмета. Это очень напоминает гуссерлевскую идею *интенциональности* сознания, как «имманентной предметности». Потенциальные «схемы» разума, интенционально направленного на предмет, становятся в этом разуме реальными *идеями*, в которых данный предмет понимается. Идеи, посредством которых происходит понимание, образуются не путем абстрагирования из многократного опыта, а путём своего рода феноменологической «идеации», «усмотрения» в соответствии со *схемами разума*. Таких «схем» Розанов насчитывает семь. Это схема *существования*, из которой образуется идея чистого существования: «существует нечто»; схема *сущности*, порождающая идею того, «что именно существует»; схема *атрибутов*, позволяющая понять «каково это существующее»; схема *причинности* («как произошло существующее»); схема *целесообразности* («для чего это существующее»); схема *сходства и различия*, позволяющая сопоставлять существующее и, наконец,

схема *числа*, позволяющая исчислять и измерять существующее.

Очень важной для Розанова является мысль, что возможность понимания мира обусловлена *соответствием форм самой действительности «схемам разума»*. В основе и того, и другого лежит как бы какое-то единое *упорядочивающее начало*: «Тот несомненный факт, что ранее чувственного опыта и соприкосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовых обнять собой мир; и тот факт, что мир этот ... действительно вступает в эту схему идей, раз соприкосновение между ними произошло, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное ... мы вынуждены искать разгадки этого явления в общем происхождении и космоса...» [6, с. 61]. К сходной мысли о едином происхождении структур человеческого мышления и структур природы неоднократно возвращается в своих философских размышлениях и Гейзенберг: «те же самые упорядочивающие тенденции, которые дают о себе знать в зримом порядке мира, в законах природы... действовали также и при возникновении человеческой души и продолжают действовать в ней. Ими вызвано соответствие наших представлений вещам и обеспечена возможность понятийного членения. Они ответственны за все те реально существующие структуры, которые оказываются разделёнными на объект – вещь и на субъект – представление лишь тогда, когда мы рассматриваем их с нашей человеческой точки зрения, фиксируем их в нашей мысли» [2, с. 141]. Гейзенберг, так же как и Розанов, считает, что указанным единством разума и природы обусловлена человеческая способность понимания: и природа, и душа устроены таким образом, что природу можно понять, поскольку одни и те же упорядочивающие начала лежат в основе строения как природы, так и человеческого мышления [2, с. 225].

Учитывая все вышесказанное понятен интерес Гейзенберга к натурфилософии Гете, с его идеей прафеноменов как «установленных Богом структур, которые обра-

зуют начало являющегося мира и не просто конструируются рассудком, но непосредственно созерцаются» так, что уже нельзя различить, «принадлежат ли они объективно мыслимому миру или человеческой душе, поскольку они образуют единую предпосылку обоих миров» [1, с. 315, 316]. Однако в отличие от Гёте Гейзенберг был склонен считать, что это структуры *математические*, что они даны со всей ясностью только на высших уровнях абстрактности, а не в непосредственном созерцании.

Различие между потенциальным и реальным у Розанова и Гейзенберга

У Гейзенберга предмет понимания – а для него это, в первую очередь, атомы и элементарные частицы – перестает мыслиться, как совершенно объективная, внешняя, «вещная» реальность. Элементарные частицы не суть физические объекты в том смысле, который в это понятие вкладывала классическая физика, «они суть формы, структуры или идеи в смысле Платона...» [1, с. 118]. Используя слова Розанова, можно было бы сказать, что частица это природа, «вступившая в схему определенной идеи». Частицы для Гейзенберга – это не вещи, но «моменты более фундаментальных структур, в отношении которых нет уже никакого смысла говорить отдельно о вещи и ее представлении» [2, с. 142]. Частица выступает как несомненная действительность, но отнюдь не как «объективная реальность» в смысле классической науки. Следует ли назвать элементарные частицы «действительно» существующими, «реальными»? Они «действительны», поскольку воздействуют на окружающее, будучи «выражением центрального порядка», который присущ материальным процессам. Но они не «реальны», «потому, что они не могут быть описаны как *res*, *наподобие вещей*» [2, с. 148].

Для Розанова также единое упорядочивающее начало само по себе *не существует реально*. Оно есть чистая *потенция*, которая актуализируется в существовании мира и в деятельности разума. Вообще

идея потенциальности составляет как бы «душу» розановского учения. Сам он говорил: «*О понимании*» ... вся построена на принципе *потенциальности* ... я посмотрел на *первоначальный* в человеке *разум*, как на *определенную* – во-первых (кристалловидную, не аморфную) и как на *живую* – во-вторых, *потенцию*; и углубление в *границы* ее дало мне возможность увидеть все, вывести все, что некогда из нее разовьется как наука ли, как философия ли, но вообще как *понимание человеком мира*» [5, с. 261]. Неспособность увидеть за реальными внешними вещами потенциальное начало, равно охватывающее и внешнее, и внутреннее, составляет, по Розанову, слабость и ограниченность позитивистской науки. Она не способна понять ничего, кроме «реального», вещного и поэтому «не природу, но лишь момент ее изучает она...» [9, с. 117, 118]. Понимаемое переходит из потенциального в актуальное состояние лишь при участии понимающего разума. *Понимающий*, таким образом, мыслится как неотъемлемое *условие существования понимаемой реальности*. Как замечает современный исследователь К. А. Ермилов, для Розанова «предельно важно не ускользнуть от подлинности и от самого себя, а значит, и от понимания» [4, с. 173].

Сходным образом, и согласно Гейзенбергу в понимании микрообъектов на смену классическим представлениям о реальности должно прийти понятие *потенциальности, возможности*. Нарушающее, как кажется, логический закон исключенного третьего «сосуществование различных состояний» квантового объекта, взаимно исключающих друг друга, может быть более адекватно описано как «сосуществование возможностей», из которых какая-нибудь одна актуализируется в результате процедуры наблюдения, так что *наблюдатель выступает как условие актуального существования микрообъекта*. Таким образом, «...модифицированная логика квантовой теории неизбежно влечет за собой модификацию онтологии», в которой центральным становится понятие *возможности*. «Математические

законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия “дюнамис” или “потенция” ... Понятие “возможность” довольно-таки удачно занимает промежуточное положение между понятием объективной материальной реальности, с одной стороны, и понятием духовной, а потому субъективной реальности — с другой» [1, с. 222, 223]. Функция вероятно-сти, по Гейзенбергу, – и есть та универсальная разумная *структура (схема)*, которая выступая сама по себе как чистая потенциальность, лежит в тоже время, в основе всякой реальности. Современный исследователь А. Ю. Севальников по этому поводу замечает: «введение “бытия в возможности” позволяет интерпретировать все “странности” квантово-механических явлений, связанных с понятием суперпозиции состояний» [11, с. 54]. Находящиеся за пределами пространства-времени «бытие в возможности» образует особый *модус бытия*, наряду с актуальной реальностью¹. В той философской интерпретации КМ, начало которой положил Гейзенберг, по словам А. Ю. Севальникова: «квант разрывает скорлупу мира явленного и явно указывает на существование Иного... Феноменальное, явленное или “наблюдаемое” является отражением иной плоскости бытия, реализацией сущности...» [10, с. 62]. «Иная плоскость бытия» – это и есть «бытие в возможности».

Категория целесообразности у Розанова и Гейзенберга

С идеей потенциальности неразрывно связана идея *целесообразности*, без которой, по Розанову, невозможно никакое понимание мира. Одни только *действующие причины* не могут объяснить всего происходящего в мире, что особенно ярко проявляется в познании живой природы. Розанов доказывает, что в мире, в природе

всегда присутствует и действует целесообразность. Однако целесообразность не является чем-то альтернативным детерминации, она не есть нечто, заменяющее собою причинность в тех или иных явлениях, скажем, в жизни организмов. Розанов проводит идею *неразрывной связи причинности и целесообразности*. Целесообразность, не сводясь к причинности, будучи чем-то качественно своеобразным и по смыслу иным, нежели причинность, тем не менее реализуется только через причинность и никак иначе реализоваться не может [6, с. 335]. Поэтому понимание мира вовсе не является отвлеченным от опыта умозрением, вовсе не отрицает эмпирическую науку как отыскание причин, каузальное объяснение явлений. Но взятая *без понимания* эмпирическая наука оказывается настолько слепа, что не в состоянии увидеть то, что видит понимание, а именно – что в каузальной детерминации проявляется некое высшее, незримое, но могущественное начало. Самое же важное для Розанова – то обстоятельство, что и причинность, и целесообразность суть две формы проявления потенциальности в мире.

Наличие целесообразности в природе, особенно ярко проявляющееся в существовании живых организмов, а также соотношение целесообразности с причинностью было предметом напряженных раздумий Гейзенберга и темой его разговоров с Бором. Гейзенберг склоняется к мысли, что в ходе биологической эволюции: «нечто потенциальное, а именно подлежащая достижению цель» влияет на причинно-следственные процессы, так что случайность, лежащая, согласно дарвинизму в основе движущей эволюцию изменчивости, на самом деле является «чем-то более сложным и тонким, чем кажется на первый взгляд» [2, с. 352]. В разговорах с Гейзенбергом Бор указывал, что целесообразность проявляется уже на уровне существования устойчивых атомов и молекул, в живой же природе она лишь находит свое наиболее полное выражение: «...в природе имеется тенденция к образованию определенных форм... и к воспроизведению этих форм

¹ Различные интерпретации квантовых состояний в модусе возможности, а также способов актуализации возможного в КМ подробно рассмотрены в статье В. Э. Тереховича «Модальные подходы в метафизике и квантовой механике» [12].

заново даже тогда, когда они нарушены или разрушены. В этой связи можно даже вспомнить о биологии; ведь устойчивость живых организмов... — явление того же рода. Все это вовсе не само собой разумеется, напротив, кажется непонятным, если исходить из принципа ньютоновской физики, из строгой причинной детерминированности событий... Это противоречие беспокоит меня уже очень давно» [2, с. 171]. По мысли Бора, которую разделяет и Гейзенберг, каузальное и финалистское описания природы находятся в типичном *отношении дополнительности* друг к другу, будучи принципиально различными, они, тем не менее, не исключают друг друга [2, с. 216]. При этом и каузальные зависимости, и целесообразность в природе суть проявления одного и того же упорядочивающего начала мира. Биология должна не выбирать какой-то из двух дополнительных способов описания как единственно верный, но, скорее, задуматься о происхождении их гармонического единства [2, с. 234].

Эти рассуждения близки к мысли Розанова о том, что каузальность и целесообразность суть две несводимых друг к другу, но взаимно предполагающих друг друга и восходящих к общему первоисточнику «схемы разума». Исключение одного из этих подходов делает невозможным адекватное понимание природы. В «О понимании» Розанов, намекая на Дарвина, говорит о бесплодности попыток объяснить развитие живой природы с помощью одного только каузального детерминизма. В 1889 г. он развернул эту мысль в журнальной полемике против дарвинистов, опубликовав две статьи: «Вопрос о происхождении организмов» и «Органический процесс и механическая причинность», в которых доказывал, что невозможно свести происхождение и устройство живой природы исключительно к действию причинности, но «...внутренняя целесообразность движет и направляет органический мир в каждой его части и во всем его целом» [8, с. 32,33]. Сходным образом и Гейзенберг, обращаясь к идеям Гете, на-

мечает возможность истолкования теории биологической эволюции с точки зрения дополнительности каузального и телеологического подходов. ДНК, говорит он, можно представить как нечто вроде гетевского прарастения, ансамбль возможных видоизменений которого при каузальном подходе предстает как подлежащие отбору случайные мутации, но, тем не менее, подчинен математической формуле, выражающей «центральный мировой порядок» [2, с. 350].

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что в работе Розанова «О понимании» и в философских трудах Гейзенберга намечен по сути единый путь преодоления того релятивизма, который неизбежно развился в науке XX в. как следствие позитивистской постановки знания в положение полной зависимости от одного только опыта. Общая как для позитивизма, так и для нео- и пост- позитивизма установка погружает ученого в порочный круг: человеческое мышление определяется опытом, а содержание опыта, в свою очередь, определяется человеческим мышлением (интерпретацией опытных данных). В итоге научное знание обречено быть, во-первых, субъективным и относительным, во-вторых, фрагментарным. По Розанову же и Гейзенбергу опыт должен обнаруживать разумные объективные структуры мира и потому приводить к объективно истинному знанию. Эти структуры обладают особым модусом существования в качестве потенциального, а не реального. Понимание природы предполагает обнаружение в ней скрытой целесообразности, что не противоречит каузальному детерминизму, но является дополнительным по отношению к нему способом познания мира. Задача науки на этом пути – выявить «скрытую гармонию мира» (Гейзенберг) и дать «цельное знание» (Розанов) о мире.

Статья поступила в редакцию 07.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт: пер. с нем.; общ. ред. Н. Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / пер. с нем. И. А. Акчурина, Э. П. Андреева. М.: Наука, 1990. 400 с.
3. Гуссерль Эдмунд. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. 358 с.
4. Ермилов К. А. Возможность утверждения в философии Розанова // Соловьевские исследования. Вып. 2 (62). 2019. С. 168–177.
5. Розанов В. В. Хорошо ли знаете, «какого вы духа»? // Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995. С. 261–279.
6. Розанов В. В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995. 808 с.
7. Розанов В. В. Идея рационального естествознания // Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.: Республика, СПб., Ростов, 2009. С. 114–132.
8. Розанов В. В. Вопрос о происхождении организмов // Розанов В. В. Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика, СПб., Ростов, 2008. С. 12–33.
9. Розанов В. В. Что иногда значит «научно объяснить» явление? // Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Ростов, 2008. С. 114–118.
10. Севальников А. Ю. Физика и философия // Метафизика. 2016. № 2 (20). С. 52–63.
11. Севальников А. Ю. Физика и философия: старые проблемы и новые решения // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 42–60.
12. Терехович В. Э. Модальные подходы в метафизике и квантовой механике // Метафизика. 2015. № 1 (15). С. 129–152.

REFERENCES

1. Heisenberg, W. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. the Part and the Whole]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 400 p.
2. Heisenberg, W. *Shagi za gorizont* [Steps beyond the Horizon]. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 p.
3. Husserl Edmund. *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a strict science]. Novocherkassk: Agentstvo SAGUNA Publ., 1994. 357 p.
4. Ermilov K. A. [The possibility of assertion in Rosanov's philosophy]. In: *Solov'evskie issledovaniya* [Solov'yov's studies]. no 2(62). 2019, p. 168–177.
5. Rosanov V. V. [How well do you know “what kind of spirit you are”?], In: *Rosanov V.V. Sobranie sochinenij. V mire neyasnogo i nereshennogo. Iz vostochny'h motivov* [Collected works. In the world of the unclear and unsettled. From Eastern motives]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 261–279.
6. Rozanov V. V. *O Ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroyeniya nauki kak tsel'no-go znaniya* [On understanding. Experience in the study of nature, boundaries and internal structure of science as integral knowledge]. Moscow, Tanais Publ., 1995. 808 p.
7. Rosanov V. V. [The idea of rational natural science]. In: *Rosanov V. V. Sobranie sochinenij. E'stetcheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.) Sumerki prosveshheniya* [Collected works. Aesthetic understanding of history (Articles and essays 1889–1897). Twilight of the enlightenment]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg: Rostok Publ., 2009. pp. 114–132.
8. Rosanov V. V. [The question on the origin of organisms]. In: *Rosanov V.V. Sobranie sochinenij. Priroda i istoriya (Stat'i i ocherki 1904–1905 gg.)* [Collected works and history (Articles and essays 1904–1905)]. Moscow: Respublika Publ., St. Petersburg: Rostok Publ., 2008. pp. 12–33.
9. Rosanov V. V. [What does it sometimes mean to “scientifically explain” a phenomenon?]. In: *Rosanov V. V. Sobranie sochinenij. Priroda i istoriya (Stat'i i ocherki 1904–1905 gg.)* [Collected works. Nature and history (Articles and essays 1904–1905)]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg: Publ., 2008. pp. 114–118.
10. Sevalnikov A. Yu. [Physics and philosophy]. In: *Metafizika* [Metaphysics], 2016, no 2 (20), pp. 52–63.
11. Sevalnikov A. Yu. [Physics and philosophy: old problems and new solutions]. In: *Filosofskij zhurnal* [Philosophy Journal], 2016, vol. 9, no 1, pp. 42–60.
12. Terekhovich V. E. [Modal approaches in metaphysics and quantum mechanics] In: *Metafizika* [Metaphysics], 2015, no 1 (15) pp. 129–152.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотарев Алексей Вадимович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского;
e-mail: avzolo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Zolotarev – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, History and Political science, Bryansk State University, named after Academician I. G. Petrovski;
e-mail: avzolo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Золотарев А. В. Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. N 4. С. 46–54.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-46-54

FOR CITATION

Zolotarev A. V. Vasily Rozanov and Werner Heisenberg on Understanding Nature. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 46–54.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-46-54

УДК 1(091), 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63

ЛИЧНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НУЛЕВОЙ ТОЧКЕ БЫТИЯ. «ВИТЕБСКОЕ ВРЕМЯ» М. М. БАХТИНА И К. С. МАЛЕВИЧА

Колесниченко Ю. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Сопоставить философские системы М. М. Бахтина и К. С. Малевича, выявить изоморфизм их основных концептуальных построений.

Процедура и методы. При решении поставленной задачи используются следующие методы: исторический, сравнительного анализа, идеографический, номотетический; процедуры герменевтической интерпретации и философско-психологического портретирования.

Результаты. Проведённый анализ показал, что ранняя философия Бахтина и Малевича относится к культурному полю «Витебское время» – особому философско-культурологическому феномену (хронотопу) развития и измерения отечественной философии личности в ранние 1920-е гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования заявляют о попытке переосмысления исторической периодизации и классификации раннего философского наследия Бахтина и Малевича на основе хронотопической парадигмы – исторического, ценностно-смыслового – понимания культурных феноменов.

Ключевые слова: хронотоп, философия личности, авангард, Витебское время

PERSON AND RESPONSIBILITY AT THE ZERO POINT OF BEING. THE “VITEBSK TIME” OF M. BAKHTIN AND K. MALEVICH

Y. Kolesnichenko*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul. Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To compare the philosophical systems of M. Bakhtin and K. Malevich, identifying the isomorphism of their basic conceptual constructions.

Methodology. In solving the research problem, historical, ideographic, nomothetic, comparative analysis methods are used; hermeneutic interpretation and psycho-philosophical portraiture procedures are applied.

Results. The respective analysis shows that Bakhtin and Malevich's early philosophy refers to the special cultural field the “Vitebsk time” as a special philosophical and cultural phenomenon (the chronotope) of the development of the national philosophy of the early 1920-s.

Research implications. The results of the study demonstrate an attempt to rethink the principle of the historical periodization and classification of the early philosophical heritage of Bakhtin and Malevich using the chronotop paradigm – historical, value-semantic understanding of the cultural phenomena.

Keywords: chronotope, philosophy of personality, avant-garde, the Vitebsk time

Введение

1920-е гг. раннесоветской власти – особое *герменевтическое измерение* отечественной, шире, мировой культуры XX в. 1920–1930-е гг. есть, в более широком, философском смысле, период глубинной трансформации всех социальных смыслов, период кардинальной смены исторической парадигмы эпохи, переход к массовости как основе жизненного бытия личности.

Лиминальное состояние есть неотъемлемый элемент парадигмы переходности, или трансгрессии, означающий пороговое состояние между двумя равновесными идентичностями, т. е. является собственно феноменом перехода от одной идентичности, устойчивой равновесной структуры (качества), к другой.

Эпоха межвоенного времени, или Интербеллум, есть эпоха трансгрессивная и потому непрозрачная в смысловом аспекте, содержательном смысле. Смыслы и содержания становящейся эпохи только пытались состояться, выкристаллизовывались из старых, побеждали в борьбе с новыми, но менее жизнестойкими, смыслами. Смена *смыслоряда* была столь стремительна в те годы, что разложить на компоненты значения, смысла и содержания ту эпоху в определенческом отношении получится, лишь насильственно *обездвижив* её в терминологическом плане. Тем не менее с целью проведения нашего исследования мы попытаемся это сделать, применяя максимально щадящие герменевтические процедуры [10]. Герменевтика *процесса*, взятая в статике академического исследовательского Слова, есть всегда квази-смысл и квази-истина, которую тем не менее придётся принять как единственно возможный вариант приближения к смыслу, поскольку смысл как процесс в последствии превращается в историческом исследовании в статику энциклопедического значения [1]. Значения каждый раз однозначного для каждого текста эпохи. Внутри же самой эпохи, в 1920-е гг., это были живые значения-знаки-символы, громоздившиеся, вздымавшиеся друг на

друга, взаимно отменявшие и вновь утверждавшие друг друга на базе ветвящейся смысловой полифуркации (термин К. С. Кагана).

Классическая метафизика, предполагающая два *слоя* бытия, – объективный и субъективный – противопоставляя и увязывая их между собой, тем не менее, архитектурно, *ветхозаветно* подчиняет субъектный слой бытия объективному [4]. Креационистская мета-подложка онтологического видения очевидна, она сменяется иным видением бытия в момент обрушения креационизма как религиозной, элитарной картины мира в начале XX в. Метафизика стала *личностноцентристской*, «встала» на иное своё не-креационистское, не причинно / следственное, но *жизненное* начало. Бытие теперь разворачивается из человека, точнее, из активности, творческой самодеятельности (С. Л. Рубинштейн) самой личности. Надобность в противопоставлении объекта субъекту и причинно-следственном соподчинении этих онтогносеологических *слоёв* бытия отмерла. Трансцендентного больше нет, равно как нет и трансцендентального. Есть одно, и оно есть личность. Личность – основа, исход и точка схождения поновому понимаемого бытия. В момент революционного излома, исторической трансгрессии – тотального исчезновения объективного бытия – у человека появляется настоятельная потребность *позволить себе свою личность как Абсолют*, как новую точку отсчёта в бытии. Стягивающей точкой человечества становится общепризнанная мера *ответственного поступка* [9].

Встреча Малевича и Бахтина – эпохальный смысл события

Известное биографическое событие – «витебская» дружба двух великих представителей мировой культуры – М. М. Бахтина и К. С. Малевича – продолжает волновать умы историков белорусской и русской философии, культурологов

всего мира. Несмотря на представленность этой темы в русскоязычной литературе¹, всё ещё остаётся множество вопросов, требующих бережного герменевтического осмысления. На наш взгляд, данный исторический феномен нельзя трактовать лишь с биографической точки зрения. Анализируя тексты обоих авторов, а также учитывая факт их близкого знакомства, дружбы семей², невозможно не задаться мыслью об изоморфизме философских взглядов двух гениев, чьи работы и по сей день не потеряли своей бесконечной эвристической притягательности и до сих пор сохраняют статус гуманитарной загадки XX столетия. «Жизненные ситуации обоих мыслителей, берущие начало в витебские годы, вызывают удивление своими совпадениями. Именно Витебск подарил Малевичу наиболее стойких и верных единомышленников, сохранивших преданность учителю до последних дней; в свою очередь, то сообщество, что вошло в историю под названием «бахтинский круг», зародившись в невеликие дни, настоящую почву для укрепления и развития обрело также в Витебске» [23, с. 26–27].

По мнению исследователя творчества Каземира Малевича, его внучатого племянника, минского профессора Игоря Александровича Малевича, в период раннесоветской власти именно Витебск в революционные годы «загадочным образом становился центром притяжения талантливых людей. Духовный ренессанс Витебска распространял свое влияние и на революцию ... Здесь рождался центр новой философии живописи и интеллектуального труда» [13, с. 75].

Ранние – белорусские – тексты М. М. Бахтина («Невельский» – «Искусство и ответственность» (1918), а

также «Витебский» – «К философии поступка» – годы создания 1919–1920) – самые главные философские творения автора, его (по словам самого Бахтина) «философская антропология». Белорусские тексты К. С. Малевича («Бог не скинут», Издательство «Уновис», Витебск, 1922; «Супрематизм как беспредметность или вечный покой», написано в Витебске, 1922) также отличаются *предельной философичностью*, к которой ни первый (из упомянутых), ни второй автор более в своих теоретических работах не возвращались. Таким образом, можно утверждать, что «философский предел» обоими мыслителями был достигнут в Витебске, на белорусской земле.

Философские работы М. М. Бахтина архитектурны (известен его термин «высший архитектонический принцип бытия» [3, с. 66]), они *супрематически белые, прозрачные*, «просквозают» (опять же термин автора) себя световыми лучами высшего сверценностного смысла³. *Образность* бахтинского мышления позволяет глубоко приникнуть в суть философских размышлений / переживаний автора на вышеуказанные темы, *прочувствовать* вместе с ним личностную насыщенность бытия. Бытие Бахтина не просто личностно, оно чрезвычайно красиво (эстетично), оно участно (этично), инициативно благодаря своим фундаментальным личностным свойствам. Философия раннего Бахтина есть философия ответственной личности как новой субстанциональности, особая нематериальная, *беспредметная* субъектность как таковая, не замыкающаяся на себе самой, но центрирующая в себе своё ценностное отношение *к бытию*, лишь в себе определяющая свою жизненную (социально-направленную) позицию.

Очевидны и чрезвычайно суггестивны художественность и эстетизм текстов М. М. Бахтина. Они могут восприниматься

¹ Журнал «Диалог, Карнавал, хронотоп». Издавался с 1992 до 2018 г. Последний номер был посвящен памяти бессменного издателя журнала Панькову Николаю Алексеевичу.

² Малевич руководит народным педагогическим училищем, организовал УНОВИС (художественная организация «Утвердители нового искусства»); Бахтин преподаёт в витебской консерватории и пединституте.

³ Необходимо удерживать в поле герменевтического исследования тот факт, что Бахтин изначально вступил в философию как философ-художник, как философствующий об искусстве и вокруг искусства мыслитель.

как философские антропологические сочинения, с законченным смысловым итогом, а также как избыточно смысловые, т. е. не философские, но семиотически символические, художественные, кинестетические, педагогически воспитательные произведения, без излишней монологической назидательности. В текстах Бахтина всегда *вне-находимо присутствует* Бахтин. Не как автор, а как часть произведения, как центр композиции, её совесть и честь, её судья и оратор. Право имеющий. Он эстетически видит Философские смыслы, он также эстетически их подаёт. Истинная эстетика всегда онтологична и в связи с этим своим качеством, всегда нравственна. Бахтин – срединная нравственность, с опорой лишь только на источник этой нравственности. По Бахтину, Личность есть генератор и судья этой нравственности одновременно – перед самой собой, перед Другим, перед Жизнью, перед Бытием, перед Абсолютом, в конце концов. Не перед Богом, ибо Бог – в Личности, не в бытии.

Философия Бахтина есть по своей форме философия обучающая, растолковывающая человеку его самого, его личность. Это – философский художественный диалог с учеником: воспитательный тон, воспитывающий текст, излучающий добро, чрезвычайно терпеливый, повторяющий одну и ту же тему необходимости ответственно отношения к себе и себя в этом мире [17].

По-малевичевски относится Бахтин и к арсеналу художественных средств прошлого. «Я приступаю к творчеству, – говорит исследователь М. Л. Гаспаров от имени философа, – но все орудия уже были в употреблении, они захватаны и поношены, они – наследие проклятого прошлого, пользоваться ими неприятно, а обойтись без них невозможно. Поэтому я прежде всего должен разобраться в них ... Задача творчества – выложить свою мысль из чужих унаследованных слов» [5, с. 34].

Слово – единица нового (словесного, литературного) бытия Бахтина; цвет – единица нового (художественного) бытия у Малевича [20, с. 340]. «Картина требует

уже не эстетического переживания, а понимания того, что она стремится проникнуть в саму суть бытия ... Новая картина приобретает некое собственное *соответствие* (курсив мой – Ю. К.) окружающей реальности, некое внутреннее значение. Она превращается в объект «подлинной реальности», самостоятельный «организм»... Отсюда рама авангардной картины полностью подчиняется её внутренней структуре. Отсутствие же какой-бы то ни было рамы может обнажать смысл картины как "самой реальности" и "сущности"..." [20, с. 340]. Белый Квадрат Малевича и «К философии поступка» – принципиально *необрамленные* произведения супрематического выхода из *ничто*, художественный и совестный меон нулевой точки социальности [8, с. 8].

«К философии поступка» как философское произведение, также не имеет своей «рамы-обрамления»: не имеет (случайно / принципиально?) начала (многоточие стоит в начале рукописи, найденной в столе писателя и частично скуренной рабочими, по утверждению исследователя К. Г. Исупова) и не имеет (сущностно) авторского конца (троеточие стоит и в конце рукописи). Удивителен своей смысловой (бахтинской) законченностью тот факт, что, несмотря на фактическую неполноту работы, Бахтин никогда впредь не возвращался к этому произведению, считая его принципиально завершённым своей текстологической *вне-находимостью*, извечным «замедлением» над субъектом.

Хронотоп «Витебского времени»: Супрематизм у Бахтина и вне-находимость у Малевича

Супрематизм Бахтина и Малевича есть «Белый квадрат на белом» как символ *вне-находимости автора Бытия*, т. е. сам процесс *исчезновения* личности в едином теле поступающего нравственного человечества. Личностью у отныне становится человечество. Творчество обоих авторов есть чистый хрестоматийный космизм в самом его исходе, в самом начинании, ког-

да личность ещё не распрощалась со своей индивидуальной душой, но находится на пути к этому миру чистой творимой действительной коллективной социальной реальности, творимой не ею, но *всеми*. Символ Веры и иконопись есть обнуление времён топоса субъекта Витебского времени. Философия личности в 1920-е гг. есть философия исповедальная, есть мысль на пороге «страшного суда» исторического бытия, перед лицом которого каждая личность единственна и ответственна лишь своим собственным поступком в бытии [4].

«К философии поступка» есть, таким образом, акт философского, этического моления перед бытием, клятвенная ответственность перед ним, глас одинокой ответствующей личностности молящегося (опыт Блаженного Августина и его «Исповеди»). Работа же «Белый квадрат» написана в технике обратной перспективы, а именно, изнутри самого личностного бытия, из его единственно возможной точки – личностного поступка. Бытие стягивается в единой точке возможного своего существования, каждый раз – в ответственном поступании личности согласно своему нравственному плану, задающей, в свою очередь, каждый раз новый *тон* бытию. Малевич портретировал «религиозное бессознательное» (М. Н. Эпштейн) – архетипическое – в русской культуре эпохи исчезновения / перерождения¹. Период символизации форм 1920–1930 гг. лежит как раз в определенной «точке / тире» социальной бифуркации [18], кодифицированной художественной, шире, творческой реальности. *Обратная перспектива* есть, таким образом, гносеологический и онтологический приём в трудах Бахтина и Малевича периода «Витебского времени» (по терминологии И. А. Малевича).

¹ Здесь пользуемся исключительно дуальными терминами, которые только и способны портретировать бытие того исторического периода – единственно возможное к использованию средство портретирования бытия 1920–1930-х гг. как в сущности трансгрессивного и одновременно исчезающе-нарождающегося.

Философский космизм Малевича как преодоление персонализма Бахтина

Философские смыслы бахтинских текстов назидательны, транспарантны, плакатны, риторически поданы («самозванный смысл», «не-алиби в бытии» – освоенный и присвоенный перифраз – дань стилистике революционной эпохи). Вопреки принятому в филологических кругах конвенциональному «академическому отношению / определению» [5], позволим себе утверждать, что «ранний» Бахтин «невельского и витебского времён», *в философском плане*, «не принадлежит» эпохе символизма и «постсимволизма». Представляется, что именно в точке *обнуления времён* (особый топос субъекта – существование в моменте революционного изменения) его раннее философское творчество *соотносимо* с авангардизмом по своему живописному стилю и тону, по глубине смыслового разлома отечественной антропологической традиции. Хронологическая позиция «ранней» (и «единственной») философии М. М. Бахтина, таким образом, *вненаходима*, всецело принадлежит уникальному топосу пореволюционного «Витебского времени» как особого культурного феномена. «Витебское время» есть месторазвитие – *ХРОНОТОП* – отечественной культуры нового социального бытия (1917–1922 гг. – исторический период становления Российской Советской Республики).

Малевич «витебского времени» видел мир беспредметным. Он отказывает материи как субстанции в вещиности, призывая принимать мир очеловеченным. Он разбирает прежний мир вещей на составные части (так называемые архитектоны), осуществляя его новую сборку на иных парадигмальных основаниях – на основе наличия «человека творящего» в бытии. Для Малевича больше нет мира вещей и мира людей. Есть их космическое единство, в котором человек есть постигающая и творящая это единство основа [21]. Философ считал, что своей супрематической живописной работой – *Белым квадратом* (на белом фоне) «им был достигнут "абсолют-

ный нуль"» [14, с. 8], т. е. нулевая степень нуля, в которой, как известно из классического определения этого феномена, любая функция имеет *неустранимый разрыв*. Выход за пределы нулевой степени бытия [8] обеспечивается особой эвристической оптикой, а именно оптикой мнимостей и обратной перспективы – некоей эвристической аксонометрии (по П. Флоренскому, соответствующей правилу *разлома* пространства и выворачивания тела через самого себя [22, с. 53]). Исследователь О. В. Тарасов отмечает, что в этот момент «происходит прорыв за пределы возможности человека. Появляется убежденность, что новый образ улавливает (как икона) визуальную реальность ноумена. Поэтому картина требует уже не эстетического переживания, а понимания того, что она стремится проникнуть в самую суть бытия и видимой материальной субстанции» [20, с. 340].

Такой картиной и был Белый квадрат.

Космичность философских взглядов Малевича, его стремление объять мыслью деперсонализированную Вселенную, в полной мере ощущались Бахтиным, одним из инициаторов «поворота к человеку», выдающимся представителем философской антропологии XX в. [23, с. 26–27]. У Малевича, в его философии, нет предмета, т. е. нет принципиально статики, но есть динамика: форма и действие, т. е. деяние переустройства, устройства с нуля [7]. И если Бахтин – это четвертое измерение бытия – исключённого четвертого (по воображаемой логике Н. А. Васильева [2]), то Малевич есть его пятое измерение. Это уже человечество во вселенной, преодолевшее личность в акте выхода за пределы своего бытия в верности своему времени и «зову будущего» [16].

Пресловутая же неуспешность художественных потенций авангарда [15, с. 200–201] объясняется, на наш взгляд, неуспешностью самих исследователей при попытке выйти за рамки привычной тропности традиционно понимаемого искусства и *позволить себе* иную оптику в оценке живописных и иных проявлений

художественности в *длящийся* момент обнуления бытия, в точке его исчезновения / появления. Авангард как искусство *бифуркационное* именно в бытийственном отношении есть портрет трансгрессии бытия в *конечно-начальной* точке его слома и *исчезновения-рождения*. «Обнуление бытия» предполагало обнуление парадигмы в самом фундаментальном значении этого термина, когда обнуляются все смыслы бытия, но остаются его носители. DaSein стало вопросом исключительно личностным, исключительно *усилием* человеческой воли к его демонтажу и вновь конструированию. Бытие уже не имело более объективного смысла в точке своей бифуркации, но *предполагало* здесь-бытие как синоним чистой человеческой экзистенции.

Заключение

Представляется, что Бахтин и Малевич в своём творчестве пореволюционного периода находятся по разные стороны точки бифуркации в бытии: самоочевидны *ещё*-личностная субстанциональность у Бахтина и *уже*-вселенское (космическое) человечество у Малевича [9]. Иеротопические свойства Белого Квадрата, равно как и «К философии поступка», определяют эти произведения как супрематический вид квази-религиозного личностно-христианского, жертвенного искусства, полагающего себя, по определению, в аскетичной («минималистичной») форме.

Пред-авангардистская картина мира у М. Бахтина, основанная на личностной парадигме, именно в периоде исторического авангарда (К. Малевич) Витебского периода теряет свою приоритетную, доминантную позицию, «ломается» в *своей коллективной*, уступая появлению нового организующего антропологического принципа, основанного на сущностно новом концепте Человека как существа природно-космического, своего рода «субъекта – человечества» [12, с. 52]. В связи с этим именно в космизме, по мнению А. Г. Гачевой, «духовно-душевная работа

личности идет параллельно с трансформацией смертного и страстного естества человека, а изменение социума – с регуляцией стихийных природных сил» [6, с. 541]. Недаром исследователь В. С. Манин (правда, не без негативных коннотаций) говорит на страницах своей работы о «несовместимости реального художественного творчества и его почти повсеместной «мнимости» [15, с. 50], считает, что непременно «Следует обратить внимание на ускоренный процесс "разматывания" искусства, доведения его до абсурда...» [15, с. 230].

Авангардистская картина мира, до предела обнажая амбивалентную - индивидуально-сборную-природу лично-

сти, свидетельствует о её перерождении в антиномию (по внелогичному сценарию обнуления смыслов и превращения их в архаичный абсурд), впоследствии – в своё другое, т. е. в коллективизм как такой. «Бог не скинут» и «К философии поступка» есть, таким образом, самая ранняя философская саморефлексия революционного ответственного *вновь*-бытия, исчерпавшая себя с окончанием этой исторической эпохи. Но «витебское время сделало свое великое дело» [13, с. 75], оставив нам «в наследство» один из самых захватывающих сюжетов мировой гуманитаристики Большого времени под названием «Малевич и Бахтин».

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов В. В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. М.: Книжный мир, 2015. 608 с.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон +, 2009. 240 с.
3. Бахтин М. М. К философии поступка. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. 384 с.
4. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
5. Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре // М. М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. Т. II. / сост. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 2002. С. 34.
6. Гачева А. Г., Семенова С. Г. Русский космизм // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. 2-е изд. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 540–542.
7. Горячева Т. В. Теория и практика русского авангарда: Казимир Малевич и его школа. М.: АСТ, 2020. 240 с.
8. Джакомо Ди. Дж. Малевич: живопись и философия от абстракционизма до минимализма. СПб.: Алетейя, 2018. 246 с.
9. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
10. Колмаков В. Ю. Черный квадрат – красный код революции // Черный квадрат: культура и революция / отв. ред. В. Ю. Колмаков. Красноярск, 2017. 212 с.
11. Кудрявцева Е. Л. Казимир Малевич: метаморфозы «Черного квадрата». М.: Новое литературное обозрение, 2017. 416 с.
12. Сознание как категория материалистической диалектики / М. Л. Лезгина, Б. В. Марков, Ю. М. Шилков. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1989. 168 с.
13. Малевич И. А. Казимир Малевич. Восхождение на крест судьбы. Минск: Харвест, 2012. 256 с.
14. Малевич К. С. Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика // Малевич К. С. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913—1929 / общ. ред., вступит. ст., сост., подг. текстов, комм. А. С. Шатских. М.: Гилея, 1995. С. 236–266.
15. Манин В. С. Неискусство как искусство. СПб.: Аврора, 2006. 271 с.
16. Рыков А. В. Политика авангарда. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
17. Соломадин И. М., Курганов С. Ю. Нетипичный Бахтин. Педагогические идеи Бахтина и формирование письменной речи школьников // Диалог, карнавал, хронотоп. 2001. № 2. С. 177–191.
18. Схейен Ш. Авангардисты: Русская революция в искусстве. 1917–1935. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 512 с.
19. Тмарченко Н. Д. Бахтин // Новый филологический вестник. 2011. № 4 (19). С. 7–18.

20. Тарасов О. Ю. Рама и образ: Риторика обрамления в русском искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 447 с.
21. Философия русского авангарда / под ред. Н. Н. Ростовской. М.: РГ-Пресс, 2019. 128 с.
22. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Поморье, 1922. 70 с.
23. Шатских А. С. Событие встречи. Бахтин и Малевич // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1995. № 3. С. 16–33.

REFERENCES

1. Aver'yanov V. V. *Krytyi krest. Traditsionalizm v avangarde* [The roofed cross. Traditionalism at the forefront]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2015. 608 p.
2. Bazhanov V. A. N. A. *Vasil'ev i ego voobrazhaemaya logika. Voskreshenie odnoi zabytoi idei* [N. Vasiliev and his imaginary logic. The resurrection of the forgotten idea]. Moscow, Kanon + Publ., 2009. 240 p.
3. Bakhtin M. M. *K filosofii postupka. Raboty 20kh godov* [On the philosophy of action. Works of the 20^s]. Kiev, Next Publ., 1994. 384 p.
4. Bonetskaya N. K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin through the eyes of a metaphysician]. Moscow, St Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 560 p.
5. Gasparov M. L. [M. Bakhtin in Russian Culture]. In: Isupov K. G., comp. *M. M. Bakhtin: pro et contra. Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury. T. II* [M. Bakhtin: pro et contra. Creativity and heritage of M Bakhtin in the context of world culture. Vol. II. Comp. K G. Isupov]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities, 2002, pp. 6.
6. Gacheva A. G., Semenova S. G. [Russian cosmism]. In: Maslin M. A., ed. *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy] Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2014, pp. 540–542.
7. Goryacheva T. V. *Teoriya i praktika russkogo avangarda: Kazimir Malevich i ego shkola* [Theory and practice of the Russian avant-garde: Kazimir Malevich and his school]. Moscow, AST Publ., 2020. 240 p.
8. Giacomo Di. G. *Malevich: zhivopis' i filosofiya ot abstraksionizma do minimalizma* [Malevich: painting and philosophy from abstraction to minimalism]. St. Petersburg., Aleteiya Publ., 2018. 246 p.
9. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoi filosofii: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy: Biography of the Idea]. Moscow, Encyclopedist-Maximum Publ., 2018. 416 p.
10. Kolmakov V. Yu. [The Black square. Red revolution code]. In: *Cherniy kvadrat, kul'tura i revolyutsiya* [Black square, Culture and Revolution]. Krasnoyarsk, 2017. 212 p.
11. Kudryavtseva E. L. *Kazimir Malevich: metamorfozy «CHernogo kvadrata»* [Kazimir Malevich: metamorphoses of the “Black Square”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 416 p.
12. Lezgina M. L., Markov B. V., Shil'kov Yu. M. *Soznanie kak kategoriya materialisticheskoi dialektiki*. [Consciousness as a category of materialistic dialectics]. Leningrad, Leningradsky university Publishing House, 1989. 168 p.
13. Malevich I. A. *Kazimir Malevich. Voskhozhdenie na krest sud'by* [Kazimir Malevich. Climbing the cross of fate]. Minsk, Kharvest Publ., 2012. 256 p.
14. Malevich K. S. [God will not be overthrown. Art, church, factory]. In: Malevich K. S. *Sobr. Soch. T. 1. Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty. 1913–1929* [Collected works. Vol. 1. Articles, manifestos, theoretical essays and other works. 1913–1929]. Moscow, Gilea, 1995, pp. 236–266.
15. Manin V. S. *Neiskusstvo kak iskusstvo* [Non-art as art]. St Petersburg, Avrora Publ., 2006. 271 p.
16. Rykov A. V. *Politika avangarda* [Avant-garde politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 208 p.
17. Solomadin I. M., Kurganov S. Yu. [Atypical Bakhtin. Bakhtin's pedagogical ideas and the formation of written speech of schoolchildren]. In: *Dialog, karnaval, khronotop* [Dialogue, carnival, chronotope], 2001, no. 2, pp. 177–191.
18. Skheien Sh. *Avangardisty: Russkaya revolyutsiya v iskusstve. 1917* [Avant-garde: The Russian Revolution in Art. 1917]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2019. 512 p.
19. Tamarchenko N. D. [Bakhtin]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological bulletin], 2011, no. 4 (19), pp. 7–18.
20. Tarasov O. Yu. *Rama i obraz: Ritorika obramleniya v russkom iskusstve* [Frame and Image: Rhetoric of Framing in Russian Art]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2006. 447 p.
21. Rostova N. N., ed. *Filosofiya russkogo avangarda* [Philosophy of the Russian avant-garde]. Moscow, RG-Press Publ., 2019. 128 p.

22. Florenskiy P. A. *Mnimosti v geometrii. Rasshirenie oblasti dvukhmernykh obrazov geometrii (Opyt novogo istolkovaniya mnimosti)* [Imaginations in geometry. Expanding the area of two-dimensional images of geometry (Experience of a new interpretation of imaginary)]. Moscow, Pomor'e Publ., 1922. 70 p.
23. Shatskikh A. S. [Meeting event. Bakhtin and Malevich]. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 1995, no. 3, pp. 16–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Regional University;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. Личность и ответственность в нулевой точке бытия. «Витебское время» М. М. Бахтина и К. С. Малевича // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 55–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. Personality and Responsibility at the Zero Point of Being. “Vitebsk time” M. M. Bakhtin and K. S. Malevich. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 55–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71

METHODOLOGICAL FEATURES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Michio Mikoshiba¹, Ya. Bondareva²¹*Chiba University**1-33 Yayoi-cho, Inage-ku, Chiba-shi 263-8522, Japan*²*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To reveal the methodological features of Russian religious philosophy, to analyze such basic methods for Russian philosophical culture as phenomenological and existential.

Methodology. The research was carried out on the basis of the principles of historical and philosophical research (historicism, ideological and theoretical continuity, concreteness), and systemic approach.

Results. It is the phenomenological and existential methods of Russian religious philosophy that considering in profound and different ways the issues of the subject and object of cognition; the subject of philosophical knowledge, and the issue of its truth in general, solve the common problem – cognition of «true being», the transcendental divine principle through which the meaning of personal existence can be revealed. Synthesizing these methods with mystical experience, Russian thinkers moved along the path of creating “integral knowledge” within the Christian paradigm.

Research implications. The study of the deep methodological phenomena of Russian religious thought presupposes further development of religious and philosophical knowledge, and the conclusions drawn from the analysis of the synthesis of rationalistic, phenomenological and mystical methods of cognition may help in understanding the ways of development of modern science.

Keywords: holistic knowledge, total unity, knowledge, phenomenological method, existential method, truth, intuition

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Митио Микосиба¹, Бондарева Я. В.²¹*Университет г. Тиба (Япония)**263-8522, преф. Тиба, г. Тиба, р-н Инагэ, ул. Яёй, Япония*²*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Выявить методологические особенности русской религиозной философии, проанализировать феноменологический и экзистенциальный методы как базовые для русской философской культуры.

Процедура и методы. Исследование осуществлялось на основе принципов историко-философского анализа (историзма, идейно-теоретической преемственности, конкретности), а также с применением системного подхода.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что именно феноменологический и экзистенциальный методы русской религиозной философии, в деталях по-разному решая вопросы субъекта и объекта познания, предмета философского знания, а также вопрос о его истинности, в целом решают одну и ту же задачу – познание «живого подлинного бытия», Божественного начала, запредельного миру, и через него раскрывают смысл личного

существования. Синтезируя эти методы с мистическим опытом, русские мыслители продвигались по пути создания «цельного знания» в рамках христианской парадигмы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение глубинных, методологических явлений русской религиозной мысли предполагает дальнейшее развитие религиозно-философского знания, а выводы, сделанные в результате анализа синтеза рационалистического, феноменологического и мистического методов познания, возможно, помогут в осмыслении путей развития современной науки.

Ключевые слова: цельное знание, всеединство, познание, феноменологический метод, экзистенциальный метод, истина, интуиция.

Introduction

Russian religious philosophy, setting itself the task of transforming philosophy into contemplation, moving the mind into the sphere of apophatism and symbolic realism, inevitably solved the question of the reality of mystical experience, the possibility of conscious communication with God, the ultimate calling of man, the possibility of his deification. Trying to reveal Orthodoxy through philosophical synthesis, Russian thought used phenomenological, existential and mystical methods, which were not only closely related, but also in a state of interdependence [1–4].

Phenomenology and intuitionism

The most important step towards the correlation of experimental knowledge and philosophical speculation is the phenomenological method, synthesizing its Husserlian interpretation and intuitionism, which was developed in detail in the philosophy of N. Lossky and S. Frank. Somewhat earlier, an element of intuitionism entered the epistemological views of V. Solovyov and was justified in the spirit of Schellingism as «intellectual intuition», which is «a real primary form of integral knowledge» [18;208]. He saw the function of intuitive cognition in giving the form of a universal integral truth to the material that is accumulated by the subject through experience. Proceeding from the principle of total unity, substantiating the concept of «free theosophy» as the unity of mysticism, rationalism and empiricism, the philosopher saw in intuition a method in which «one in all» and «all in one» is given [18, c. 233]. Treating intellectual intuition as contemplation ideas, V. Solovyov distinguished it

from both rational constructions and mystical experience, which was further developed in the philosophy of N. Lossky, however, unlike the intuitive philosophers, V. Solovyov was more cautious about the degree of entry into our consciousness of the cognized object in intellectual intuition, favouring more the theory of reflection, which is clearly at odds with the phenomenological method. Speaking about the possibilities of cognizing beings through phenomena, the philosopher argued, “It is quite obvious that our knowledge cannot contain this being in its very true being or materially, just as the image in the mirror does not contain the materially depicted object, for then they would be identical and there would be no image” [18, c. 211]. At the same time, V. Solovyov was convinced that the all-unity as the beginning of existence could not be unconditionally external for the cognizing subject, but should be in internal connection with them, which can be cognizable “by virtue of the same connection, the subject can be internally connected with everything that exists, as being contained in the all-unity, and really cognize it all” [17, c. 685]. It was the last judgment of V. Solovyov that became organic for the intuitionism of N. Lossky and S. Frank and revealed the mechanism of this internal connection.

The concept of “intuition”, semantically ascending to the Latin *intueri* (to look intently), is understood by N. Lossky as existing independently of the act of cognition, which is equally relevant to sensory, intellectual and mystical intuition. This means that philosophical intuitionism eliminates intermediaries in the process of cognition (copies, symbols, etc.), based on the principle of universal im-

manence, where “everything is immanent to everything” [14, c. 137].

Here one could reproach N. Lossky for excessive immanentism, caused by the need to substantiate all-unity, but the philosopher claims that intuition is the sum of usual methods of cognition applied by the cognizing subject (consciousness) of trans-subjective being. Therefore, according to N. Lossky, intuitionism argues unconditional recognition of the transcendental reality, the divine principle in being. A similar position is characteristic of the N. Lossky's like-minded thinker S. Frank: for the cognized (experienced) to become some objective content opposing the stream of consciousness, it is necessary to refer it to something outside the stream of experiences itself, i.e. to the area of transcendental being or “timeless unity” (analogous to Lossky's “trans-subjective being”).

The concept of intentionality, traditional for phenomenology, which is interpreted as the main condition of intuition, and as an objectifying function of consciousness, and as a cognitive methodology, helps philosophers-intuitionists remain within the framework of transcendentalism. Intentionality can be understood as a state of orientation of consciousness, its ability to differentiate into a subject and an object, into “I” and “opposed to me”. It is the entry into the being of the cognized through acts of attention, contemplation, striving, desire, etc., which is interpreted by S. Frank as penetration into the “unknown beyond”, leading, in turn, to direct awareness of the unity of the transcendent and immanent, the all-unity. “Whatever our consciousness is directed at”, writes S. Frank, “it is always directed not at immanent experience as such, but at it as a side or part of absolute being (total unity)” [19, c. 23]. Intuition The philosopher transfers all-unity to the plane of the relationship between the part and the whole, where the part is a particular, peculiar content of knowledge, and the whole is the integrity of everything else: “If each particular content were something closed in itself and therefore open and known for us, outside the relationship to something else, then we could only have or not have it, but knowledge ... would

be impossible because it would involve a contradiction” [19, c. 238]. Therefore, the general idea of being must have a consistent and comprehensive character, represent basis for integral knowledge and be solved within the framework of a single system of ideas about the world. As for the factors of being transcended from it (as, for example, the divine principle), they cannot be thought without immanence in their consciousness, without them being present in thinking. Intuitive cognition, therefore, is based on the recognition that the very intelligibility of transcendence testifies to its involvement in world being, and super rationality, trans-subjectivity, meta-logicality of transcendental principles speak not only of the single being of the phenomenal world, but of the all-unity of being, containing various levels reality [5].

The obvious ontologism of the epistemological constructions of intuitionism solves the problem of the optimal combination of transcendentalism and immanentism. The analysis of the relationship between two aspects of consciousness – the subject and the object of cognition – carried out in phenomenology with the help of a special method – phenomenological reduction, seeks to reveal that area of being (“pure consciousness”) that remains unaffected by reflections carried out within the framework of our natural attitudes. Consciousness is viewed as a unique area of being, which can be revealed using the phenomenological method without any serious distortions. This “knowledge-being” is correlated with the tradition of ontological epistemology in Russian philosophy, within which the existential foundations of consciousness are revealed [8; 9].

For such identification, N. Lossky introduces the concept of supratemporal and supraspatial “epistemological coordination”, which he interprets as a connection of substantial figures with each other, thanks to which everything that one figure experiences exists not only for him, but also for all other figures. This makes possible consubstantial substantial figures: “As a result of consubstantiality and epistemological coordination, every element of the external world exists not only

in itself and for itself, but also for another ... which is an individual. This primary transcending of the individual beyond himself, connecting him with the whole world, is not consciousness, but something more primary and more deeply ontological than consciousness; it is the primary existence of all the elements of the world for me; it is a condition for the development of consciousness and can be called preconsciousness" [13; c. 534]. Thus, preconsciousness is the existential foundation of consciousness, which brings N. Lossky's intuitionism closer to S. Franck who explains the possibility for the subject to directly contemplate not only the content of their own consciousness, but also the transcendental being by the priority of all-embracing being over consciousness. All-encompassing being, according to Frank, rises above the opposition of the subject and the object and embraces it in itself; it is Absolute Being or All-Unity.

Epistemological coordination as a principle of the connection of the subject (substantial figure) with the objects of the external world is at the same time the moment of difference between intuitive cognition and phenomenological one, which focuses its attention on the relations of subordination in cognition, the dependence of one being on another, as in the case of cause-and-effect relationships. By the concept of "coordination" N. Lossky emphasizes the equality of the subject and the object of cognition, which exists before the epistemological experience, but manifests itself in it and explains the very possibility of this experience. Therefore, the philosopher designates this coordination as epistemological, "since it is a condition for the possibility of truth about an object" [14, c. 147]. This judgment makes it necessary to analyze the problem of the truth of intuitive cognition in Russian philosophy, but firstly it is necessary to consider its main types (sensory, intellectual, mystical intuition) according to the degree of their correlation with the phenomenological method, as well as their characteristic features.

Sensual intuition in the interpretation of N. Lossky is based on empirical perception, which is a part of the mental and physiological life of the subject. As the lowest level of cogni-

tion, sensory intuition gives the most "polluted" knowledge, immersed in the world of "second nature", which contributes to the atrophy of the ability to see the living dynamic essence of being. Nevertheless, this type of cognition acquires importance and necessity, since it is through it that the subject receives most of the knowledge about the world around him. Sensual intuition is the grasping of the essence of a thing through an intentional selection of perception, when consciousness chooses from a multitude of empirical facts what its attention is directed to. Lossky calls this act "sampling of individual components" of sensory perception, as a result of which the essential basis of a thing in its phenomenal manifestation is represented in consciousness.

Sensual intuition like other levels of intuition, is based on the principle of epistemological coordination and intuition of total-unity, as a result of which it is possible to trust external (trans-subjective) being. Otherwise, consciousness is threatened by the trap of subjectivity and solipsism, in order to avoid which, it was necessary for intuitive philosophers to accept a number of fundamental assumptions, assumptions that determine a specific method of cognition. Such assumptions are the principle of epistemological coordination, the principle of transcendence, which is also present in the relations of substantial figures, the principle of intentionality of consciousness, thanks to which the process of sampling of perception is possible. All these assumptions turn out to be necessary for intuitionism, since, without accepting something as a basis, it is impossible to carry out any reasoning [10].

In contrast to sensory intuition as a stage of empirical knowledge, intellectual intuition in the interpretation of N. Lossky is speculation, thinking, the ability to perceive the ideal unity of the world and its individual aspects. Intellectual intuition, as a merit of reason, turns out to be closely related to sensory intuition, since perception as the initial moment of judgment is always permeated with a large number of ideal aspects of a synthetic nature. The substantial basis of a thing, the belonging of qualities to it, their unity cannot be the sub-

ject of sensory perception. The sense organs record only certain empirical facts, but their synthesis, the idea of *eidos*, which underlies the unity of objects, is the comprehension of the ideal aspect of being, accessible only to intellectual intuition, thinking, speculation, understanding [14, c. 199]. Intellectual intuition encompasses all relations belonging to the field of the ideal: unity, plurality, similarity, difference, equality, causality, interaction, etc. These relations are positioned by N. Lossky as trans-subjective, not a subjective product of consciousness, therefore, thinking does not create these relations, but finds them in the object, reveals them through intellectual contemplation. These relations form the structure of the cognized object, its systemic nature, without which the very knowledge about it is impossible.

Epistemological coordination as a principle of the connection of the subject (substantial figure) with the objects of the external world is at the same time the moment of difference between intuitive cognition and phenomenological one, which focuses its attention on the relations of subordination in cognition, the dependence of one being on another, as in the case of cause-and-effect relationships. By the concept of “coordination” N. Lossky emphasizes the equality of the subject and the object of cognition, which exists before the epistemological experience, but manifests itself in it and explains the very possibility of this experience. Therefore, the philosopher designates this coordination as epistemological since it is a condition for the possibility of truth about an object. This judgment makes it necessary to analyze the problem of the truth of intuitive cognition in Russian philosophy, but first it is necessary to consider its main types (sensory, intellectual, mystical intuition) according to the degree of their correlation with the phenomenological method, as well as their characteristic features [15, c. 16].

Existentialism and mysticism

However, if the phenomenological method is aimed at cognizing an object, often, however, combining knowledge “object” with

knowledge without an object and aiming at cognition not only of objective being, but also of the being of the human personality itself (as was the case in Russian intuitionism), then the existential method, although it grows out of the depths of phenomenology, it changes its attitude to the «world of objects», turning life to itself, making personal reflection on the meaning of personal existence the subject of philosophical knowledge. In Russian philosophy the existential method found its most striking manifestation in N. Berdyaev, who completely broke with the idea of the object, shifting the center of gravity into the sphere of non-objectified cognition – a person’s direct cognition of his essence, his initial, pre-existent freedom.

“Objective knowledge”, writes N. Berdyaev, “is itself defective and sinful and is the source of the world’s fallen... The objectified world is a godless and inhuman world. The objectification of God is His transformation into a godless and inhuman thing” [7, c. 83]. According to the philosopher, objectified knowledge is the lowest stage, since it cognizes only the general and does not give the cognition of “being in itself”. “Nonobjective” knowledge, on the contrary, is pure freedom, active comprehension, the creative reaction of enlightened freedom to being, a change in being.

Free use of the concepts “objectivity” and “objectivity”, which often leads to their confusion, introduces, according to the researchers of philosophy N. Berdyaev, some confusion in the question of the truth of knowledge obtained by the existential method. Meanwhile “objectivity” as a form of knowledge, expressed in the category of an object, does not correlate in any way with “objectivity” (truth) as the correct expression of the cognized. “It is necessary to start with a decisive break between true and objectivity”, writes N. Berdyaev, however, it should be noted that knowledge can be correctly expressed, and therefore true and, therefore, objective, however, without spilling into the shape of an object. And, conversely, knowledge can be “objective”, but incorrectly expressed and untrue. This is an essential

difference, which overlooks both N. Berdyaev and all related philosophical trends. Indeed, when N. Berdyaev speaks of existence as a direct expression of initial freedom, he is quite convinced that that in his statements this freedom is adequately expressed and in this sense is objective, i.e. true. For him, the manifestation of freedom seems to be true, objective, since it reveals true being as an objective truth. At the same time, according to N. Berdyaev, the identification of freedom does not take place in an objective form, i.e. from the outside, like the study of objects of material nature, but in order to observe the objective fact of freedom, one must live and think without resorting to objectification.

At the same time, the complete destruction of the “objectivity” of knowledge, according to critics of philosophy N. Berdyaev, can lead to the loss of the subject of philosophical knowledge as such. And, nevertheless, the philosophical tradition of defining cognizable being as an object or object of cognition is alien to N. Berdyaev, since in this case it is necessary to recognize the existence of a self-sufficient being, independent of the «I». The existential method presupposes the very possibility of cognition insofar as the cognized is immanent to the cognizing “I”, and is not rejected from it as some kind of remote objectivity: “The spirit in me”, says N. A. Berdyaev, “is an integral being of another being, resting in itself and apart from me, no. To assume it is arbitrary and illusion” [6, c. 34].

The existential method meets the high requirements that N. Berdyaev makes to

each act of cognition, namely, the search for ways of interaction between two natures - human and divine, as well as the solution of the problem of God-manhood. These requirements are presented by N. Berdyaev to philosophy as an expression of religious experience, and this makes him look for the possibility of synthesizing existential and experiential-mystical knowledge. Religious faith becomes the source of his existential philosophy, calling into question the truth of not only rational knowledge, but knowledge in general. According to L. Shestov [11; 12], existential knowledge is knowledge “from the depths”, it “waits for an answer not from our understanding, not from vision - but from God” [20, c. 423].

Conclusion

Thus, both phenomenological and existential methods, solving in detail in different ways the issues of the subject and object of cognition, the subject of philosophical knowledge, as well as the question of its truth, in general, solve the same problem - cognition of “true being”, divine principle, beyond the world, and through it revealing the meaning of personal existence. Synthesizing these methods with experimental and mystical knowledge, domestic thinkers moved along the path of creating “integral knowledge” on the methodological basis of Christianity [21].

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 436 с.
2. Алёхина Е. В. Концепция смысла жизни в русской религиозной философии конца XIX - первой половины XX века М.: ИИУ МГОУ, 2011. 280 с.
3. Алёхина Е. В. Человек-в-мире: русские религиозные философы о смысле мирового бытия // Философия и культура. 2011. № 2 (38). С. 3–41.
4. Алёхина Е. В. Космологический аспект смысла жизни в русской религиозной философии (конец XIX – первая половина XX века) // ВВ: Философские исследования. 2013. № 6. С. 545–589.
5. Архангельская Н. О. Эволюция взглядов А. Д. Кантемира и «Письма о природе и человеке» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 124–137.
6. Бердяев Н. А. О назначении человека. Париж, YMCA PRESS, 1931. 150 с.
7. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Париж, YMCA PRESS 1947, 191 с.
8. Буренков С. В. Феномен неотчуждённого труда: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 22 с.

9. Буренков С. В. Поиск области позитивной эвристики феномена идеологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 3. С. 28–34.
10. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
11. Курабцев В. Л. Альтернатива Льва Шестова // Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 175–181.
12. Курабцев В. Л. «Мудрейшие из людей» (Лев Шестов и античная философия) // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 184–195.
13. Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. 340 с.
14. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
15. Мирошкин М. С. Идея бессмертия в философии хозяйства С. Н. Булгакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 2. С. 153–158.
16. Мирошкин М. С. Философия хозяйства: «духовное» vs «животное» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 161–170.
17. Соловьёв В. С. Критика отвлечённых начал // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 581–756.
18. Соловьёв В. С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 757–831.
19. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 656 с.
20. Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Русский путь. Т. 1. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 156–165.
21. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students / E. V. Alekhina, A. L. Zolkin, R. N. Parkhomenko, A. I. Pirogov, A. L. Safonov, V. S. Zapalatskaya, O. G. Krasnoshlikova // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. № 1. С. 175–181.

REFERENCES

1. Alekhina E. V. *Aktual'nye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya* [Actual problems of philosophy: the nature of man and the meaning of his existence. Man in the system of philosophical knowledge]. MRSU Ed. off. Publ., 2018. 436 p.
2. Alekhina E. V. *Kontseptsiya smysla zhizni v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX - pervoi poloviny XX veka* [The concept of the meaning of life in Russian religious philosophy of the late XIX – first half of the XX century]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 280 p.
3. Alekhina E. V. [Man-in-the-world: Russian religious philosophers on the meaning of world existence]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2011, no. 2 (38), pp. 3–41.
4. Alekhina E. V. [The cosmological aspect of the meaning of life in Russian religious philosophy (late XIX – first half of the XX century)]. In: *NB: Filosofskie issledovaniya* [NB: Philosophical Studies], 2013, no. 6, pp. 545–589.
5. Arkhangel'skaya N. O. [A. D. Kantemir's evolution of views and "Letters about nature and man"]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2 (52), pp. 124–137.
6. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka* [The destiny of the man]. Paris, YMCA PRESS Publ., 1931. 150 p.
7. Berdyaev N. A. *YA i mir ob"ektov* [Me and the world of objects]. Paris, YMCA PRESS Publ., 1947. 191 p.
8. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdeennogo truda: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of non-alienated labor: abstract of PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2017. 22 p.
9. Burenkov S. V. [Search for the area of positive heuristics of the phenomenon of ideology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2012, no. 3, pp. 28.
10. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of the 1920s – 1930s: Biography of an Idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
11. Kurabtsev V. L. [Alternative Lev Shestov]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1991, no. 2, pp. 175–181.
12. Kurabtsev V. L. ["The wisest of people" (Lev Shestov and ancient philosophy)]. In: *Voprosy filosofii*

- [Philosophy questions], 2002, no. 11, pp. 184–195.
13. Losskiy N. O. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 340 p.
 14. Losskiy N. O. *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, intellectual and mystical intuition]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p.
 15. Miroshkin M. S. [The idea of immortality in the philosophy of management S. N. Bulgakov]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 153–158.
 16. Miroshkin M. S. [Economy philosophy: “spiritual” vs “animal”]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2 (52), pp. 161–170.
 17. Solov'eev V. S. [Critics of Abstract Beginnings]. In: Solov'eev V. S. *Sochineniya* [Criticism of abstract principles. Works. Vol. 1]. Moscow, 1990, pp. 581–831.
 18. Solov'eev V. S. [Philosophical principles of integral knowledge]. In: Solov'eev V. S. *Sochineniya* [Criticism of abstract principles. Works. Vol. 2]. Moscow, 1990, pp. 757–831.
 19. Frank S. L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The subject of knowledge. The soul of the man]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 656 p.
 20. Shestov L. [Nikolay Berdyaev. Gnosis and Existential Philosophy]. In: *Antologiya. Kn. 1* [Russian way. Anthology. B. 1]. St Petersburg, 1994, pp. 156–165.
 21. Alekhina E. V., Zolkin A. L., Parkhomenko R. N. et al. [Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students]. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 175–181.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Michio Mikoshiba – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Emeritus of Chiba University, Japan

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Митио Микосиба – доктор философских наук, почетный профессор Университета Чибя, Япония;

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Michio Mikoshiba, Ya. V. Bondareva. Metodological Features of Russian Religious Philosophy. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 2020, no. 4, pp. 64–71.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Методологические особенности русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 64–71.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1.14

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-72-77

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ В ТРУДАХ В. Г. ГОРОХОВА

Азимли А. Ш.

Самарский университет имени С. П. Королева

443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотреть этическую концепцию В. Г. Горохова, одного из самых видных представителей философии техники в конце XX – начале XXI вв.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались методы анализа, синтеза, реконструкции и сравнительно-исторический метод, которые позволили проследить эволюцию этической проблематики посредством изучения оригинальных текстов философа.

Результаты. На основе проведённого исследования сделан вывод, что в современности особую актуальность приобретает новое направление в технократии – социальная оценка техники как трансдисциплинарный предмет, подразумевающий объединение интеллектуальных ресурсов представителей естественного, технического и гуманитарного знания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование помогает понять специфику современного этапа развития философии техники, её проблематики, рекомендаций и выводов.

Ключевые слова: философия техники, социальная оценки техники, инженерная этика, трансдисциплинарный характер

ETHICAL PROBLEMS OF MODERN PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY IN THE WORKS OF V. G. GOROKHOV

A. Sh. Azimli

Samara University Samara University named after S. P. Korolev

34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russian Federation

Abstract.

Aim. Consider the ethical concept of V. G. Gorokhov, one of the most prominent representatives of the philosophy of technology at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries.

Methodology. The method of analysis, synthesis, reconstruction and a comparatively-historical method were used in the research. The help of the methods made it possible to identify the evolution of ethical problems in the Gorokhov's studies. The original texts were used to conduct the research.

Results. The study shows that the new technocracy direction as a social assessment of technology plays the important role. It is a transdisciplinary subject that involves the natural, technical and humanitarian knowledge combination.

Research implications. The study helps to understand the modern stage specific development of the philosophy of technology, its problems, recommendations and findings.

© CC BY Азимли А. Ш., 2020.

Keywords: philosophy of technology, social assessment of technology, engineering ethics, transdisciplinary nature

Введение

В. Г. Горохов является одним из пионеров современной философии техники не только в рамках отечественной школы, но и, пожалуй, всей европейской мысли. Начав свою научную деятельность еще в 1970-х гг., он внес огромный вклад в изучение таких проблем как история науки, структура и генезис технических наук, социальная оценка техники, развитие технонауки, перспективы эволюции цивилизации. Одним из направлений исследований В. Г. Горохова была этическая проблематика развития техники в XXI в.

Понимание философии техники

В. Г. Гороховым.

Проблемы соотношения науки и техники, выделяемые им

В. Г. Горохов считал, что современное развитие новых технологий достигло такого уровня, что, по сути, они сами стали философией. Это породило потребность в философском осмыслении технологических процессов в обществе. Основную проблему В. Г. Горохов видел в необходимости найти места соприкосновения мира техники и мира философии. В современном мире, считал он, в процессе создания и освоения новой техники участвует всё человечество, от изобретателей и инженеров до простых пользователей. Такое тотальное проникновение техники в ежедневную реальность человека сместило центр внимания от особенностей техники и технического развития к процессам её взаимодействия с обществом.

Современный этап развития характеризуется тем, что новые направления возникают на пересечении различных областей техники и научных школ [12, с. 198]. По мнению В. Г. Горохова, философия техники определенным образом синтезировала наиболее общие закономерности технологии, инженерной деятельности, то есть

техническую составляющую с гуманитарной, а именно – соотношение человеческого и технического, глобальные проблемы современности. Важнейшей задачей философии техники является исследование технического миропонимания [19, с. 77].

Развитие конвергентных технологий в начале XXI в. затронуло основы социальной жизни, стимулировав философский поиск внутри самого технического общества. Однако этот процесс носит не столько междисциплинарный, сколько трансдисциплинарный характер, поскольку технические специалисты не обладают знанием философской традиции, а философы, в свою очередь, зачастую не понимают механизмы развития новых технологий. Эти процессы поставили философию науки и техники в авангард развития социально-философской мысли [20].

В. Г. Горохов обозначает новую проблему, заключающуюся в установлении общего смыслового пространства для многих групп экспертов и специалистов, включенных в процесс технического развития. Установление такого пространства предполагает выход на более высокий, философский уровень и является не только междисциплинарной, но и трансдисциплинарной проблемой. [11, с. 12].

В. Г. Горохов отмечал, что современный тренд развития философии техники сместился к исследованию проблемы взаимодействия техники с обществом, в сторону социально-философских, политологических и этических проблем современных технологий. На этой основе в начале XXI в. возникла так называемая технонаука как новая форма организации науки, интегрирующая различные аспекты как естествознания и техники, так и гуманитарного познания [11, с. 9]. В ее рамках на первый план выходят вопросы влияния техники на природу и человека. Технонаука представляет собой синтез объяснительных моделей природных явлений на осно-

ве математических и экспериментальных данных и конструирования инновационных технических систем. Развитие техники актуализирует новые связи между философией и техникой и субъектами, ее представляющими. Помимо этого, технo-наука ориентируется на потребности всего общества и поэтому взаимодействует с различными политическими и экономическими силами, а значит, и с общественным мнением в широком понимании этого слова [16, с. 32]. Возникновение технoнауки означает переход к постнеклассическому этапу научного развития, что, в свою очередь, подразумевает учет и конвергенцию социальных и этических факторов.

По мнению В. Г. Горохова, на базе исследования проблем развития общества и роли в нем науки и техники в XXI в. проводятся интенсивные исследования перехода к так называемому обществу знаний. Новые информационные технологии принесли серьезные изменения как в современную культуру, так и в саму научно-техническую сферу. Использование новых знаний становится решающим конкурентным преимуществом и общественное развитие все более детерминировано производством новых знаний. Социальное значение науки и техники в силу этого возрастает [9, с. 155].

Ускорение времени приводит к ускоренному внедрению новых технологий, иногда без должной оценки социальных рисков. Соответственно повысилась роль исследований такого рода рисков, которые изначально должны строиться на междисциплинарной основе. Проблему технических рисков он связывал с несколькими вероятными причинами: легкомыслие, злой умысел, освоение недостаточно изученных технологий или рутинная деятельность по обслуживанию существующих технических систем. Точку отсчета для техногенных рисков современной цивилизации В. Г. Горохов видел в Чернобыльской катастрофе. Именно в ней проявилась невозможность просчитать последствия строго научными, количественными методами [14, с. 18].

По мнению В. Г. Горохова, оценка техники должна включать в себя самые различные компоненты: технические, естественнонаучные, экономические аспекты, а также социальные, политические, этические и социально-экологические. «В современной проблематике социальной оценки техники следует различать три различных уровня: 1) собственно социально-экологическую, социально-экономическую и т.п. оценку возможных последствий новой техники и технологии, направленную на политическое консультирование при принятии решений о государственной поддержке тех или иных проектов; 2) государственную экспертизу и ОВОС – оценку воздействия на окружающую среду на региональном уровне; 3) экологический менеджмент и экологический аудит на уровне конкретного предприятия» [15, с. 242].

Новые условия выдвигают новые требования к ученым, которые должны «осуществлять постоянную рефлексию своей собственной научно-технической деятельности, соотнося свои действия с исследуемой им природой не как с безжизненным объектом манипулирования, а как с живым организмом» [19, с. 154]. Объектом в данном случае является природа, которая неотделима от общественного организма, и соответственно, включает в себя обладающие правом на самостоятельное мнение и действия субъекты, интересы которых могут затрагивать конкретные научные проекты. Производство новых знаний является неотделимым от его применения и использования, «а они вместе от этики ученого и инженера, которая в свою очередь неразрывно связана с социальной оценкой техники как прикладной сферой философии техники» [17, с. 17].

Усложнение технической деятельности повышает сферу ответственности инженера и проектировщика, поскольку изобретенная и внедренная техника может нести самый различный вред не только отдельному человеку, но и человечеству в целом. В этом случае задача определения уровня ответственности выходит на первый план. В. Г. Горохов выдвигает условия реализа-

ции профессиональной этики. К ним он относит сложившееся научное и инженерное сообщество с высоким этическим потенциалом, развитие инженерного сознания с помощью системы образования, а также влияние социальных институтов, обеспечивающих моральную ориентацию ученых и инженеров [13, с. 37].

В. Г. Горохов отмечал, что целью инженерной деятельности является служение людям. Инженеры обязаны руководствоваться не только мнением ученых и специалистов, но и собственной совестью. Отсутствие этого императива в поведении может повлечь «враждебность» техники. Поэтому социальная ответственность инженера перед обществом является не только теоретическим вопросом в рамках философии техники, но и конкретной социальной задачей.

Заключение

Таким образом, рассматривая уровень технического развития общества, В. Г. Горохов отмечал, что прогресс в этой отрасли знания шагнул далеко за пределы группы узких специалистов, став достоянием всего человечества. Однако такая ситуация породила и новые проблемы, связанные с возрастающими рисками для самого общества. «Основной отличительный признак современных техноло-

гических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом» [10, с. 82].

Главной задачей философии становится актуализация общественной экспертизы возможных технологических рисков, хотя он отмечал, что такая дискуссия может отставать от внедрения технологий на пять лет. В таких условиях личная и коллективная ответственность ученых, изобретателей и инженеров за техническое новшество, произведенный продукт, условия его внедрения, возможные социальные последствия существенно возрастает. Усиление социальной ответственности он связывал с новым трансдисциплинарным направлением – социальной оценкой техники и актуализацией деятельности общественных институтов.

В определенных моментах работы В. Г. Горохова опередили свое время и заложили основы этического направления исследований современной философии техники, актуальность которого в XXI в. с каждым годом становится всё более очевидной.

Статья поступила в редакцию 05.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л., Соколова Ю. В. Инженерная деятельность в социально-историческом контексте (о книге В. Г. Горохова «Эволюция инженерии: от простоты к сложности») // Вестник Московского энергетического института. 2018. № 3. С. 146–149.
2. Аршинов В. И., Горохов В. Г., Чеклецов В. В. Наноэтика – конвергенция этических проблем современных технологий или пролегомены к постчеловеческому будущему? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 96–111.
3. Багдасарьян Н. Г. Инженер в современном мире // Философия и социология техники в XXI веке. К 70-летию В. Г. Горохова / под общ. ред. И. Ю. Алексеевой, А. А. Костиковой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. С. 78–84.
4. Блауберг И. И. Уроки микроистории. О Виталии Горохове и его книге // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 174–177.
5. Борисов В. П. Памяти Виталия Георгиевича Горохова (24.V.1947 – 10.IX.2016) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 1. С. 210–212.
6. Горохов В. Г. Галилео Галилей как философ техники. (социокультурный подвиг, который изменил мир) // Философский журнал. 2012. № 1. С. 59–76.
7. Виталий Георгиевич Горохов // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 252–253.
8. Горохов В. Г. Проблемы междисциплинарной оценки научно-технического развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. Т. II. № 2–3. С. 191–214.
9. Горохов В. Г. VII международная конференция «Глобальные проблемы устойчивого развития

- и современная цивилизация» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2007. № 6. С. 15–33.
10. Горохов В. Г. Жизнь в условиях технологических рисков // Философские науки. 2012. № 2. С. 82–86.
11. Горохов В. Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
12. Горохов В. Г. Место и роль философии техники и современной философии и ее органическая связь с философией науки // Философия науки. 2011. Т. 16. № 1. С. 181–199.
13. Горохов В. Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 33–49.
14. Горохов В. Г. От Чернобыля до Фукусимы: технологические риски как социальная и этическая проблема // Философские науки. 2011. № 8. С. 16–27.
15. Горохов В. Г. Оценка техники как прикладная философия техники и новая научно-техническая дисциплина // Гений В. Г. Шухова и современная эпоха: материалы Международного конгресса / под ред. Н. Г. Багдасарьян, Е. А. Гаврилиной. 2015. С. 241–249.
16. Горохов В. Г. **Технонаука – новый этап в развитии современной науки и техники** // Высшее образование в России. 2014. № 11. С. 37–47.
17. Горохов В. Г. Этика в технике // Научно-техническое развитие и прикладная этика / отв. ред.: В. Г. Горохов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2014. С. 11–22.
18. Горохов В. Г., Грунвальд А. **Каждая инновация имеет социальный характер (социальная оценка техники как прикладная философия техники)** // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135–145.
19. Горохов В. Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности. М.: ИФ РАН, 2015. 199 с.
20. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students / E. V. Alekhina, A. L. Safonov, V. S. Zapalatskaya et al. 2020 // Journal of Environmental Treatment Techniques. Vol. 8. Iss. 1. P. 175–181.

REFERENCES

1. Andreev A. L., Sokolova Ju. V. [Engineering activity in social-historical context (on the V. G. Gorokhov's work "Evolution of engineering: from simplicity to complexity")]. In: *Vestnik Moskovskogo jenergeticheskogo instituta* [Bulletin of the Moscow Power Engineering Institute], 2018, no. 3, pp. 146–149.
2. Arshinov V. I., Gorohov V. G., Cheklevov V. V. [Is nanoethics – the convergence of ethical problems of modern technologies or prolegomena to the post-human future?] In: *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2009, vol. 20, no 2, pp. 96–111.
3. Bagdasar'jan N. G. [Engineer in the modern world]. In: Alekseev I. Yu., Kostikova A. A., Yakovleva A. F., eds. *Filosofija i socio-logija tehniki v XXI veke. K 70-letiju V. G. Gorohova* [Philosophy and sociology of technology in the XXI century. For the 70th anniversary of V. G. Gorokhov]. Moscow, Akvilon Publ., 2018, pp. 78–84.
4. Blauberg I. I. [Microhistory lessons. About Vitaly Gorokhov and his book]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2018, no. 4, pp. 174–177.
5. Borisov V. P. [In memory of Vitaly Georgievich Gorokhov (24.V.1947– 10.IX.2016)]. In: *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki* [Questions of the history of natural science and technology], 2017, vol. 38, no. 1, pp. 210–212.
6. Gorohov V. G. [Galileo Galilei as a philosopher of technology (sociocultural feat that changed the world)]. In: *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. Moscow, 2012. no 1 (8), pp. 59–76.
7. Vitalij Georgievich Gorohov [Vitali Georgievich Gorokhov] In: *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2016, vol. 50, no 4, pp. 252–253.
8. Gorohov V. G. Problemy mezhdisciplinarnoj ocenki nauchno-tehnicheskogo razvitija [Problems of interdisciplinary assessment of scientific-technological development] In: *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [State and municipal management issues] 2007. vol. II. no 2–3. pp. 191–214.
9. Gorohov V. G. [VII international conference "Global problems of stable development and modern civilization"]. In: *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research], 2007, no 6 (56), pp. 15–33.
10. Gorohov V. G. [Life in the technological risks conditions]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2012, no 2, pp. 82–86.
11. Gorohov V. G. [Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: challenge to philosophy (material of the "round table")]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2012, no 12. pp. 3–23.

12. Gorohov V. G. [Place and role of the philosophy of technology in modern philosophy and its organic connection with the philosophy of science]. In: *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], 2011, vol. 16, no 1, pp. 181–199.
13. Gorohov V. G. [Nanoethics: the importance of scientific, technological and economic ethics in modern society]. In: *Voprosy filosofi* [Philosophy questions], 2008, no 10, pp. 33–49.
14. Gorohov V. G. [From Chernobyl to Fukushima: technological risks as a social and technological problem]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophy of Science], 2011, no. 8, pp. 16–27.
15. Gorohov V. G. Ocenka tehniki kak prikladnaja filosofija tehniki i novaja nauchno-tehnicheskaja disciplina [Assessment of technology as an applied philosophy of technology and new scientific-technological discipline]. In: Bagdasar'jan N. G., Gavrilina E. A., eds. *Genij V. G. Shuhova i sovremennaja jepoha Materialy Mezhdunarodnogo kongressa* [V. Shukhov's genius and the modern era: materials of the International Congress, 2015. pp. 241–249.
16. Gorohov V. G. [Technoscience – new stage in modern science and technology development]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2014, no 11, pp. 37–47.
17. Gorohov V. G. [Ethics in technology]. In: *Nauchno-tehnicheskoe razvitie i prikladnaja jetika* [Scientific and technical development and applied ethics]. Moscow, IF RAN Publ., 2014, pp. 11–22.
18. Gorohov V. G., Grunval'd A. [Every innovation has social character (social assessment of technology as an applied philosophy of technology)]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2011, no 5, pp. 135–145.
19. Gorohov V. G. *Jevoljucija inzhenerii: ot prostoty k slozhnosti* [The evolution of engineering: from simplicity to complexity]. Moscow, IFRAN, 2015. 199 p.
20. Alekhina E. V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 175–181.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азимли Азиз Шахин Оглы – аспирант кафедры философии Самарского университета имени С. П. Королева;
e-mail: azimliaziz@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aziz Sh. O. Azimli – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Samara University;
e-mail: azimliaziz@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Азимли А. Ш. Этическая проблематика современной философии техники в трудах В. Г. Горехова // Вестник Московского городского областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 72–77.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-72-77

FOR CITATION

Azimli Aziz Shahin Oglu. Ethical Problems of Modern Philosophy of Technology in the Works of V. G. Gorokhov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 72–77.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-72-77

УДК 165.64

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-78-86

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ МЕХАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ XVII-XIX ВВ.

Красиков В. И.*Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России)**117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать специфику использования методологических регулятивов механистического мировоззрения в общественных науках Нового времени.

Процедура и методы. В начале рассмотрены особенности формирования механистической парадигмы, затем определены основные смысловые линии редукции в механизме. Наконец, раскрыта представленность редукции в ключевых концептах общественных наук того времени. В процессе исследования использовались разнообразные теоретические методы: абстрагирование, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты. На основе проведённого исследования: выявлены внутренние имманентные противоречия механистического мировоззрения и основные варианты их разрешения; реконструированы основные виды редукции; обосновано представление о радикальном дуализме как имманентном ингредиенте механистического мировоззрения; показано, что некритический перенос механистической методологии в социальные дисциплины привёл также к переносу в них и редукционистской онтологии, формированию, в итоге, своего рода теоретических «химер».

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование помогает детализовать теоретическую картину особенностей общенаучной методологии того времени и расставить необходимые акценты.

Ключевые слова: онтологические схемы, механицизм, редукция, витализм, эволюционизм, дуализм, общественные науки XVII–XIX вв.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00075.

METHODOLOGICAL REGULATIONS OF THE MECHANICAL WORLDVIEW IN SOCIAL SCIENCES OF THE XVII-XIX CENTURIES

V. Krasikov*All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)**2., bldg. 1, Azov ul., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyze the specifics of using the methodological regulatives of the mechanistic world outlook in the social sciences of the New time.

Methodology. At the beginning, the author considers the peculiarities of the formation of the mechanistic paradigm, then determines the main semantic lines of reduction in mechanism. In the end, the presence of mechanism in the key concepts of the social sciences of the time is revealed. In the process of research, a variety of theoretical methods were used: abstraction, induction and deduction, analysis, and synthesis.

Results. The internal immanent contradictions in the mechanistic worldview and main types of their solution are revealed; the idea of radical dualism as an immanent ingredient of the mechanistic worldview is substantiated. The uncritical transfer of the mechanistic methodology into social sciences has resulted in the transfer of the reductionist ontology into them and, thus, to the formation of theoretical «chimeras».

Research implications. The study helps to detail the theoretical picture of the features of the general scientific methodology of that time and to set the necessary accents.

Keywords: ontological schemes, reductionism, reduction, vitalism, evolutionism, dualism, social sciences of the XVII–XIX centuries

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the RFBR grant in the framework of the scientific project No. 18-011-00075.

Введение

Сам термин «механистическая философия» был введен Робертом Бойлем в середине XVII в. для обозначения всех корпускулярно-механических объяснений, независимо от их метафизических предпосылок и следствий [7]. Эти же объяснения стали надолго синонимом научности и объективности, а механицизм превратился в мировоззрение *par excellence* эпохи Нового и новейшего времени [22]. Соответственно, они не могли не влиять и на формировавшиеся в то время философские, исторические и социологические теории. Каково же было это влияние?

Забегая вперед, можно сказать, что в основном неблагоприятное: специфические онтологические объяснения и сюжеты, как «трояны», заключенные в мировоззрении *par excellence*, начинали действовать и разворачиваться в новой среде, на новом материале. Потенциальный вред методологических заимствований тогда еще не осознавался. Действительно, «перевести теорию или представление о мире на язык какого-то научного сообщества – это не значит еще сделать ее принадлежностью данного сообщества, поскольку *ее надлежит перенять, раскрыть, как она мыслится и работает* (курсив – В. К.), а не просто «переложить» с одного языка на другой, с языка, который был раньше чужим» [13]. В нашем случае в основном ограничились именно переложением, перенятием и раскрытием были относительной редкостью.

Основоустройство «механической философии»

Создателями и кумирами новой механической философии были И. Ньютон и Р. Декарт. Известно, что долгое время их концепции были основными конкурирующими вариантами на роль «парадигмы механицизма» и в итоге победило, в формальном отношении (признания прежде всего среди естествоиспытателей), ньютонианство [12]. Однако, на гуманитариев более повлиял Декарт. Между этими двумя вариантами все же существовало настолько серьезное сходство в фундаментальном отношении, что, как это зачастую бывало в истории мысли, они заостряли более свои частные различия, ожесточенно по ним споря (к примеру, «плерома», «вихри» Декарта или же «сила тяготения» Ньютона) [25]. Затем же, по прошествии времени, они стали скорее дополнять друг друга. Причем, можно сказать, что между ними установились отношения взаимодополнения и своеобразное «разделение труда»: ньютонианство «отвечало» более за прописывание обстоятельств природы естественной, картезианство – более обстоятельно занималось механистическим объяснением природы человеческой и социальной, бывшими вне внимания ньютоналистов [23].

«Учение, названное “механистической философией”, – полагает Ноам Хомски, – имело два аспекта: эмпирический и методологический. Фактическая сторона

описывала устройство мира: он представляет собой машину, собранную из взаимодействующих частей. Методологическая сторона говорила о познаваемости мира: истинное понимание нуждается в механистической модели, устройстве, которое может быть искусственно создано» [20].

Однако, для того чтобы стали возможными сами онтологическая «мир-машина», механистическая его модель, необходимо было препарировать определенным образом – как имеющийся опытный материал, так и отказаться от прежней (аристотелевской) модели качественно-многослойного космоса. Формирование онтологической схемы механицизма (а, по сути, тотальной метафоры мира) можно представить как постепенную, происходившую в мысленных усилиях-конструированиях ряда видных теоретиков механицизма (Г. Галилея, Р. Декарта и И. Ньютона), **тотальную редукцию сложности, богатства чувственно-воспринимаемого и помыслимого мира** – к простым геометрически-физическим моделям. Они позволили, с одной стороны, решить многие фундаментальные задачи в понимании окружающего движения макромра, с другой, показать известный людям мир – как понятный и обозримый [15].

Абстрагируясь, в известной степени, от конкретных отсылок к работам соответствующих теоретиков, можно представить подобную редукцию в следующей последовательности шагов:

- редукция всего состава мира к простым элементам и принципам: сведение сложного к простому, узаконивание лишь количественного сложносоставного, где целое сведено к сумме его частей и запрет качественного целого, которое определяется целью своего существования [2];

- редукция всех простых элементов к двум разновидностям: корпускулы (атомы) либо математические точки;

- редукция всех связей и отношений мира к связям именно между выделенными привилегированными элементами (корпускулами-точками), которые описываются либо их законами – «движения и покоя мелких частиц» [5, с. 339], либо за-

конами, выявляющими *механизмы* их существования в более крупных телах и явлениях;

- редукция качественного (чувственно-воспринимаемого) разнообразия пространства-времени к простым, «чистым» (самим по себе, безотносительно чего-либо), количественным *величинам* пространства-времени (равномерные длительность и протяженность) – как общего формата «вселенной количества»;

- редукция всей изменчивости и многозначности природы – к её постоянству и строгой однозначности, суммирующимися в непрерывно сохраняющемся балансе и равновесности [14].

Имманентные проблемы «механической философии» и основные пути их решения

Оставались, однако, две существенные трудности – при сличении модели-схемы этого нового, дивно-простого и понятного, «мира количества» – с реальной, невообразимо сложной и противоречивой, повседневною чувственного восприятия: как объяснить имеющиеся неисчислимы качества и как объяснить не воспринимаемое нематериальное, такое, как сознание, общество или же Бог? Заметим, что именно эта, редуцируемая сторона действительности, и составляет остов предметного поля многих гуманитарных дисциплин.

Действительно, в силу своего качественного первородства опытно-физический мир прямо противоречит, своим бесконечным многообразием, – идеализированной простоте математического описания. Что делать, как объяснять? Ньютон полагал, что следует принять эти качества как просто существующие (и всегда повторяющиеся), но не объяснять эти качества сами по себе, «как качества» – помимо их исчисляемых количественных сторон, установленных механистической архитектурой мироздания.

Второе вопрошание было неизмеримо более сложно – для естествоиспытателей, которые, как правило, просто игнориро-

вали вопросы многокачественности, сознания и общества. Ньютон вообще не рассматривал живую, человеческую и социальную природу (как потом и Дарвин отказывался говорить о сущности и происхождении жизни, занимаясь лишь «механизмами» ее существования) – для него есть лишь природа физическая. Однако, надо было все же что-то сказать по этому поводу, дать решение в рамках механистической парадигмы.

Труд осмысления этих тем взяли на себя философы, разработчики «метафизики механицизма», прежде всего, Декарт, который просто вывел их за скобки физической вселенной в особую вселенную духа (субстанции). Изгоняя, как и Ньютон, качества из физического мира и оставляя только количества, он стал приписывать их человеческому уму, который понимался им как всецело не-физический: «исследуя, кто мы такие,... мы в высшей степени ясно усматриваем, что к нашей природе не имеет отношения ни какая-либо протяженность, ни какая бы то ни было фигура, ни перемещение в пространстве, ни что-либо иное подобное, являющееся свойством тела, но ей причастно одно лишь мышление» [9, с. 315]; «душа по природе своей не имеет никакого отношения ни к протяженности, ни к размерам, ни к каким-либо другим свойствам материи» [10, с. 494].

Декарт, таким образом, поместил невоспринимаемое нематериальное в своего рода «вольер трансцендентных сущностей», придав им особый, равномочный с протяженностью, бытийный статус. Отсюда радикальный онтологический дуализм – как имманентная составляющая механистического мировоззрения в философской аранжировке.

Многие отмечают, как бесспорное, тотальное влияние механицизма на весь спектр специального научного знания. Так испытала сильнейшее влияние даже наука № 2 того времени, после физики – по накопленному эмпирическому материалу и теоретической развитости – биология [4]. Что уж тогда говорить о других науках, тем

более, находящихся в практически зародышевом теоретическом состоянии?

Механистическая парадигма оказалась универсальной, ибо физические взаимодействия, действительно, составляют остов вселенной. Редукционизм был лишь одним из следствий реальных огромных достижений математической физики, которая уже создала отлично работающий методологический инструментарий. Таких апробированных методов просто еще не было нигде, кроме физики, что же удивляться тому, что эти достижения легко распространились на соседние дисциплины и подчинили их себе. В той же биологии редукционизм оказался надолго господствующим стилем мышления и миропредставления, повсеместно утвердился в качестве единственно научного. Дело теоретиков, полагали авторитеты от К. Линнея до Ч. Дарвина, – совершенствование номенклатур и таксономических признаков, соответственно, вместо объяснения органического единства живого биологи занимались калькуляция его структурных особенностей.

Тотальность влияния механицизма объяснима еще и тем, что его перенос и усвоение совпали с самим генезисом новоевропейской науки: изначально физики, потом и остальных дисциплин, как естественнонаучных, так и гуманитарных. Формирование новой теории, обособляющейся от традиционной метафизики, основывалось на сопряжении гипотезы и практического, экспериментального подтверждения. Гипотеза же предполагала редукцию изучаемого явления к его механизму, к алгоритму, объясняющему все подобные явления. Подобный механизм и приобретает статус закона, все равно, изучается ли явление природы, психики или общества [21].

Основные направления трансформации дисциплинарных мировидений под влиянием механицизма

В новоевропейской философии были и прямые кальки с парадигмальных механистических образцов – в виде атомистиче-

ских концепций П. Гассенди, П. Гольбаха (правда, с античным налетом) или же совсем уже забавно-пародийной «Человека-машины» Ж. О. Ламетри [16]. Нас же здесь более интересуют именно те методологические заимствования, которые трансформировали дисциплинарные мировидения в определенно-заданном направлении. Итак, каковы они?

Редукционистская идея о метафизическом *постоянстве* «количественной вселенной» формирует идею неизменности человеческой природы, описание законов которой откроет дорогу достоверному объяснению общества. Закономерности человеческого естества так же, как и «законы природы неизменны и вечны, – полагал Т. Гоббс, – то, что они запрещают, никогда не может быть разрешено; то, что они повелевают, никогда не может быть непозволительным» [6, с. 316]. Сходным образом и Ш. Монтескье, и Ж.-Ж. Руссо приравнивали основные свойства и склонности, стремления человека, исходящие из базового стремления к самосохранению, к закону природы (необходимым причинно-следственным связям). И право, и мораль с необходимостью вытекают из естественного закона, лишь сознательное установление их соответствия способно благотворным образом клиницировать и исправить возникшие в них искажения [1].

Также широко использовалась – при анализе взаимоотношений сил и тел (естественных и искусственных), государств, социально-политических институтов, международных отношений – механистическая идея *равновесия (баланса)* как сердцевины мирового порядка. Мы встречаем эту идею в основе важнейших теоретических конструктов в формирующихся в Новое время политических и юридических наук. Она выступает как в виде принципа разделения властей, определявшим существование и поддержание баланса между противоборствующими силами в обществе (Ш. Монтескье, Т. Гольбах), так и в форме концепта «общественного договора», благодаря которому достигается равновесие

между социальными силами (Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо) [19].

Редукционистская идея о сведении сложного к простому, ясному и отчетливому (Декарт) воплотилась в ригористическом рационализме Нового времени. Он представлял человека исключительно рациональным существом, носителем сознания, движимым целерациональными установками, способным подчинить задачам познания и жизненного совершенствования – свои мотивы, влечения и потребности [11]. По словам Вольтера, «если я буду знать свои первичные принципы, я смогу получить и заранее усмотрю все аффекты, к коим буду расположен завтра, и всю цепь ожидающих меня идей; я смогу получить над этими идеями и чувствами такую же власть, какую я осуществляю иногда, когда подавляю и отклоняю свои сегодняшние чувства и мысли, тогда я стану хозяином идей, я буду для самого себя богом» [3, с. 328–329].

Вероятно, все же наибольшее влияние на общественные науки оказала идея *редукции целого* к некоторым привилегированным элементам и замыкание исследований на поиске *механизмов* их сосуществования. Все это обуславливает агрегативное понимание общества (оно – простая сумма равновеликих единиц-индивидов) и аддитивности связи между единицей и целым – в многочисленных «социальных механиках», «экономических механизмах» [24], «социальных физиках» и «социальных геометриях». Законы общества – гомогенны законам природы, особенно физики, государство рассматривалось как «искусственное составное тело» [26], а его граждане – лишь частицы этого огромного «искусственного тела» [7]. Главные силы, образующие общество – разные человеческие волеизъявления или «страсти» [27]. Также, как и в механике, подобные силы действуют только в двух направлениях: притяжения и отталкивания. Построение общественной теории считалось возможным как рациональное дедуцирование общественного механизма из неких самоочевидных аксиом. Таковыми аксиомами

полагались либо всеобщие и необходимые человеческие качества или же некое минимальное отношение в обществе, найденное наблюдением и анализом, своего рода социальная «клеточка» [17].

Наконец, не можем хотя бы не упомянуть о *редукции многозначности природы* – к её строгой однозначности. Причем не только Лаплас не сомневался в безграничных возможностях исчерпывающих описаний мира. Вера в объективную естественность однозначного соподчинения общего и частного была повсеместной: «Я установил общие начала, – говорит Ш. Л. Монтескье, – и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом и зависит от другого, более общего закона» [18, с. 7].

Таким образом, общественные науки, восприняв, как тогда было положено, т.е. некритически, «прогрессивную методологию», оказались в довольно-таки двусмысленном положении, ибо редукция «человеческого» к механизму заведомо лишала их собственного предмета исследования. Однако, наряду с господством механистических привнесений всегда имели место, хотя первоначально в скромном виде, и идеи органицизма, диалектичности и плюрализма, проистекавшие из автохтонных рефлексий самобытного эмпирического материала самих формировавшихся общественных дисциплин, которые впоследствии все же «вычистили» инородные методологические «трояны».

Заключение

Настала пора подытожить проделанное в этой статье.

Итак, обосновано предположение о том, что отношения конкуренции между ньютонианством и картезианством в соревновании за интеллектуальный приоритет и парадигмальный статус в новоевропейском знании, сменились впоследствии отношениями взаимодополнения: когда в компетенции первого находилась природа

естественная, тогда как в ведении второго оказалась природа человеческая и социальная.

Осуществлена попытка реконструкции внутренней «логики редукции», которая, как хорошо известно, лежит в основе онтологической схемы механицизма. Эта логика представлена как последовательно-пошаговое мыслительное движение от сложной изменчивой и многозначной вселенной иерархии качеств – к мировой простоте, количественным единицам, универсализму движения единиц и порядку их сочетаемости: в формате гомогенных пространства-времени и застылости постоянства, однозначности, вечного баланса.

Обосновано представление о радикальном дуализме как логическом следствии и имманентном составляющем ингредиенте механистического мировоззрения (в редакции Декарта). Радикальный дуализм на деле оказывается онтологически вмененным миру витализмом – в качестве отдельной особой субстанции (силы).

Приведены аргументы в обоснование предположения о том, что в XVII–XIX вв. сформировался единый мировоззренческий комплекс естественнонаучной картины мира, сочетавшим в себе механицизм, витализм и эволюционизм, при ведущей роли первого из компонентов. Действительно, механицизм органично сочетался с витализмом, ибо, успешно объясняя неорганическую сферу сущего, он оставлял большую мистико-идеалистическую лакуну «сущности жизни и сознания», равно как и эволюционизм, бывшим также первое время так сказать «механистической вариацией», сводил познание живого к вопросам классификации и таксономии.

Некритический перенос механистической методологии в общественные науки приводил также и к полуюсознанному переносу – в качестве единственно научной и объективной – также редукционистской онтологии. Последняя накладывалась на реальную эмпирическую картину и формировала своего рода теоретическую «химеру», в которой «увяда-

ла» имманентная сложность человеческой природы и общества. Основные компоненты этой «химеры»: исходно природно-эгоистическая детерминация жизни людей; рационалистическая подоплека их поведения, согласия и общежития; соци-

альный механицизм – с взаимно притягивающимися и отталкивающимися людьми-марионетками.

Статья поступила в редакцию 07.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батиев Л. В. Право и мораль в философии Нового времени // Право как явление культуры: научный сб. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. С. 136–152.
2. Беляев Н. Ю. «Механицизм» в новоевропейской культуре: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. 235 с.
3. Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. 751 с.
4. Галоян А. Механицизм как исторически универсальная парадигма научного знания [Электронный ресурс]. URL: [lraber.asj-oa.am/4715/1/1987-5\(29\).pdf](http://lraber.asj-oa.am/4715/1/1987-5(29).pdf) (дата обращения: 02.07.2020).
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб., 1994. 423 с.
6. Гоббс Т. Основы философии. Часть третья. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991. С. 270–506.
7. Гринин Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX в. // Философия и общество. 2010. № 3. С. 162–199.
8. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
9. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 297–422.
10. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 481–572.
11. Дьяков А. В. Рождение исторической науки из духа философии: историзм и антиисторизм модерна // Философские науки. 2015. № 7. С. 109–119.
12. Князев В. Н. Исаак Ньютон: ученый и мыслитель (к 375-летию со дня рождения) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 215–220.
13. Кун Т. С. Дополнение 1969 года [Электронный ресурс] // Кун Т. С. Структура научных революций. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kunts01/index.htm> (дата обращения: 03.07.2020).
14. Лебедев С. А. Истинность чувственного и эмпирического знания в науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 117–127.
15. Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 8–22.
16. Леденева Е. В. Человек-машина (между Ламетри и Декартом) [Электронный ресурс] // Credo New. 2010. № 3. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_03_2010/7110-chelovek-mashina-mezhdu-lametri-i-dekartom.html (дата обращения: 03.07.2020).
17. Милованов К. Ю. У истоков «Царства Разума»: философские и общественно-педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо // Проблемы современного образования. 2017. № 3. С. 23–32.
18. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
19. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. 213 с.
20. Ольшанский Д. Концепция механицизма в исследованиях языка Нового времени: от Галилея до Ньютона (в работах Ноама Хомского). URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2005/7/ol16.html> (дата обращения: 03.07.2020).
21. Погоняйло А. Г. Душа/машина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Выпуск 4. С. 39–51.
22. Погоняйло А. Г. Метафизика механицизма в новоевропейской философии XVII–XVIII вв.: дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2001. 377 с.
23. Полетаева Ю. Г., Дьякова Н. В. Особенности эпистемологии Декарта: дуализм методического сомнения // Colloquium-journal. 2019. № 12 (36). С. 87–89.
24. Прохоров М. М. Экономизм как социальный аналог механицизма // Вестник СВФУ. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 4 (08). С. 146–158.
25. Хоменков А. «Стать как боги» или О магических корнях механистического мировоззрения

[Электронный ресурс] // Православная беседа. 2015. № 6. URL: http://www.goldentime.ru/zhrs_15-16_002.htm (дата обращения: 03.07.2020).

26. Шадрина Е. Н. «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С 13–20.
27. Юревич А. В. Социально-психологические предпосылки мышления Нового времени [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/elib/Ph_sc9_5.html (дата обращения: 03.07.2020).

REFERENCES

1. Batiev L. V. [Law and morality in the philosophy of modern times]. In: *Pravo kak yavlenie kul'tury* [Law as a cultural phenomenon. Scientific collection]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2002, pp. 136–152.
2. Belyaev N. Yu. «*Mekhanicizm*» v novoevropejskoj kul'ture: diss. ... kand. filos. nauk. [«Reductionism» in the new European culture] St. Petersburg, 2006. 235 p.
3. Voltaire. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical Works]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 751 p.
4. Galoyan A. *Mekhanicizm kak istoricheski universal'naya paradigma nauchnogo znaniya* [Reductionism as a historically universal paradigm of scientific knowledge]. Available at: [iraber.asj-oa.am/4715/1/1987-5\(29\).pdf](http://iraber.asj-oa.am/4715/1/1987-5(29).pdf) (accessed: 02.07.2020).
5. Hegel G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii. Kn. 3* [Lectures on the History of Philosophy. B. 3]. St. Petersburg. Nauka Publ., 1994. 423 p.
6. Hobbes T. *Osnovy filosofii. Chast' tret'ya. O grazhdanine* [Fundamentals of Philosophy. Part three. On the citizen]. In: Hobbes T. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, pp. 270–506.
7. Grinin L. E. [Theory, Methodology and Philosophy of History: Essays on the Development of Historical Thought from Antiquity to the Mid-19th Century]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2010, no. 3, pp.162–199.
8. Dear P., Shejpin S. *Nauchnaya revolyuciya kak sobytie* [Scientific Revolution as an Event]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 576 p.
9. Descartes R. [Initial philosophy]. In: *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 297–422.
10. Descartes R. [Passion of the soul]. In: *Sochineniya. Vol. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 481–572.
11. D'yakov A. V. [The birth of historical science from the spirit of philosophy: historicism and modern anti-historicism]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2015, no. 7, pp. 109–119.
12. Knyazev V. N. [Isaac Newton: scientist and thinker (on the occasion of the 375th birthday)]. In: *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Socio-humanitarian Studies], 2018, no. 1 (17), pp. 215–220.
13. Kuhn T. S. [1969 Supplement]. In: Kuhn T. S. *Struktura nauchnyh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow, 1975. Available at: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kunts01/index.htm> (accessed: 03.07.2020).
14. Lebedev S. A. [The truth of sensory and empirical knowledge in science]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2020, no. 2, pp. 117–127.
15. Lebedev S. A. [Three epistemological paradigms: classical, non-classical and post-non-classical]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2019, no. 2, pp. 8–22.
16. Ledeneva E. V. [The Human Machine (between La Mettrie and Descartes)]. In: *Credo New*, 2010, no. 3. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_03_2010/7110-chelovek-mashina-mezhdu-lametri-i-dekartom.html (accessed: 03.07.2020).
17. Milovanov K. Yu. [At the origins of the «Kingdom of Reason»: philosophical and socio-pedagogical views of J.-J. Russo]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2017, no. 3, pp. 23–32.
18. Montesquieu C. L. *O duhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 674 p.
19. Ogurcov A. P. *Filosofiya nauki epohi Prosveshcheniya* [Philosophy of Science in the Enlightenment Epoch]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 213 p.
20. Ol'shanskij D. [The concept of mechanism in the study of the language of the New Age: from Galileo to Newton (in the works of Noam Chomsky)]. In: *Deti Ra* [Children Ra], 2005, no. 7 (11). Available at:

- <http://magazines.russ.ru/ra/2005/7/ol16.html> (accessed: 03.07.2020).
21. Pogonyajlo A. G. [Soul / Machine]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies], 2013, Iss. 4, pp. 39–51.
 22. Pogonyajlo A. G. *Metafizika mekhanicizma v novoevropejskoj filosofii XVII - XVIII vv.: diss. ...d. filos. nauk* [The metaphysics of reductionism in the new European philosophy of the XVII - XVIII centuries: PhD thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, 2001. 377 p.
 23. Poletaeva Yu. G., D'yakova N. V. [Features of Descartes' epistemology: the dualism of methodological doubt]. In: *Colloquium-journal*, 2019, no. 12 (36), pp. 87–89.
 24. Prohorov M. M. [Economism as a social analogue of reductionism]. In: *Vestnik SVFU. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Filosofiya* [Bulletin of NEFU. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy], 2017, no. 4 (08), pp. 146–158.
 25. Homenkov A. [«To become like gods» or On the magic roots of a mechanistic worldview]. In: *Pravoslavnyaya beseda* [Orthodox Conversation], 2015, no. 6. Available at: http://www.goldentime.ru/zhrs_15-16_002.htm (accessed: 03.07.2020).
 26. Shadrina E. N. [Thomas Hobbes' Social Contract: Historical and Philosophical Reconstruction of the Concept]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2017, no. 7, pp. 13–20.
 27. Yurevich A V. *Social'no-psihologicheskie predposylki myshleniya Novogo vremeni* [Socio-psychological background of thinking of the New time]. Available at: https://iphras.ru/elib/Ph_sc9_5.html (accessed: 03.07.2020)..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник, центр научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (ППА Минюста России);
e-mail: KrasVladIv@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Krasikov – Dr. Sci. (Philosophy), Chief Researcher, Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia);
e-mail: KrasVladIv@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красиков В. И. Методологические регулятивы механистического мировоззрения в общественных науках XVII–XIX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 78–86.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-78-86

FOR CITATION

Krasikov V. I. Methodological Regulations of the Mechanistic Worldview in the Social Sciences of the XVII–XIX centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 78–86.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-78-86

УДК 168

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-87-94

ИСТИННОСТЬ УРОВНЕЙ И ВИДОВ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Лебедев С. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т., д. 27, кор. 4, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Обосновать существование в современной науке многообразия критериев истинности для разных уровней и видов научного знания.

Процедура и методы. Описание уровневой структуры научного знания любой конкретной науки, анализ содержания основных структурных единиц каждого уровня научного знания, реконструкция критериев истинности каждого уровня и его структурных единиц.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в реальной науке не существует некоего универсального критерия истинности для всех уровней и единиц научного знания, что критерии истинности научного знания столь же конкретны, как и само научное знание.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в более глубоком понимании конкретного характера научных истин, а практическая значимость – в разработке более эффективного метода установления истинности различных структурных единиц научного знания.

Ключевые слова: научное знание, уровни научного знания, научная истина, критерии истинности научного знания

THE TRUTH OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE LEVELS AND TYPES

S. Lebedev*Lomonosov Moscow State University**27, korp. 4, Lomonosovskiy prosp., Moscow 119991, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To substantiate the existence in modern science of a variety of truth criteria for different levels and types of scientific knowledge.

Methodology. The description of the level structure of any particular science scientific knowledge is given; the content of the main structural units of each level of scientific knowledge is analyzed; the criteria for the truth of each level and its structural units are reconstructed.

Results. It is shown that in real science there is no universal criterion of truth for all levels and units of scientific knowledge, and that the criteria for the truth of scientific knowledge are as concrete as scientific knowledge itself.

Research implications. The theoretical significance of the results obtained consists in a deeper understanding of the specific nature of scientific truths, and the practical significance – in the development of a more effective method for establishing the truth of various structural units of scientific knowledge.

Keywords: scientific knowledge, levels of scientific knowledge, scientific truth, criteria for the truth of scientific knowledge

Введение

При определении истинности уровней и видов научного знания в реальной науке используются разные критерии [18]. Чтобы быть эффективным, критерий истинности научного знания должен соответствовать специфике ее содержания и методам его конструирования. В структуре любой конкретной науки можно выделить четыре качественно различных уровня научного познания и соответствующего этим уровням вида знания: чувственное, эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое. Каждый из выделенных уровней научного познания имеет свою онтологию, соответствующую ей методологию получения и обоснования знания и особые критерии его истинности [12; 13; 24].

Истинность чувственного уровня научного знания

Научное знание чувственного уровня состоит из чувственных данных об исследуемых объектах, получаемых тремя основными методами: наблюдением, экспериментом и измерением свойств объектов с помощью научных приборов. Критерием истинности является норма человеческого восприятия, основанная на способности сознания различать и отождествлять образы восприятия. Несмотря на влияние мышления на процесс и результаты чувственного познания в науке (проблемы, цели, установки, накопленное в прошлом знание), в целом человеческое чувственное восприятие имеет биологическую природу, а также интуитивно-бессознательный характер, регулируемый биологической нормой человеческого восприятия. Эта норма сформировалась в ходе длительной эволюции человека в процессе выработки соответствующего механизма адаптации к условиям окружающей среды. У научных приборов аналогом чувственного восприятия человека выступает способность приборов отождествлять и различать сигналы, идущие от познаваемых объектов, по интенсивности и последовательности этих сигналов. Как правило, эти сигналы в

принимающем устройстве прибора преобразуются и кодируются в виде электрических сигналов различной интенсивности и последовательности. В известном смысле ученый как субъект чувственного познания сам может быть рассмотрен как прибор особого рода [14].

Истинность эмпирического уровня научного знания

Протокольные предложения.

Протокольные предложения это фиксация с помощью естественного или технического языка чувственных данных науки. Поскольку каждое протокольное предложение по своей логической форме является единичным высказыванием о чувственных данных, постольку критерий его истинности достаточно прост: соответствие содержания данного суждения чувственным восприятиям явления или показаниям приборов. Однако, реализация (использование) данного критерия возможна только при соблюдении ряда эпистемологических условий. К ним относятся: доверие ученого к чувственным данным, а также к языку, используемому при дискурсной репрезентации чувственных данных, возможность повторения осуществленного наблюдения и результата его восприятия членами научного сообщества [29].

Эмпирические факты. Критерием истинности научных фактов является правильность логического обобщения множества протокольных предложений. Существует два логических метода правильного обобщения протоколов: перечислительная индукция и индукция как обратная дедукция [9]. В целом («по интегралу») истинность научных фактов является логической функцией истинности протоколов [27]. Если все конкретные протоколы признаны научным сообществом истинными, то и основанный на них научный факт должен быть считаться необходимо истинным. Если же только часть протоколов является истинной, то полученный в результате их обобщения факт должен считаться только вероятно – истинным суждением (величи-

на этой вероятности равна относительной частоте истинных протоколов среди всех имеющихся протоколов) [16]. Суждение об истинности научных фактов всегда содержит в себе консенсуальную компоненту, ибо оно зависит, во-первых, от оценки профессиональным научным сообществом истинности представленной совокупности протоколов, а, во-вторых, от оценки логической корректности методов логического или статистического обобщения протоколов [11].

Эмпирический закон. Эмпирический закон – универсальное или статистическое высказывание о необходимых или существенных связях между исследуемыми объектами и их свойствами. Критерий истинности эмпирических законов является достаточно сложным, поскольку они не являются логическим обобщением научных фактов. В научных фактах фиксируется обобщенная информация о том, какова была наблюдаемая реальность, но не о том, какой она должна или может быть. В высказываниях о фактах отсутствуют операторы всеобщности и необходимости, знание о них не дается в опыте (Юм). Критерий истинности эмпирических законов включает следующие требования к ним: 1) отсутствие противоречия эмпирического закона множеству научных фактов; 2) отсутствие противоречия нового эмпирического закона другим эмпирическим законам, полученным ранее и принятым за истинные; 3) достаточно хорошая объяснительная и предсказательная сила эмпирического закона в отношении имеющихся или возможных фактов, 4) демонстрация возможности выведения данного эмпирического закона в качестве логического следствия какой-либо научной теории, признанной научным сообществом в качестве истинной [25].

Феноменологическая теория. Феноменологическая теория это интегральная единица эмпирического уровня научного познания и форма его синтеза. Она состоит из совокупности определенных принципов и эмпирических законов, описывающих соответствующую предметную

область. Критерий истинности феноменологической теории еще более сложен, чем критерий истинности отдельного эмпирического закона. В состав этого критерия входят следующие требования:

- 1) обоснование логической непротиворечивости феноменологической теории,
- 2) демонстрация существенной объяснительной и предсказательной силы этой теории по отношению к фактам и законам, относящимся к ее предметной области,
- 3) дедуктивная и (или) конструктивная взаимосвязь высказываний теории, делающая ее целостной концепцией,
- 4) непротиворечивость по отношению к другим феноменологическим теориям, принятым научным сообществом за истинные,
- 5) её выводимость в качестве одной из эмпирических интерпретаций какой-либо трансцендентальной научной теории [5; 7].

Истинность теоретического уровня научного знания

Частная научная теории. В отличие от эмпирических феноменологических теорий, онтологию которых образует множество эмпирических (наблюдаемых) объектов и их свойств, онтологию трансцендентальной теории образует множество идеальных, чисто мысленных (ненаблюдаемых) объектов, их свойств и отношений [21; 22; 23; 31]. Соответствие опыту не может быть критерием истинности трансцендентальной теории, поскольку она непосредственно не имеет эмпирического содержания. Поэтому и критерий ее истинности принципиально другой, нежели у феноменологической теории. Главным условием истинности трансцендентальной теории является, прежде всего, интуитивная очевидность содержания идеальных объектов теории и аксиом теории. Основными же средствами разворачивания её возможного содержания – постепенное, пошаговое его разворачивание с помощью логических и внелогических средств, контролируемых интеллектуальной интуицией (Декарт). Любая трансцендентальная

научная теория или теория в собственном смысле, как знание о принципиально ненаблюдаемых идеальных объектах, является самодостаточной по отношению к миру опыта, поскольку имеет свои собственные онтологические основания. Но она не является самодостаточной по отношению к теоретическому знанию науки в целом, будучи одним из его элементов. Одним из требований критерия истинности частных научных теорий является их дедуктивное выведение из более общих научных теорий (фундаментальных или парадигмальных), признанных научным сообществом в качестве истинных [1; 2].

Общая или фундаментальная (парадигмальная) теория

Необходимыми и достаточными условиями истинности общих или фундаментальных (парадигмальных) теорий являются следующие: внутренняя непротиворечивость; содержательная нетривиальность; логическая доказательность; плодотворность в качестве средства конструирования, обоснования и интерпретации частных теорий; ее соответствие общенаучной картине мира; ее соответствие фундаментальной определенным философским основаниям и принципам (онтологическим, гносеологическим, социальным, аксиологическим) [10; 17; 26].

Истинность метатеоретического уровня научного знания

Научная картина мира. В структуре метатеоретического уровня знания научные картины мира играют важную роль. Это наиболее общий уровень онтологического знания в науке, еще более общий, чем онтологическое содержание отдельных парадигмальных теорий. При этом существуют два вида научных картин мира: научно-научные и общенаучные.

Критерием истинности **частно-научной картины мира** является наличие у неё следующих свойств:

1) плодотворность её объяснительной, конструктивной и синтетической функции

по отношению к имеющемуся массиву теоретического знания в соответствующей науке или области науки; очевидно, что этот критерий имеет ярко выраженный прагматический характер;

2) внутренняя непротиворечивость, а также согласие с господствующей в науке данного периода общенаучной картиной мира; ясно, что данный критерий имеет консенсуальный характер, субъектом которого является либо дисциплинарное научное сообщество, либо сообщество ученых в целом;

3) мировоззренческая значимость данной научно-научной картины мира; очевидно, что этот критерий также имеет консенсуальную природу [6; 20; 28].

Критерием истинности **общенаучной картины мира** является её соответствие следующим требованиям:

1) внутренняя непротиворечивость и согласие с содержанием большинства парадигмальных теорий и частнонаучных картин мира данного периода развития науки;

2) большая эвристическая сила как фактора развития научного знания;

3) соответствие принципам рациональной философской онтологии ;

4) мировоззренческая и общекультурная значимость [30].

Идеалы и нормы научного исследования

Идеалы и нормы научного исследования также являются структурными элементами метатеоретического научного знания. Они играют функцию методологических стандартов и правил получения и обоснования научного знания. Их содержание должно соответствовать требованиям общей и частной (отраслевой) научной рациональности, отражающей особенности различных областей научного знания: математики, естествознания, социальных и гуманитарных науки, технаук [3]. Экспликация содержания общенаучных и научно-научных идеалов и норм осуществляется в общенаучной методологии и в научно-научных (отраслевых) методологиях [15; 32].

Выводы

1. В реальной науке не существует некоего единого и универсального для всех структурных единиц научного знания критерия их истинности [19]. Главной объективной причиной такого положения дел является плюрализм структуры научного знания, качественное разнообразие различных областей научного знания, его уровней, видов и единиц.

2. Любая научная истина всегда предпосылочна и относительна, так как всегда опирается на некоторое ранее накопленное знание и на конкретные условия познания, образующие содержание конкретной когнитивной системой отсчета, определяющей перспективу видения объекта научного познания и пространство его возможных решений [4; 8].

3. В силу необходимого характера указанных условий научного познания в нем неизбежно существует не только плюрализм научных концепций, но и плюрализм научных истин как следствие выбора субъектами научного познания наиболее предпочтительной из конкурирующих концепций. Плюрализм научных истин является неизбежным следствием следующих гносе-

ологических предпосылок осуществления процесса научного познания: конструктивной природы мышления; отсутствие абсолютно надежного, «окончательного», эмпирического и/или теоретического базиса у любых единиц научного знания; неполнота любых эмпирических или теоретических моделей по отношению к объекту познания; принципиальная неустраиваемости из научного познания неявного и личностного знания; социальный характер научного познания.

4. С точки зрения современной методологии науки наиболее адекватной концепцией научной истины является синтез корреспондентской концепции истины и консенсуального характера понимания ее истинности [14].

5. Качественно различные по содержанию и методам конструирования уровни и единицы научного знания не только могут иметь, но и имеют различные критерии истинности.

6. Критерии истинности всех уровней научного знания и их различных единиц включают в свой состав конвенциональную и консенсуальную компоненту.

Статья поступила в редакцию 21.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины. М.: РОССПЭН, 2005. 352 с.
2. Гадамер Х. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Лазарев Ф. В., Лебедев С. А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 95–115.
4. Лебедев С. А. Проблема истины в науке // Человек. 2014. № 4. С. 123–135.
5. Лебедев С. А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2014. 272 с.
6. Лебедев С. А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2(18). С. 5–10.
7. Лебедев С. А. Методология научного познания: учебное пособие. М.: Юрайт, 2019. 153 с.
8. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
9. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 87–95.
10. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 57–69.
11. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7–13.
12. Лебедев С. А., Лебедев К. С. Проблема универсального научного метода // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 3. С. 7–22.
13. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
14. Лебедев С. А., Твердынин Н. М. Гносеологическая специфика технических и технологических

- наук // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 2. С. 44–70.
15. Лебедев С. А. Методологическая функция идеалов и норм научного исследования // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5, № 3. С. 17–28.
 16. Лебедев С. А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер // Гуманитарный вестник. 2019. № 3 (77). С. 3.
 17. Лебедев С. А. Классическая, неклассическая и постнеклассическая методология науки // Гуманитарный вестник. 2019. № 2 (76). С. 1.
 18. Лебедев С. А. Уровневая концепция истинности научного знания // Известия Российской академии образования. 2018. № 4 (48). С. 5–19.
 19. Лебедев С. А., Лебедев К. С. Существует ли универсальный научный метод? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2, С. 56–72.
 20. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект. 2018. 448 с.
 21. Лебедев С. А. Проблема целостности системы научного знания: основные факторы // Журнал философских исследований. 2018. № 3. С. 45–66.
 22. Лебедев С. А. Природа истины в науке // Гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 2.
 23. Лебедев С. А. Плюрализм методов теоретического познания в науке // Известия Российской академии образования. 2017. № 3. С. 5–39.
 24. Лебедев С. А. Научный метод: единство и разнообразие // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 2. С. 7–17.
 25. Лебедев С. А. Плюрализм критериев истинности научного знания: уровневая модель // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1(12). С. 4–14.
 26. Лебедев С. А. Консенсуальная природа научных истин // Известия Российской академии образования. 2018. № 2(46). С. 5–17.
 27. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
 28. Лебедев С. А. Постнеклассическая эпистемология: сущность и основные принципы // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6. № 1. С. 4–11.
 29. Лебедев С. А. Истинность чувственного и эмпирического знания в науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 117–126.
 30. Лебедев С. А. Истинность метатеоретического знания в науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 98–103
 31. Лебедев С. А. Проблема истинности научной теории // Гуманитарный вестник. 2018. № 4(66). С. 2.
 32. Лебедев С. А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.

REFERENCES

1. Veingartner P. *Fundamental'nye problemy teorii istiny* [Fundamental Problems of Truth Theories]. Moscow, ROSSPEN Publ. 2005. 352 p.
2. Gadamer H. G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
3. Lazarev F. V., Lebedev S. A. [The problem of truth in social sciences and humanities: an interval approach]. In: *Voprosy filosofii*, [Philosophy questions] 2005, no. 10, pp. 95–115.
4. Lebedev S. A. [The problem of truth in science]. In: *Chelovek* [Person, 2014], no. 4, pp. 123–135.
5. Lebedev S. A. *Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii* [Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts]. Moscow, 2014. 272 p.
6. Lebedev S. A. [The unity of natural science and social-humanitarian knowledge]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, [New in psychological and pedagogical research]. 2010, no. 2(18), pp. 5–10.
7. Lebedev S. A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [Methodology of scientific knowledge]. Moscow, Yurait Publ., 2019. pp. 153 p.
8. Lebedev S. A. [Reassembling the epistemological]. In: *Voprosy filosofii*, [Philosophy questions], 2015, no. 6, pp. 53–64.
9. Lebedev S. A. [The role of induction in modern scientific knowledge functioning]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1980, no. 6, pp. 87–95.
10. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. [Conventionalistic philosophy of science]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2013, no. 5, pp. 57–69.

11. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. [Conventions and Consensus in the Context of Contemporary Philosophy of Sciences]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2014, no. 1, pp. 7–13.
12. Lebedev S. A., Lebedev K. S. [The problem of the universal scientific method]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2015, no. 3, pp. 7–22.
13. Lebedev S. A. [The structure of scientific rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions] 2017, no. 5, pp. 66–79.
14. Lebedev S. A., Tverdynin N. M. [Epistemological specificity of technical and technological sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 44–707.
15. Lebedev S. A. [Methodological function of ideals and norms of scientific research]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. [Journal of Philosophical Research] 2019, vol. 5, no. 3, pp. 17–28.
16. Lebedev S. A. [Scientific Truth: Consensual Expert Character]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Journal of Philosophical Research], 2019, no. 3 (77), pp. 3.
17. Lebedev S. A. [Classical, non-classical and post-non-classical methodology of science]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin] 2019, no. 2 (76), pp. 1.
18. Lebedev S. A. [Level concept of truth in scientific knowledge]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2018, no. 4 (48), pp. 5–19.
19. Lebedev S. A., Lebedev K. S. [Is there a universal scientific method?]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tver' State University], Seriya: Filosofiya, 2015, no. 2, pp. 56–72.
20. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 448 p.
21. Lebedev S. A. [The problem of the integrity of the system of scientific knowledge: the main factor]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*, [Journal of Philosophical Research] 2018, no. 3, pp. 45–66.
22. Lebedev S. A. [The nature of truth in sciences]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian bulletin] 2017, no. 12, pp. 2.
23. Lebedev S. A. [Pluralism of methods of theoretical knowledge in sciences]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Proceedings of the Russian Academy of Education], 2017, no. 3, pp. 5–39.
24. Lebedev S. A. [Scientific method: unity and diversity]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2015, no. 2, pp. 7–17..
25. Lebedev S. A. [Pluralism of criteria for the truth of scientific knowledge: a level model]. In: *Studia Humanitatis Borealis*, 2019, no. 1(12), pp. 4.
26. Lebedev S. A. [The Consensual Nature of Scientific Truth]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2018, no. 2(46), pp. 5.
27. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Layered Science Methodology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
28. Lebedev S. A. [Post-nonclassical epistemology: essence and basic principle]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. [Journal of Philosophical Research], 2020, vol. 6., no. 1, pp. 4–14.
29. Lebedev S. A. [The truth of sensory and empirical knowledge in sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences.], 2020, no 2, pp. 117–126.
30. Lebedev S. A. [The Truth of Meta-theoretical Knowledge in Sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2020, no. 3, pp. 98–103
31. Lebedev S. A. [The problem of the truth of scientific theory]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin.], 2018, no. 4 (66), pp. 2.
32. Lebedev S. A. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii*, [Philosophy issues], 2020, no. 7, pp. 82–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Chief Researcher. Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Истинность уровней и видов научного знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 87–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-87-94

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Truth of Scientific Knowledge Levels and Types. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no 4, pp. 87–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-87-94

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-95-102

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Пелевин С. И.*Армавирский государственный педагогический университет**352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Рассмотреть аксиологические особенности ценностного исследования процессов технологизации современного общества как широкого социально-исторического и культурного комплекса процессов, затрагивающего все сферы современного общества и по-разному влияющих на них. Для её достижения проанализированы как индивидуальные, так и общественные явления, связанные с процессами технологизации, и выявлено, что они имеют очень широкий аксиологический диапазон, начиная от крайне позитивных оценок и исследовательского восторга происходящими процессами и заканчивая крайней негативной и эсхатологическими прогнозами, связанные с этими же процессами.

Процедура и методы. Исследование проведено на базе применённых как взаимно дополняющие аксиологического и социокультурного подходов. Первый был использован в экспликации ценностного спектра современных исследований данной проблемы; второй показал сложность и диахронность социального и культурного развития современного общества.

Результаты. Проведённый анализ показал, что столь широкий аксиологический спектр свидетельствует, во-первых, о высокой социальной значимости данной проблемы, а во-вторых, об аксиологической неопределённости. Рефлексия технизации, имеющая широчайший оценочный спектр, явственно свидетельствует о том, что общество само не понимает, как относиться к происходящим в нём существенным изменениям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Расширены и приращены знания об особенностях процессов становления информационного общества.

Ключевые слова: общество, технологизация, техногенное общество, ценность, риски технологизации, идентичность, социокультурная система

AXIOLOGICAL ASPECT OF MODERN SOCIETY'S TECHNOLOGIZATION

S. Pelevin*Armavir State Pedagogical University**159, R. Luxemburg ul., Armavir, 352901 Krasnodar Territory, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To consider the axiological features of the value study of the technological processes of modern society as a broad socio-historical and cultural process, affecting all areas of modern society and affecting them differently. To achieve it, individual and social phenomena associated with the processes of technologization were analyzed and it was revealed that they have a very wide axiological range, from extremely positive assessments and research enthusiasm for ongoing processes, to extreme negativity and eschatological forecasts associated with these processes.

Methodology. The study was carried out on the basis of mutual complement of axiological and sociocultural approaches. The first was used in the exposure of the value spectrum of modern studies of this problem, the second showed the complexity and diachronicity of the social and cultural development of modern society.

Results. The analysis showed that such a wide axiological spectrum indicates, firstly, the high significance of the problem and, secondly, the axiological uncertainty. The reflection of technicalization, which has the widest estimated spectrum, clearly indicates that society itself does not understand in what way to treat the significant changes taking place in it.

Research implications. The knowledge about the features of the processes of the information society is expanded and incremented.

Keywords: society, technologization, technogenic society, value, risks of technologization, identity, socio-cultural system

Введение

Техногенные сдвиги современности проблематизировали и репрезентировали для философской рефлексии целый комплекс различных проблем, начиная от совершенствования человека и поисков личностной идентичности до исследования новых контуров социокультурного и цивилизационного самоопределения в постоянно меняющейся динамике модернизационных потоков.

Строго говоря, проблема аксиологического определения феномена технизации возникла не сегодня. Она имеет корни, восходящие к механистическому миропониманию эпохи раннего модерна, то есть, ей, по крайней мере, около трехсот лет. Однако именно современное общество достигло такого уровня её рефлексии, когда она становится универсальной темой размышления любых дисциплинарных направлений и философии. К тому же, существенно расширился аксиологический спектр её решения – от гносеологического оптимизма Нового времени он прошёл большую эволюцию и к XX в. вобрал в себя все виды гносеологического пессимизма [9, с. 66–70].

Трансформация индивидуальных и групповых ценностей в условиях технизации общества является одной из самых актуальных тем современной философии. Большой интерес к данной теме проявили в своих трудах такие отечественные мыслители как В. А. Ядов [10], А. П. Назаретян [6, с. 75–91], Г. Г. Дилигенский [2, с. 10–17] и др.

Социокультурные особенности техногенной трансформации современного общества

Трансформации в той или иной степени подвержены все сферы общественной жизни, они изменяются с различной динамикой, имеют разную степень инерционности, и по-разному вовлечены в глобализационные процессы. Экономическая сфера наиболее инновационна, она втягивает в свои границы и успевает внедрить большое количество технических практик, пока акторы социальной или духовной сферы только рассматривают для себя возможность применения тех или иных технических средств. Консервативность духовной сферы объяснима тем, что она выступает в обществе гарантом сохранения ценностей и стабильных состояний, а риски неудач в ней намного выше, чем в сфере экономики. Однако все сферы, так или иначе, формируют новый образ современного общества, преобразуя сознание каждого индивида [13].

Инновации экономической и политической сферы динамичны и преходящи, они могут давать широкие диапазоны динамики в разное время, однако, когда они существуют сами по себе, не затрагивая социальной и духовной сфер, мы не можем говорить о преобразовании общества в целом. Но когда изменения доходят до ценностной сферы, можно уже говорить о системных мировоззренческих сдвигах в социокультурной системе. Как следствие данного процесса, у людей начинают формироваться новые объяснительные схемы о мире и о собственном месте в нем человека. И это становится предметом обсуждения не только учёных, но и философов,

описывающих динамику повседневности. Именно такой процесс диахронно, с разной скоростью и различными особенностями для каждой социальной сферы, можно наблюдать в современном обществе начиная с середины XX в. Этот процесс породил множество самых разных дисциплинарных рефлексий, аксиологического и наукометрического характера, аксиологически позитивизирующих и негативизирующих происходящие изменения [4, с. 119–124].

Общество существенно наращивает скорость развития, и сегодня трудно предугадать все негативные последствия его стремительного развития, поскольку становление информационного общества – процесс незавершённый. Однако можно говорить о тех из них, которые уже очевидны.

Первой из, пожалуй, наиболее обсуждаемой проблемой, возникающей вследствие технизации общества, закономерно стала проблема понимания и расчёта рисков данного процесса. Эта проблема актуализировалась не только потому, что возникают целые классы новых рисков, и их нужно уметь калькулировать и сдерживать, в случае необходимости. Дело в том, что изменилось и само понимание риска.

Риск, в своем традиционном понимании выступает как осознанное потенциально опасное действие, совершаемое человеком или социальной группой. В техногенном обществе радикально изменяется оценка риска, из однозначно негативного феномена он становится аксиологически нейтральным, необходимым элементом социальной жизни или даже, в некоторых случаях, фактором развития общества. Возникают новые понятия «управляемый риск», «приемлемый риск» и даже «безопасный риск».

Прежде всего, для исследователей актуализируются в качестве объекта информационные риски, такие, например, как снижение качества информации при взрывном расширении её объема. Такие риски являются своего рода «узловыми», они, в свою очередь, порождают новые риски и запускают новые цепочки изменений во всех сферах общества [3, с. 196–202].

Увеличение объёма доступной информации приводит к затруднению восприятия и её хаотичной циркуляции на уровне индивидуального сознания. Хаотизация и дезорганизация циркуляции информации порождает также различные проблемы как индивидуального, так группового характера.

Снижение качества информации порождает проблему различения «подлинной» и «мнимой» информации (мнимая создаёт имитационный информационный ресурс, который полагает внедейтельное, неактивное «потребительское» состояние индивида, а подлинная связана с целенаправленной человеческой деятельностью и является её функцией). И эту активность тоже нужно учиться понимать правильно, поскольку, например, экстремисты или религиозные фундаменталисты могут провоцировать людей на активные действия, однако это не значит, что информацию, предоставленную ими, на этом основании можно назвать «подлинной». Субъект должен быть активным в извлечении и проверке информации.

Не менее актуальными и важными являются риски виртуализации жизни [7, с. 387–392]. Знания о мире изменяются, становясь виртуальным, образование переходит в дистанционные формы. Вообще, само появление дистанционного образования можно назвать скорее благоприятным фактором развития общества, чем рискогенным, поскольку жизнь современного человека требует широкого спектра образовательных услуг, большую часть из которых он не успел бы получить в личном традиционном обучении. Такие формы открывают возможности почти безграничного расширения студенческой аудитории, возможность коммуникации с известными учеными для людей, не имеющих достаточных финансовых возможностей для обучения в столице или за границей, в ведущих университетах мира.

Дистанционные формы образования могут быть очень полезными в ряде случаев для человека, даже если он не получает профессию, а просто социализируется и

испытывает потребность в самопрезентации. Социальная сеть открывает для человека доступ к многочисленным источникам знания, а потребность в самопрезентации создает необходимость поддерживать постоянный уровень образованности и актуализирует ценность знания. Однако это явление имеет и обратную сторону – индивидуализацию, высокую конкуренцию среди людей, высокую культурную и социальную дифференциацию. Вместе с тем, снижается качество получаемого образования, в том случае, когда дистанционные формы являются не дополнительными к основному образованию, а единственными. Дистанция создаёт эффект снижения качества контроля за ним, и оказывается, что, не отрываясь от привычной повседневной жизни, человек не может существенно изменить уровень своего сознания, интериоризируя новые ценности [8, с. 26–31].

Для политической сферы широкий информационный спектр также создает немало дополнительных трудностей, поскольку он способствует индивидуализации, возникновению культурной и ценностной полифонии в обществе. Чем больше разнообразие взглядов и мнений в обществе, тем выше политические риски и неустойчивее общественная жизнь. Демократия востребует такое разнообразие, однако, порождая его, она не гарантирует социальной стабильности. Стабильность и управление обществом нуждается в высокой степени мировоззренческого и ценностного единства.

П. Меркер по этому поводу заметил еще в начале XX в.: «Духовное единство немыслимо в сложных культурных условиях, и то, что издали представляется единым, в действительности является гегемонией какой-нибудь социальной группы» [11, с. 93].

Сам формат большинства исследований, посвящённых технизации и информатизации современного общества говорит о том, что общество требует не только научного, аксиологически нейтрального и рационального дискурса по данной проблеме, но и демонстрирует очень высокий запрос на обсуждение ценностной компоненты феномена технизации общества. Рефлексия

технизации, имеющая широчайший оценочный спектр, явственно свидетельствует о том, что общество само не понимает, как относиться к происходящим в нём существенным изменениям [1, с. 66–69].

Аксиологический аспект оказывает востребованным при осмыслении последствий процессов технизации, и их социорегулирующей роли в современном обществе. Причем, на первом плане практически всегда, по вполне понятным причинам, оказываются описания негативных оценок (такие исследования обладают ярко выраженной актуальностью, они сильнее воздействуют на эмоциональную компоненту в любых социальных прогнозах и общество охотно их воспринимает). Кроме того, они действительно поднимают очень актуальные вопросы, например, возрастающую степень контроля за человеком при слабом мониторинге глобальных сетей, что позволяет беспрепятственно развиваться целому ряду негативных социальных явлений: новых видов преступности, экстремизма, терроризма и пр.

Техногенное общество становится обществом тотального риска не только потому, что жизнь человека стала опаснее, а потому, что оно начинает различать риски в разных повседневных ситуациях и описывать его как риск. Вследствие этого, любая деятельность свободного, не связанного традицией человека в той или иной степени оказывается сопряженной с риском.

К этим, вновь различным рискам индивидуальной жизни прибавляются так называемые природожденные риски, часть из которых, не связана напрямую с деятельностью человека, но опосредованно влияет на неё. Ситуация осложняется тем, что, во-первых, разные формы рисков становятся все более взаимозависимыми. Старые и новые риски дают целый спектр новых сочетаний. Например, техносфера, проецируясь на религиозную сферу, порождает новые формы кибертерроризма и религиозного экстремизма с широкой международной аудиторией.

Происходит изменение качественных характеристик риска. Детальное различие

ние риска позволило выявить не только очевидно заметные риски, но и протекающие латентно, менее заметные социальные и индивидуальные риски.

Угроза таких рисков увеличивается вследствие снижения контроля за ними, а механизмы их сдерживания усложняются. Часто обнаружить риск удаётся уже тогда, когда он приобретает широкий охват и проявляет свои негативные последствия.

Риск как аксиологически противоречивый феномен

В зоне риска оказывается и сам социальный субъект – индивид. Несмотря на то, что современное обыденное сознание уже сформировало высокую ценность личности и человеческой жизни, произошло это во многом как раз благодаря тому, что человеческое существование стало крайне нестабильным, и общество не в состоянии обеспечить условия для этой стабильности. Скорее, наоборот, современное общество является средой крайней неопределённости, которую человек рефлексировал и внутри которой обречён на постоянное принятие решений и перманентный выбор.

Всплеск терроризма во многом зависит от динамики трансформационных процессов в нестабильных регионах. Например, демонтаж традиционных властных структур, во многих странах обеспечивавших порядок и безопасность, влечёт за собой стремление новых политических сил занять освободившиеся ниши. И стремление насадить демократию извне вполне может оборачиваться для страны хаосом и беспорядком, которые, в конечном счёте, вновь приведут к созданию устойчивой политической вертикали.

Необходимо отметить, что ни конфликты, в том числе и международные, ни кризисные состояния, ни теракты как деструктивные способы воздействия на процессы, происходящие в обществе нельзя назвать изобретением XX в. Социальный конфликт – это один из древнейших в истории человечества способов решения социальных и политических противоречий, кото-

рый часто приобретал характер насильственных столкновений. Теракты – тоже не инновационные технологии.

В современном коммуникативном пространстве общественное мнение является важной составляющей и регулятором социальных процессов, той силой, которая способна оказывать влияние на принятие социальных или политических решений. Поэтому игроки политической арены вынуждены либо учитывать существующее, либо формировать соответствующее их интересам состояние общественного мнения» [5, с. 264].

Риски техногенного общества проявляются в том, что СМИ оказывают серьёзное давление на общественное мнение, современные информационные средства имеют в своем арсенале мощные технические ресурсы, способные распространить информацию на огромные территории и подчинить своему влиянию большое количество населения. В современных противоречивых условиях СМИ считаются важнейшим фактором воздействия на общественное сознание: информация, включённая в сферы массовой коммуникации и превратившаяся в новостное событие, способно серьёзно воздействовать на формирование соответствующего отношения к происходящим тем или иным событиям [12]. Следовательно, различные силы, имеющие деструктивный характер имеют перспективу использования СМИ в качестве эффективного коммуникативного ресурса для достижения собственных экономических или политических целей.

Например, без учёта применяемых медиа-технологий террористические акции превращаются в локальные преступления, и только закодированные в них коммуникативные послания придают им дополнительный эмоциональный смысл и особую значимость. Социальные конфликты также в большинстве случаев обладают более широкими коммуникативными возможностями и не исчерпываются взаимодействием непосредственно конфликтующих сторон.

Раскрывая специфику PR-деятельности по регулированию конфликтов, В. С. Комаровский подчёркивает в этой связи, что «специалист по PR тушит в основном «пожар общественного мнения», а не исправляет допущенные в работе ошибки управленцев или работников организации» [5, с. 293].

Носители общественного мнения включаются в коммуникативный процесс либо в качестве прямых участников конфликта-кризиса, если происходящее непосредственно затрагивает их интересы (например, жертвы теракта или их родственники), либо вовлекаются в конфликтно-кризисное взаимодействие как резонансная среда. Но конечной целью инициаторов деструктивной коммуникативной деятельности выступают или властные структуры, или конкуренты, или социальные агенты, занимающие лидирующие позиции в каком-либо фрагменте социальной реальности, на роль которых претендуют деструктивные социальные субъекты.

Современные информационные технологии способны оказывать очень серьёзное манипулятивное воздействие на сознание своей аудитории. Расширение границ манипуляций формирует «особую силу», способную определять политику и культуру в глобальной сети.

Складываются отношения, превращающиеся в форму гегемонии, посредством которой различные страны через интернет, глобальную сеть, программное обеспечение распространяют свою идеологию, манипулируют общественным мнением вне зависимости от границ. Важно отметить, что данный феномен и его последствия в мировой практике пока ещё до конца не осознаны.

Заключение

Таким образом, исследование процессов технологизации современного общества и рассмотрение их в аксиологическом аспекте показывают крайне противоречивые оценки данного феномена, а также неопределённость и неоднозначность точек зрения в вопросе об определении позитивной и негативной значимости технологических процессов в современном обществе. При очевидных рисках глобального и локального масштаба возрастает также и рационализация социальных практик. Вместе с тем, при парадоксальной информатизации общества увеличивается безграмотность. Складывается парадоксальная ситуация: коммуникативные технологии используются для разрушения коммуникативного пространства, коммуникация осуществляется ради разрушения коммуникации, коммуникативные процессы утрачивают свою функцию. Однако это не значит, что человечество будет отказываться от необходимости разработки технологий, которые содержательно направлены на формирование позитивной коммуникативной деятельности, на конструирование социокультурного пространства именно как среды продуцирующей ценности и формирующей ценностные ориентиры.

В этих условиях становится очевидно лишь то, что единственной защитой социокультурной среды и людей, обитающих в ней, от разрушающего технологического воздействия может быть только индивидуальная и коллективная культура, сохраняющая и поддерживающая ценностно-нормативный выбор общества, его духовные основания и ориентиры.

Статья поступила в редакцию 07.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И. С., Баластрова К. Н. Специфика ценностных ориентаций в условиях формирования общества знаний // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 6. С. 66–69.
2. Дилигенский Г. Г. Индивидуализм старый и новый (Личность в постсоветском социуме) // Политические исследования. 1999. № 3. С. 10–17.
3. Душина Т. В., Микеева О. А. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 4 (51–52). С. 196–202.

4. Ковалев Д. В., Тяпин И. Н. Проблема технизации сознания в философской мысли: истоки и результаты // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 1. С. 119–124.
5. Комаровский В. С. Управление общественными отношениями. М.: РАГС, 2003. 400 с.
6. Назаретян А. П. «Национальная идея»: Россия в глобальных сценариях XXI века // *Историческая психология и социология истории*. 2014. Т. 7. № 1. С. 75–91.
7. Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурной модернизации // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 4. С. 26–31.
8. Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурных изменений // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19. № 4. С. 387–392.
9. Сук Е. Е. Техногенное общество в условиях глобализации // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2017. № 5–10 (25). С. 66–70.
10. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
11. Merker P. Neun Aufgaben der deutschen Literaturgeschichte. Die Sozialischen Methode. Leipzig, Berlin. 1921. 392 p.
12. Jacobson J., Gruz A. Cybervetting Job Applicants on Social Media: The New Normal? // *Ethics and Information Technology*. 2020. Vol. 22. No. 2. P. 175–195.
13. Alekhina E. V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students // *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 140–146.

REFERENCES

1. Baklanov I. S., Balastrova K. N. [Specificity of value orientations in the formation of a knowledge society]. In: *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian studies of regions], 2017, no. 6, pp. 66–69.
2. Diligenskiy G. G. [Individualism old and new (Personality in the post-Soviet society)]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 1999, no. 3, pp. 10–17.
3. Dushina T. V., Mikeeva O. A. [“Risk society” as a representative model of modern society]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society], 2009, vol. 11, no. 4 (51–52), pp. 196–202.
4. Kovalev D. V., Tyapin I. N. [The problem of technization of consciousness in philosophical thought: origins and results]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 119–124.
5. Komarovskiy V. S. *Upravlenie obshchestvennymi otnosheniyami* [Public Relations Management]. Moscow, RAGS Publ., 2003. 400 p.
6. Nazaretyan A. P. [“National Idea”: Russia in Global Scenarios of the XXI Century]. In: *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2014, vol. 7, no. 1, pp. 75–91.
7. Pelevin S. I. [Technologization of society as a factor of socio-cultural modernization]. In: *Logos et Praxis*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 26–31.
8. Pelevin S. I. [Technologization of society as a factor of socio-cultural changes]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2019, vol. 19, no. 4, pp. 387–392.
9. Suk E. E. [Technogenic society in the context of globalization]. In: *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Actual scientific research in the modern world], 2017, no. 5–10 (25), pp. 66–70.
10. Yadov V. A. *Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiiskikh transformatsii* [Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian transformations]. St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2009. 138 p.
11. Merker P. Neun Aufgaben der deutschen Literaturgeschichte. Die Sozialischen Methode. Leipzig, Berlin, 1921. 392 p.
12. Jacobson J., Gruz A. Cybervetting Job Applicants on Social Media: The New Normal? In: *Ethics and Information Technology*, 2020, vol. 22, no. 2, pp. 175–195.
13. Alekhina E. V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 140–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пелевин Сергей Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета;
e-mail: pelevin17@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei I. Pelevin – Cand. Sci. (Political sciences), Ass. Prof., Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University;
e-mail: pelevin17@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пелевин С. И. Аксиологический аспект технологизации современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 95–102.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-95-102

FOR CITATION

Pelevin S. I. Axiological Aspect of Modern Society's Technologization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 95–102.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-95-102

РАЗДЕЛ V. РЕЦЕНЗИИ

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-103-106

НОВЫЙ УЧЕБНИК ПО ФИЛОСОФИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ РАЗГОВОРУ О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Бондарева Я. В.¹, Михайлова Е. Е.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Тверской государственный технический университет

170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Ильин В. В., Лебедев С. А., Губман Б. Л. Введение в философию: учебное пособие / под ред. С. А. Лебедева. М.: Проспект, 2019. 368 с.

NEW TEXTBOOK ON PHILOSOPHY: INVITATION TO A THEORETICAL CONVERSATION ABOUT THE PROBLEMS OF MODERNITY

Ya. Bondareva¹, E. Mikhailova²

¹Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

²Tver State Technical University

22, Afanasy Nikitin nab., Tver, 170026, Russian Federation

Rewiew of the book:

Ilyin V. V., Lebedev S. A., Gubman B. L. Introduction to philosophy: textbook / ed. S. A. Lebedev. Moscow: Prospect Publ., 2019. 368 p.

В 2019 г. в издательстве «Проспект» вышел новый учебник по философии «Введение в философию». Подчеркивая, что философия представляет собой «проблемное» мировоззренческое знание, его авторы В. В. Ильин, С. А. Лебедев и Б. Л. Губман приглашают студентов и преподавателей высших учебных заведений к теоретическому разговору о важности философского осмысления динамики развития человеческого сообщества и его культуры, отмеченной возрастающим влиянием научного разума. Российские исследователи прямо, в качестве реальных участников образовательных практик, или опосредованно, через печатные научные издания, ощущают необходимость своей вовлеченности в поле подобной дискуссии. Так, А. Е. Рыбас среди множества подходов к интерпретации природы философского знания особо выделяет проблемный, который, на его взгляд, позволяет представить философское познание как «процесс творческого моделирования и актуализации возможной действительности» [6, с. 13]. С философами солидаризируются и психологи. В этой связи С. Л. Леньков и Н. Е. Рубцова обосновывают возможность интеграции субъектно-информационного и метасистемного подходов

© СС BY Бондарева Я. В., Михайлова Е. Е., 2020.

в изучении человека как субъекта деятельности [5, с. 123].

Именно в такой интерпретационной тональности выдержано и изложение базовых философских проблем авторами рецензируемого издания. Проанализировав основные концепции понимания предмета философии (Тема 4. Предмет, метод и структура философской теории), авторы учебника справедливо говорят о возможности разнообразного, плюралистического толкования предмета философии. «Принятие и обоснование каждой из концепций предмета философии имеет конструктивно-консенсуальный характер; все они одинаково законны и имеют право на существование», – пишется в учебнике [2, с. 126].

Современные проблемы философского знания в новом учебнике имеют одновременно и широкий, и подчеркнуто конкретный стиль. Его авторы предлагают обсудить некоторые значимые для современной философской мысли проблемы: восприятие человеком действительности как знаково-символического «текста», подлежащего расшифровке (В. В. Ильин); «пересборка» в современной эпистемологии своих прежних дискурсов и практик, обеспечивающая при этом преемственность традиций (С. А. Лебедев); возможность и значимость «возрождения» спекулятивной философии истории в рамках аналитической традиции (Б. Л. Губман) [1; 3; 4]. Эти и другие темы можно воспринимать как приглашение к теоретическому разговору о проблемах современности.

В связи со сказанным, вполне объяснимой выглядит новая структура данного учебника по философии. Две первые темы в сложившихся традициях написания учебников по философии посвящены истории философии от античности до XX в. включительно. Здесь авторы применяют две формы подачи материала. Первая – поэтапная и поимённая, она написана сжато, но при этом достаточно стильно и свежо. Она используется авторами при изложении материала истории философии от античности до нашего вре-

мени. Вторая форма подачи материала – проблемная. Она применяется при рассмотрении теоретических проблем философии. Как справедливо отмечают авторы, поставленные Кантом три вопроса о сущности философии «индуцируют нас не ограничиваться выделением только двух фундаментальных сторон основного вопроса философии, двух типов отношения между Я и не-Я: онтологического и гносеологического» [2, с. 139]. Не менее, а может быть и более важными, проблемами философии являются антропологические и аксиологические темы мировоззрения. Демонстрируя читателям разные концепции соотношения бытия и сознания, авторы учебника четко обозначают своё видение этой проблемы: «На наш взгляд, наиболее приемлемой философской позицией является мягкий дуализм» [2, с. 135].

Говоря об историко-философской составляющей рецензируемого учебника, хотелось бы отметить серьёзное и ёмкое обозрение концепций западноевропейской философии XX в. В будущем хотелось бы увидеть более подробный экскурс и в историю русской философии.

В учебнике очень современно звучит онтологическая тематика (Тема 5. Проблема бытия в философии). Как преподаватели философии мы знаем, насколько могут быть непонятными или отдалёнными для студента вопросы о бытии и сущем вообще, и как трудно донести их до человека, погружённого в конкретно-научное знание или в пространство социальных сетей. Авторы же учебника оригинальной подачей материала помогают организовать разговор о фундаментальных проблемах бытия весьма содержательно и современно. «Проблема вещи», «Язык – дом бытия», «Истинное бытие как «родина» – эти и другие темы уже необычностью своей формулировки усиливают рефлексию читателя в стремлении теоретического постижения проблем бытия.

Весьма свежо и выразительно выглядит также материал учебника, где обсуждаются антропологические проблемы (Тема 11. Человек: его природа и сущность.

Представления о человеке как о многоуровневой и сверхсложной системе, хотя и показаны в учебнике сквозь призму сложившихся в философии альтернативных взглядов, однако, они не отбрасываются как ложные, а, напротив, органично включаются в качестве частных аспектов природы человека. В этой связи авторы подробно останавливаются на таких темах, как антропный принцип: слабая и сильная версия; биологический и социальный уровни бытия человека; культурное измерение бытия человека; экзистенциальный уровень человеческого бытия; духовный уровень бытия человека.

Выход данного учебника ещё раз подтверждает высокую значимость гуманитарного знания в современном обществе и его растущий интерес к философской

проблематике в самых разных ее проявлениях. Рецензируемый текст достаточно фундаментален как в проблемном, так и смысловом отношении. Читать его не всегда легко, но очень интересно и, бесспорно, полезно с профессиональной точки зрения. И для студента, и для преподавателя главным выводом нового учебника может стать мысль о важности диалога как главного метода построения современного теоретического мировоззрения. «Диалог потому и является абсолютно неустрашимой формой развертывания содержания философского знания, что философское мышление принципиально рефлексивно», – эти слова авторов рецензируемого учебника, на наш взгляд, можно воспринимать как главный посыл их книги своим читателям [2, с. 147].

ЛИТЕРАТУРА

1. Губман Б. Л. Аналитическая и спекулятивная философия истории: от конфронтации к идее со-существования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1 (47). С. 190–207.
2. Ильин В. В., Лебедев С. А., Губман Б. Л. Введение в философию: учебное пособие / под ред. С. А. Лебедева. М.: Проспект, 2019. 368 с.
3. Ильин В. В. Понимание текста: гносеологический анализ // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1. С. 3–17.
4. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
5. Ленков С. Л., Рубцова Н. Е. Функциональная природа сознания: возможности интеграции субъектно-информационного и метасистемного подходов // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 123–135.
6. Рыбас А. Е. Современная философия как «проблемное» знание // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. Т. 1. № 6. С. 13–21.

REFERENCES

1. Gubman B. L. [Analytical and speculative philosophy of history: from confrontation to the idea of coexistence]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1 (47), pp. 190–207.
2. Il'in V. V., Lebedev S. A., Gubman B. L. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 368 p.
3. Il'in V. V. [Understanding the text: epistemological analysis]. In: *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian humanitarian journal], 2017, vol. 6, no. 1, pp. 3–17.
4. Lebedev S. A. [Rebuilding epistemological]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2015, no. 6, pp. 53–64.
5. Len'kov S. L., Rubtsova N. E. [The functional nature of consciousness: the possibilities of integrating the subject-informational and metasystem approaches]. In: *Mir psikhologii* [World of psychology], 2018, no. 2 (94), pp. 123–135.
6. Rybas A. E. [Modern philosophy as “problematic” knowledge]. In: *Filosofskoe obrazovanie: Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakul'tetov i otdelenii* [Philosophical education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments], 2015, vol. 1, no. 6, pp. 13–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Elena Ev. Mikhailova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver' State Technical University;
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарева Я. В., Михайлова Е. Е. Новый учебник по философии. Приглашение к теоретическому разговору о проблемах современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 103–106.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4- 103-106

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Mikhailova E. E. New textbook on philosophy. An invitation to a theoretical conversation about the problems of modernity. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 103–106.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4- 103-106

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2020. N 4

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик Е. А. Кытманова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 6,75, уч.-изд. л. 11.
Подписано в печать: 30.12.2020 г. Дата выхода в свет: 14.01.2021 г. Заказ № 2020/12-06.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А